

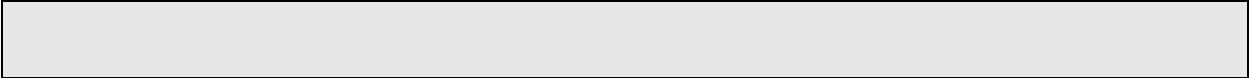
-
-

○

- [От автора](#)
- [1 — Введение](#)
- [2 — Ангелы-хранители](#)
- [3 — Собаки](#)
- [4 — Фальшивые звезды](#)
- [5 — Невидимое искусство](#)
- [6 — Зубная фея](#)
- [7 — Дом с привидениями](#)
- [8 — Работа с клиентами](#)
- [9 — Рыбалка](#)
- [10 — Оборотни](#)
- [11 — Пчелы](#)
- [12 — Еда](#)
- [13 — Стояки](#)
- [14 — Отъезд](#)
- [15 — Подкрученные «пики»](#)
- [16 — Команда](#)
- [17 — Наемные убийцы](#)
- [18 — Город](#)
- [19 — Начинаящий Водитель](#)
- [20 — Свалки](#)
- [21 — Эхо](#)
- [22 — Прошлое](#)
- [23 — Любовь](#)
- [24 — Оборотни-2](#)
- [25 — Козел отпущения](#)
- [26 — Отрицание очевидного](#)
- [27 — Ночь Елки](#)
- [28 — Скрытые команды](#)
- [29 — Оборотни-3](#)
- [30 — В трауре](#)
- [31 — Некоторые итоги](#)
- [32 — Оглядываясь назад](#)
- [33 — Оборотни-4](#)
- [34 — А что, если?](#)

- [35 — Уход в прошлое](#)
- [36 — Наемные убийиы-2](#)
- [37 — Корчевание](#)
- [38 — Оборотни-5](#)
- [39 — Последние зацепки](#)
- [40 — И снова Рэнт](#)
- [41 — Участники интервью](#)
- [Комментарии переводчика](#)

Моему отцу, Фреду Линдеру Паланику.
Подними глаза. Пожалуйста.

*Вы никогда не жалели,
что родились на свет?*

От автора

Книга написана в жанре устной биографии, то есть состоит из рассказов самых разных свидетелей. Когда многие люди говорят об одном и том же, они неизбежно противоречат друг другу. Примеры подобных биографий: «Капоте» Джорджа Плимптона, «Эди» Джин Стайн, «Лексиконный дьявол» Брендана Маллена.

1 — Введение

Уоллес Бойер (продавец автомобилей): Я, как многие другие, познакомился с Рэнтом Кейси после его смерти. С известными людьми так часто: только помрут, приятелей набежит! Знаменитый покойник шагу по улице не ступит, чтоб не наткнуться на миллион лучших друзей, которых при жизни в глаза не видел.

Если бы Джефф Дамер или Джон Уэйн Гейси были еще живы, о них бы столько не писали. А когда умер Гаэтан Дюга, число людей, с которыми он якобы трахался, просто зашкалило.

Как говорил Рэнт Кейси, чтобы выехать на твоей репутации, тебя ругают при жизни и хвалят после смерти.

Так вот, сижу я себе в самолете, а рядом садится мужик, явно из какой-то глухомани. Кожа у него — ну прям как автокатастрофа, не пялиться невозможно. Все руки в укусах, дырках, сморщенные, смотреть противно.

Стюардесса, ну, она спрашивает этого, с гор спустившегося, чего бы он хотел выпить. И потом просит его передать мне виски со льдом. А я смотрю на эти страшные пальцы, костяшки как изжеванные, и думаю: пить из стакана не буду.

Тут еще эта эпидемия, ну его! В аэропорту теперь после металлоискателя температурный контроль, как во время атипичной пневмонии. Правительство говорит, многие и понятия не имеют, что заражены. Можешь себя прекрасно чувствовать, но если датчик пикнет, мол, температура повышена, загремишь в карантин. А если пожизненно? Без суда, без всего.

Все равно опускаю столик и беру стакан. Смотрю, как виски бледнеет, разжижается. Как тает и пропадает лед.

Кто живет продажей автомобилей, вам всегда скажет: повторение — мать учения. У нас так: есть контакт — есть доход.

А тренировать свои навыки можно везде. Например, чтобы запомнить имя человека, есть хороший приемчик: всмотреться ему в глаза, чтобы увидеть цвет — зеленые, карие или голубые. Называется «разрыв паттерна». Паттерн, шаблон — это типа привычка забывать. Разорвешь его — и уже не забудешь.

У этого ковбоя глаза были ярко-зеленые. Зеленые, как антифриз.

Весь перелет мы с ним делили один подлокотник — я сидел у окна, он ближе к проходу. Вы меня простите, но с его ковбойских сапог кусками

валилось подсохшее дерьмо. А эти длинные баки, может, в старших классах и помогли ему затащить в постель телку-другую, но сейчас совсем седые, от виска до самой челюсти. Про руки вообще молчу.

Чтобы установить раппорт, контакт, в смысле, спрашиваю, сколько он заплатил за билет. Если не умеешь угадать, что нужно человеку, с которым в самолете целый час трешься локтями, не можешь найти, где у него кнопки, то никого не уговоришь на «мысленную покупку» «Ниссана», не говоря уж о «Кадиллаке».

Еще один прием: в каждом авто программируешь первую кнопку магнитолы на госпел. Вторую — на рок-н-ролл. Третью — на джаз. Если клиент весь из себя начальник, распахни перед ним дверь и включай новости или политобзоры. Если хиппи в сандалетах — ищи культурную передачу. Чтобы, повернув ключ, они слышали то, что хотят услышать. А пятую кнопку в каждой машине я программирую на дурацкий техно-рэйв, если вдруг появится автосалочник.

Зеленые глаза, дерьмо на сапогах — у продавцов это называется «мысленные крючки». Вопросы с одним ответом — «закрытые вопросы». Вопросы, которыми заставляют покупателя говорить, — «открытые».

Например, вопрос «Сколько вы выложили за билет?» — закрытый.

Мужик отхлебывает виски, глотает. Потом, глядя в упор перед собой, отвечает:

— Пятьдесят долларов.

Настоящий «открытый» вопрос — это вроде «Как вы живете с такими страшными руками?». Я спрашиваю: в одну сторону?

— Туда и обратно, — говорит он и жуткой ручищей подносит ко рту стакан. — Скидка по смерти близкого.

Я сижу вполоборота, смотрю на него и замедляю дыхание в такт тому, как шевелится его ковбойская рубашка. Этот прием называется «активное слушание». Он откашливается, я чуть подожду и тоже откашливаюсь. Хорошие продавцы так «ведут» клиента.

Скрещиваю ноги у щиколоток, правую над левой, как он, и говорю: мол, такого не бывает. Даже без мест билеты дороже. Как ему так удалось? Он отхлебывает еще виски, неразбавленного, и начинает:

— Сначала сбегашь из охраняемой психушки... Потом, говорит, хочешь поймать попутку, а сам стоишь в пластмассовых шлепанцах и бумажной хламиде, которая сзади не застегивается. Опаздываешь на пару секунд, и детонаильник-рецидивист насилует твою жену. И мать. Потом от этого насилия рождается сын, ты его растишь, он собирает целый фургон старых человеческих зубов. После школы этот чокнутый сынок сбегает в

город. Вступает в какую-то секту, которая живет по ночам. Попадает в аварию раз эдак пятьдесят и связывается с какой-то почти, хоть и не совсем, проституткой.

А еще он рассадник эпидемии, из-за которой погибли тысячи, ввели военное положение и вообще мир во всем мире теперь под угрозой. И наконец твой сынуля погибает в пылающем аду на глазах у всех телезрителей.

Очень просто, мол.

Потом добавляет:

— И когда ты поедешь за его трупом, — опрокидыва ет стакан себе в рот, — самолетная компания даст спе циальную скидку.

Пятьдесят баксов, туда и обратно. Он смотрит на скотч, который еще стоит на моем столике. Теплый. Весь лед, что был, растаял. И спрашивает:

— Будете?

Я говорю: пейте.

Вот так иногда за секунду меняется вся жизнь.

Твое завтрашнее будущее окажется не похоже на вчерашнее.

Передо мной дилемма: просить автограф или нет? Я еще больше замедляю дыхание, отзеркаливаю его и уточняю, в родстве ли он с тем парнем... Рэнтом Кейси? Кейси-Оборотнем — самым страшным «нулевым пациентом» в истории? Суперносителем, который заразил половину Америки? Целующим Убийцей? Рэнтом Бешеным Псом?

— Бастер. — Он тянется уродливой рукой за моим виски и говорит: — Моего мальчика при рождении назвали Бастер Лэндрю Кейси. Не Рэнт. Не Бадди. Бастер!

Я впитываю глазами каждый складчатый шрам на его пальцах. Каждую морщину, каждый седой волос. Внимательно вдыхаю запах перегара и коровьего навоза. Локтем запоминаю, как трется о меня рукав фланелевой рубашки. Я уже понял, что буду рассказывать об этой встрече всю оставшуюся жизнь. Вцепляюсь в каждую мелочь и прячу про запас, как белка, каждое его слово и каждый жест. Говорю, а вы...

— Честер, — отвечает он. — Я Честер Кейси.

Вот он, сидит со мной рядом. Честер Кейси, отец Рэнта Кейси: ходячего и говорящего биологического оружия массового уничтожения.

Энди Уорхол ошибался. В будущем у каждого не будет пятнадцати минут славы. Нет, в будущем у каждого будет пятнадцать минут рядом с тем, кто прославился. С Тифозной Мэри, Тедом Банди или Шэрон Тейт. В истории есть лишь монстры и жертвы. И свидетели.

А я ему что? Я говорю: мне очень жаль.

— Сочувствую, что ваш малец того...

Головой качаю. Чет Кейси тоже качает головой, и я уже не уверен, кто кого «ведет». Кто первый сел в такую позу. Может, этот говноед сам меня изучает. Зеркалит меня. Находит мои кнопки и устанавливает раппорт. Может, это он мне что-то продает. Живая легенда Чет Кейси моргает. И дышит медленно, не больше пятнадцати раз в минуту. Допивает мой скотч.

— Но как ни крути, — пихает меня локтем в ребра, — скидка на билет что надо!

2 — Ангелы-хранители

Из путевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): Собака в Миддлтоне — что корова в Калькутте или Нью-Дели. Посреди каждой дороги на солнце валяется какая-нибудь помесь дворняжки с охотничьей, пытит, высунув слюнявый язык. Этаким лохматый «лежачий полицейский» без ошейника и всяких опознавательных знаков. Припорошенный глиняной пылью, сдутой ветром с распаханых полей.

До Миддлтона целых четыре дня езды. Никогда еще так долго не сидел в автомобиле без аварий. Это оказалось самым неприятным аспектом нашего паломничества.

Недди Нельсон (автосалочник): Как вы объясните тот факт, что в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году в штате Юта, возле Антелоп-Спрингс, палеонтолог-любитель Уильям Мейстер разбил кусок глинистого сланца, надеясь найти там ископаемых трилобитов, а вместо этого увидел окаменевший след человеческой обуви, оставленный пятьсот миллионов лет назад? И как другой окаменевший отпечаток обуви, обнаруженный в Неваде в тысяча девятьсот двадцать втором году, попал в горную породу триасового периода?

Эхо Лоуренс (автосалочница): Мы ехали в Миддлтон глубокой ночью, по каким-то долбаным полям, а Шот Даньян жал на кнопки радио, искал дорожные сводки. Чтобы услышать о бурной жизни, которая проходит мимо нас. Утренние или вечерние новости для заокеанских водителей. Пробки и заторы там, где еще «вчера». Скопления машин, смертельные исходы, крушения автопоездов на магистралях там, где уже «завтра».

Странно, блин, слышать, что кто-то погиб завтра. Будто прямо сейчас еще можно позвонить этому бедняге в Москву и сказать: «Сиди дома!»

Из передачи «Дорожные картинки» на «Авторадио»:

Если вы сейчас под Ричмондом и направляетесь на восток, к Мэдоузскому объезду, учтите, что из-за любопытства водителей движение замедлилось. Притормозите и вы, вытяните шею, чтобы хорошенько рассмотреть на дальней левой полосе аварию со смертельным исходом. Столкнулись два автомобиля: впереди «Плимут» цвета морской волны, модель «Роуд Раннер», семьдесят четвертого года с V-образным восьмицилиндровым чугунным двигателем объемом четыреста сорок кубических дюймов и четырехкамерным карбюратором. Салон с

оригинальной белой отделкой. За рулем была знойная девица двадцати четырех лет от роду, со светлыми-тире-зелеными волосами и с классическим случаем перелома-тире-вывиха позвоночника в области атланта-затылочного сочленения при полном разрыве спинного мозга. Если выразиться проще, с переломом шеи.

Сзади шикарный двухдверный седан кремового цвета, модель «Нью-Йоркер-Брогам-Сент-Реджис» с хромированными декоративными накладками и неподвижными задними форточками. Классная тачка! Проезжая мимо, обратите внимание, что водителю было двадцать шесть лет, и у него самый обычный поперечный перелом грудины с двусторонними переломами ребер, причем ребра при столкновении с рулем проткнули легкие насквозь. Плюс, говорят ребята из «скорой», обширное внутреннее кровоотечение.

Так что пристегните ремни и сбавьте обороты. Репортаж вела Тина Самсинг...

Эхо Лоуренс: Мы нарушили комендантский час и государственный карантин. И рванули в это захолустье. Я сидела впереди. Шот Даньян — за рулем. Недди Нельсон — сзади. Он читал какую-то книгу и рассказывал нам, что Джек-Потрошитель не умер, а отправился в прошлое, чтобы убить свою мать и сделать себя бессмертным, и теперь он президент США или Папа Римский. Это вроде сумасшедшей теории, что НЛО — на самом деле туристы из далекого будущего.

Шот Даньян (автосалочник): Наверное, мы поехали в Миддлтон, чтобы посмотреть на все места, о которых рассказывал Рэнт, и познакомиться с теми, кого он называл «своими». С его родителями, Айрин и Честером. Лучшим другом Боуди Карлайлом, они вместе учились. С разными фермерскими семействами — Перри, Томми и Эллиотами, — он нам про них все уши прожужжал, мы ведь почти все автосалки просто ездили по городу и трепались. Короче, со всякими деревенскими мудаками.

Хотели нарастить мясо на Рэнтовы истории. Что, не прикольно? Поехали мы с Эхо Лоуренс и Недди — Недди на заднем сиденье — в его «Кадиллаке-Эльдорадо». В машине, которую ему купил Рэнт.

Да, еще мы хотели положить цветы и всякое такое на могилу Рэнта.

Эхо Лоуренс: Шот жмет на кнопки радио и вздыхает:

А знаете, мы пропускаем классную Ночь Футбольной Мамы...

Это не сегодня, — говорит Недди. — Проверь календарь! Сегодня Ночь Начинающего Водителя.

Шот Даньян: На горизонте видна полоска света. Полоска набухает, превращается в бугор белого света, потом в полукруг, потом в круг.

Полнолуние. Пропускаем классную Ночь Медового Месяца.

Эхо Лоуренс: Мы не слушали музыку, а рассказывали друг другу истории. Вспоминали, что говорил нам Рэнт о своем детстве. Все надо было собирать по кусочкам, выгребать из подвалов памяти. Каждый кидал в общий котел что-то свое, и так мы ехали дальше.

Шот Даньян: Нас притормозил местный шериф, и мы сказали правду: мы совершаем паломничество на родину Рэнта Кейси.

Ночами вроде этой, когда весь поселок спит, маленький Рэнт Кейси крутил свое радио. Сидел в наушниках. Он ловил дорожные сводки из Лос-Анджелеса и Нью-Йорка. Слушал о пробках и заторах в Лондоне. О задержках в Атланте. По-французски — о трех машинах, столкнувшихся в Париже. Учил испанский по выражениям вроде *neumatico desinflado* и *punto muerto*. Спущенные шины и пробка в Мадриде. *Imbottigliamento* — это пробка в Риме. *Her roosterslot* — пробка в Амстердаме. *Saturation* — пробка в Париже. Невидимый мир дорог как на ладони.

Эхо Лоуренс: Короче, ехать по захолустью между полночью и восходом рискованно. Полицейские врубают сирену просто от нечего делать. Миддлтонский шериф посветил на наши права фонариком и прочитал целую лекцию о большом городе. Мол, город и сгубил Рэнта Кейси. Все городские — убийцы. Это он про нас.

Этот шериф явно подключился к «пику» техасского рейнджера или какого-нибудь Джона Уэйна. Закольцевал его и так ходит. Подкрутите «пик» сержанта по строевой подготовке переживаниями судьи-убийцы, добавьте чувства добермана — и получится миддлтонский шериф. Стоит, квадратные плечи назад, пальцами пряжку оттопыривает. И качается на пятках туда-сюда.

Шот спросил:

— Кто-нибудь приезжал убить мать Рэнта?

Шериф был в ковбойских сапогах и в коричневой рубашке с латунной звездой, приколотой к нагрудному карману, в кармане ручка и темные очки, рубашка заправлена в джинсы. На звезде надпись: «Полицейский Бэкон Карлайл».

Короче, худшего вопроса Шот придумать не мог.

Недди Нельсон: Вот скажите, как в тысяча восемьсот сорок четвертом году физик сэр Дэвид Брюстер обнаружил металлический гвоздь в куске девонского песчаника возрастом больше трехсот миллионов лет?

Из путевых заметок Грина Тейлора Симмса: Если бы вы смогли увидеть Миддлтон с воздуха, по пути из Нью-Йорка в Лос-Анджелес, то подумали бы: как здесь живут? Вообразите себе замызганные диваны,

забытые на верандах. Машины, оставленные у парадного входа. Дома, наполовину съехавшие с фундамента и подпертые шлакобетонными кирпичами. Под домами спят курицы и собаки. На первый взгляд вам покажется, что тут был потоп или землетрясение.

Недди Нельсон: А как вы объясните тот факт, что домохозяйка из Иллинойса, миссис С.В. Калп, разбила кусок угля и нашла внутри золотое кольцо?

Из путевых заметок Грина Тейлора Симмса: Несмотря на унылую атмосферу, эти маленькие городки очень сексуальны. Здесь остаются те, кто рано расцвел и похорошел. У молодых мужчин и женщин вырастают идеальные груди и мышцы, но, не зная, как этим лучше распорядиться, они заводят детей и женятся очень близко к дому. Поэтому лучшие гены сосредоточиваются в совершенно невероятных местах. Вроде Миддлтона. Там гнездятся безумно прекрасные идиоты и идиотки, которые рожают детей и вступают в долгую и уродливую взрослую жизнь. Венеры и Аполлоны. Провинциальные боги и богини. Если за всю свою нудную, скучную, пыльную историю община и произвела на свет нечто экстраординарное, так это Рэнта Кейси.

Эхо Лоуренс: «Чаще всего люди покидают маленький город, — говорил Рэнт, — чтобы мечтать туда вернуться. А другие остаются, чтобы мечтать оттуда уехать».

Рэнт хотел сказать, что несчастны все и везде.

Из путевых заметок Грина Тейлора Симмса: Кто главный в Миддлтоне, а в частности, в семье Кейси, особенно ярко проявлялось по праздникам. Во время пасхальных завтраков, обедов в День Благодарения и рождественских ужинов семейство делилось на два класса.

Взрослые ели из старого фарфорового сервиза, купленного много поколений назад, — тарелки ручной росписи с цветочками и золотой каймой. Дети сидели на кухне, даже не за столом, а за несколькими складными карточными столиками, составленными впритык.

Эхо Лоуренс: На кухне все было бумажное — салфетки, скатерть и тарелки, — чтобы все потом свернуть и отправить в мусорку. Перед тем, как преломить хлеб, взрослые произносили одну и ту же молитву: «Спасибо Тебе, Господи, за эту благословенную семью, за пищу и за нашу удачу».

Из путевых заметок Грина Тейлора Симмса: Стареющие члены семьи, которые еще сидели за детским столом, молились о сальмонеллезе. О рыбьих костях в трахее. Юные поколения, благочестиво складывая руки и склоняя головы, мечтали об обширных инсультах и инфарктах.

Эхо Лоуренс: Рэнт говорил: «Лучшее утешение в жизни — когда можешь обернуться через плечо и увидеть, что за тобой в очереди стоят те, кому еще хуже».

Шот Даньян: Перед автосалками наша команда ходила куда-нибудь ужинать; Грин Тейлор Симмс презрительно фыркал, глядя, как Рэнт ест в ресторане одной вилкой. Рэнт не был тупицей, просто он так и не продвинулся дальше пластмассовой ложки.

За глаза Грин прозвал его Гейкльберри Финном. Вроде как Гекльберри, только с подначкой.

Из путевых заметок Грина Тейлора Симмса: Мистер Даньян называет Рэнта Зубной феей.

Эхо Лоуренс: Вот послушайте. Около полуночи мы с Шотом Даньяном остановились на подъезде к их дому, перед почтовым ящиком, где было написано «Кейси». Дом стоял посреди поля, такой белый, с длинной верандой вдоль фасада, крутой крышей и мансардным окном прямо на веранду — это комната Рэнта с ковбойскими обоями.

Под стенами были всякие кусты и цветы, до самого забора, сплетенного из цепей, стриженный газон. За домом мы еле заметили коричневый сарай. Все остальное — пшеница, до плоского горизонта, вокруг «Кадиллака» Недди. А Шот все возился с радио, искал дорожные сводки.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: На всякий случай предупреждаем, не пропустите небольшую аварию на правой полосе западного шоссе из центра города. Все произошло у дорожной пометки номер шестьдесят семь. Автомобили со свадебными украшениями, к задним бамперам даже привязаны банки из-под консервов. Движение приостановилось, потому что водители глазят на невест и женихов, которые кричат и бросаются друг в друга свадебным тортом. Будьте осторожны: на дороге молодожены и рисовые зерна...

Эхо Лоуренс: Шот заснул — прислонился к дверце и захрапел. А я все ждала знака, что Айрин Кейси жива и никакой таинственный незнакомец ее не задушил и не прирезал.

Недди Нельсон: Тогда скажите, как в тысяча девятьсот тринадцатом году антрополог Г. Рек нашел череп современного человека в отложениях раннего плейстоцена? Объясните, как такие же черепа обнаружили в слоях раннего плейстоцена и среднего плиоцена в Буэнос-Айресе и Рагаццони, в Аргентине и Италии, соответственно?

Шот Даньян: Мы обошли их зачуханное кладбище — куча сорняков, постриженных косилкой, — но могилу Рэнта не увидели. Что, не странно?

Зато мы обнаружили в справочнике имя его лучшего друга, Боуди Карлайла, а потом в конце дороги нашли его трейлер. Весь в перекасти-поле до самых окон, на дворе лает цепной питбуль. До восхода еще было очень долго. Мы даже не постучали в дверь.

Эхо Лоуренс: Да где там! Я так и не видела Айрин Кейси. Мы даже не постучали в дверь. Кто знает, может, она уже мертвая лежала.

Уоллес Бойер (биограф): Кто долго продавал автомобили, знает: уникальных людей не бывает. Любой чудаков-одиночка родом из целого гнезда чудаков. Поезжайте в какую-нибудь занюханную деревню в Словакии, и даже Энди Уорхол покажется вам абсолютно нормальным.

Эхо Лоуренс: Короче, на рассвете этот захолустный шериф подъезжает к нашей машине и давай орать в мегафон, что мы, мол, нарушаем федеральный Закон о стандарте действий в экстренных ситуациях и комендантский час «Эй». Нам не хотелось оставлять миссис Кейси без присмотра, но Большой Вождь навел на нас пушку и говорит:

— А не забрать ли вас в участок для проведения маленького допроса...

Из путевых заметок Грина Тейлора Симмса: В Миддлтоне спящих собак все объезжают.

3 — Собаки

Боуди Карлайл (детский друг Рэнта): Зимой миддлтонские собаки собираются в стаи. Наши же, фермерские, — сбегают, только их и видели. Видеть не видим, зато по ночам слышим, как они воют и лают. Других собак так бросают из машин прямо на обочину. Чтоб отделаться. Городские думают, любой барбос на воле одичает и прокормится. На самом деле те просто зубами щелкают, пока с голодухи не сожрут какую-нибудь дрянь, которую не стали есть другие звери. А в этой дряни полно мушиных яиц. Так что почти все эти брошенные собаки мрут от глистов.

Остальные кучкуются, чтоб не замерзнуть. Ну, те, что не сдохли. Охотятся стаями на кроликов и чернохвостых оленей. Как зима, поймают добычу и воют там, где деревья, у реки. Наши собаки послушают-послушают — и к ним.

Даже самый лучший пес забывает свою кличку, зови не зови. Пропадает на всю зиму, будто сдох, а вой слышен. Как выпадет снег, от твоего любимца, от лучшего приятеля остается далекий вой оборотня в темноте. На холоде-то звуки разносятся на тысячу миль.

Самый страшный детский кошмар зимой — будто идешь ты домой, как солнце сядет, и вдруг слышишь собачью стаю. Они воют, огрызаются, звуки все громче и ближе. В темноте бродит ужас с миллиардом зубов и когтей.

Иногда находят загнанного стаями оленя. Череп — самое большое, что осталось. Все — и шкура, и кости — разгрызено на мелкие кусочки и растаскано. От кролика остается лапка в коже шерсти, шерсть и кровь повсюду. Одна кроличья лапка с кусочком мокрого мягкого меха, как на удачу.

Собака Кейси — та убегала в стаю каждую зиму, а однажды вообще не вернулась. По ночам запрыгнет на диван, смотрит в окно, уши наострит, слушает, как стаи рыщут. Охотятся. Мы их и не видим никогда, больше разговоров, чем дела. Это наполовину сказка. Наша страшилка. Где там наполовину, настоящая сказка. Что собаки, может, даже твои, сойдут с ума и начнут на тебя охотиться! Будут выслеживать тебя по дороге из школы. Бежать за тобой, красться по придорожным кустам. Твой собственный пес тебя нагонит и раздерет на клочки. Сколько ни кричи ему: «Фидо!», «Фу!», «Сидеть!» — пес, которого ты щенком учил не гадить дома и шлепал газетой, тот же самый Фидо сомкнет челюсти на твоём горле и вырвет его с

мясом. И завоюет над твоей агонией, и вылакает горячую кровь, толчками бьющую из твоего любящего сердца.

Шериф Бэкон Карлайл (детский враг Рэнта): Только не надо бить на жалость! Рэнт Кейси с начальных классов нарывался на ужасную смерть. От змей или от бешенства. А собаку Кейси звали Фас. Какая-то наполовину гончая, наполовину бигль, наполовину ротвейлер, наполовину бультерьер, наполовину все что хочешь. Это Честер Кейси дал ей такую кличку: Фас.

Эдна Перри (соседка): Если вам это интересно, Кейси звали друг друга по-разному. Айрин называла мужа Четом. Он ее — Рин, сокращенно от Айрин, и только в глаза. Никто больше так ее не называл. Рэнт говорил Честеру «папа». Айрин звала сына Бадди, а отец — Бастером. Рэнтом — никогда. Только Боуди Карлайл так его звал.

А еще говорят, Рэнт называл Боуди Жабой. Честно!

В общем, у всех друг для друга разные имена. Бастер был Рэнтом и Бадди. Честер был Четом и папой. Айрин — мамой и Рин. Так люди присваивают тех, кого любят, — дают им особенное имя. Хотят сделать их своей собственностью.

Шериф Бэкон Карлайл: То же самое, что выбросить собаку на дорогу. Худшее, что человек может сделать, — это себя распустить.

Эхо Лоуренс (автосалочница): Вот послушайте. Рэнт говорил: «Для каждого, кто тебя знает, ты разный».

А еще он говорил: «Ты есть только в глазах других».

Если б на его могиле что-то написать, больше всего он любил эти слова: «Твое завтрашнее будущее окажется не похоже на вчерашнее».

Шот Даньян (автосалочник): Бред! Вот его любимые слова: «Некоторые из нас рождаются людьми. Остальные идут к этому всю жизнь».

Боуди Карлайл: А я помню, Рэнт говорил: «Моложе, чем сегодня вечером, нам уже не стать».

Айрин Кейси (мать Рэнта): По воскресеньям Бадди ходил с бабушкой Эстер в церковь. В хорошую погоду мы с Четом надолго отвозили Бадди к ней. Маленький Бадди увидел, что ей пойти в церковь не с кем, и начал ходить с ней сам. От ее дома до церкви рукой подать. Старушка в нарядной шляпе и маленький мальчик с галстуком-бабочкой идут по дороге, держась за ручки, — так трогательно!

Однажды мы уже спели первый гимн, почитали Библию и наполовину прослушали проповедь, а Бадди с Эстер все не идут и не идут. Уже собирают пожертвования, и вдруг дверь церкви с грохотом открывается.

Сначала такой топот по ступенькам у входа, потом большая дверь как распахнется — ручкой пробила дырку в стене. Все оборачиваются и видят малыша Бадди. Запыхался, стоит, упершись руками в колени, дверь за собой не закрыл, светит солнце, и дышит так тяжело, никак не отдышится. Весь лохматый, бабочки нет. Подол рубашки торчит наружу.

Преподобный Кертис Дин Филдс говорит:

— Будьте добры, закройте дверь.

А Бадди задыхается:

— Покусали!

Потом кое-как перевел дух.

— Бабушку Эстер покусали! Ей плохо, очень!

Стоят холода. Я думаю, может, собачья стая? Может, ее какой пес покусал? Ну, дикий какой.

Шериф Бэкон Карлайл: Вы уж меня простите, но ни один Кейси не заплатил за дыру, которую Рэнт проделал в стене церкви. Даже если поверить, что он не нарочно.

Айрин Кейси: Бадди говорит, Эстер укусил паук. По виду похоже, что «черная вдова». Бадди и бабушка шли на службу, и вдруг на полпути она встала. Замерла, выпустила его руку. Кричит: «Боже!» — и обеими руками срывает шляпку с головы, вырывает волосы со шпильками. Бадди говорит, с таким звуком, будто рвут газету напополам. У нее такая черная шляпка для церкви, круглая, черная, размером как банка порошка для ванны. Эстер швыряет ее на землю. И воскресными туфлями топчется по черному атласу. Черные туфли серые от пыли. Черное пальто все в клубах пыли. Сумкой болтает, другой рукой отгоняет Бадди. не трогай, мол.

На шляпке вырванные с корнем пучки седых волос.

Эстер туфлей переворачивает шляпку, они с Бадди садятся на корточки и смотрят.

Среди пыли и камешков, между смятой вуалью и скомканным атласом, дергая лапкой, лежит паук. Пыльный черный паук с красными песочными часами на животе.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): Местный паук «черная вдова», близкий родственник южноафриканской «черной вдовы», принадлежит к семейству пауков-тенетников и селится в укромных местах вроде старой одежды или дворовых уборных. Пока канализацию не провели в дома, жертвы чаще всего страдали от укусов «черной вдовы» в ягодицы или гениталии. В наше время паук чаще кусает человека, оказавшись на коже при надевании обуви или перчатки.

Айрин Кейси: Бабушка Эстер кладет руки на темя, щупает кожу,

перебирает завитки, пока не находит то, от чего рот у нее открывается, а глаза плотно зажимаются. Когда она открывает глаза, говорит Бадди, глаза его бабушки моргают и мокрые. Она достает из сумочки салфетку. Прижимает к голове. По словам Бадди, когда они посмотрели на салфетку, то увидели красное пятно свежей крови. Эстер ему говорит:

— Быстро, как только можешь, беги за папой!

Эстер Кейси встала на колени, потом села, потом легла прямо на пыльную обочину и повторяет:

— Быстрее, быстрее!

Эхо Лоуренс: Рэнт говорит, бабушка ему сказала:

— Беги быстрее, но если не успеешь, помни, что я тебя все равно люблю...

Кэмми Эллиот (детская подруга Рэнга): Убейте меня, если вру, потому что я не вру. Когда дул очень сильный ветер, миддлтонские собаки вообще с ума сходили. Как дунет, все мусорки на боку. Собаки балдеют.

В шестом классе девочкам рассказывают, что не растворяется в коллекторе. Весь женский мусор надо заворачивать в газету и зарывать поглубже в мусорку. Если ассенизаторы приедут вычищать твой коллектор и найдут лишнее, родителям придется раскошелиться.

Когда мусорку опрокидывает ветром, зависит от дома, конечно, но повсюду летят грязные прокладки. В ветреные дни у всех «праздники». Прокладки ходят по дороге целыми отрядами. Газетную обертку сдувает, и видна темная кровь, а на ней налипший песок и репей. И семена травы, как булавки в подушках. Прокладки вылетают из каждой перевернутой мусорки, уже не отряды, а целая армия, маршируют, куда ветер дует. Пока не натыкаются на изгородь. Или на кактус.

Шот Даньян: Рэнт слышал, как поблизости лают и грызутся собаки. Он не хотел оставлять бабушку, но она говорит: беги.

Кэмми Эллиот: Честно! Колючая изгородь на три проволоки вся в белой вате, как на Рождество. А подойдешь ближе, чем надо, — увидишь презервативы, которые нанизались на проволоку, как сдутые воздушные шары. Болтаются на ветру, зеленые, серые или голубые, и во всех что-то белесое.

Болтаются на колючках прямо перед тобой, тонкие прокладки на каждый день и толстые, с крылышками, для «критических». Презики гладкие и ребристые. Причем бывают такие необычные, каких в местном магазине сроду не продавали.

Старая кровь, куски такие черные, как гудрон. Кровь бурая, как кофе. Или водянисто-розовая кровь. Или сперма, которая уже почти как водичка.

Многие, особенно мужчины, думают, что кровь — она всегда кровь. Но на целой миле изгороди не найдешь два похожих тампона.

Иногда попадают лобковые волосы. Светлые, каштановые, седые. Стоит ветру дунуть хорошенько, все миддлтонцы повисают, как птички на телефонной линии. Как агитационная выставка на окружной ярмарке.

Шериф Бэкон Карлайл: Самое трудное, скажу я вам, было удерживать собак дома. Можно было не видеть мутняшку и кровь на проволоке, и так понятно: мусорку опрокинуло. Собаки как бешеные, скулят, скребут лапами двери. Краску соскребают, коврики дерут, чтобы добраться до запаха, такого слабого, что только собака и учует.

На улицу они совсем не так просятся. Унюхивают, как эти резинки и бабьи затычки мотаются на жаре, и прям слюной исходят.

И не дай бог дверь открыть. Почти все сразу садятся на телефон, звонят, ругаются, просят кого-нибудь собрать.

Кэмми Эллиот: У нас места такие ровные, что видно все отовсюду. Нормальные люди стыдятся ходить возле секс-торнадо. Никто не хочет показывать остальным, как он собирает всякий срам, будто спелые помидоры.

Или все пойдут собирать свое — или никто.

Так что всегда все спорят. Все такие приличные, что никак не соберут грязь.

Мэри Кейн Харви (учительница): Если бы я не работала в школе, о, я бы столько вам порассказала! Бастер Кейси — исключительный молодой человек.

Шериф Бэкон Карлайл: Не забывайте, некоторые, и ФБР в том числе, считают, что бабушка Эстер была жертвой Рэнта номер один.

Мэри Кейн Харви: Бастер никогда не получал по литературе и письму выше «удовлетворительно», но казалось, он может построить целый мир из каких-нибудь палочек, камушков и горстки выученных слов. Это как трэмп-арт, поделки заключенных или моряков, которые трудятся над ними месяцами. Как настоящая модель Ватикана из спичек или Акрополь, склеенный из кусочков рафинада. Такие предметы искусства создаются из простых материалов почти без инструментов, но требуют огромных затрат внимания и времени. Памятники терпению.

Боуди Карлайл: Расскажу, чтобы вы поняли, как за Рэнтом в последнем классе все бежали.

Однажды вечером наши собаки завывали и давай скрести дверь. Как раз дул ветер, и не надо было солнца, чтобы понять: опять секс-торнадо.

Пришел Рэнт, стучит нам в кухонную дверь. Мама по телефону с кем-

то ругается, а Рэнт машет мне: мол, выходи. Через плечо у него пустая холщовая торба.

Увидев торбу, мама мотает головой: нет, мол. Но я пинками отгоняю собак от двери и выхожу в темень за Рэнтом. Ветер треплет нам волосы, сдувает вбок воротники рубашек.

На изгороди болтается что-то белое, дикое, живое, как кролик в силках. И презервативы, как серые слюнявые языки. Рэнт снимает один, подносит почти к губам и нюхает. Говорит:

— Преподобный Кертис Дин Филдс. — Улыбается. — Я б эту вонь везде узнал!

Бросает презик в торбу. Потом берет прокладку с малюсенькой красной точкой. Красное пятно на белой подушке, при свете луны совсем черное. Рэнт нюхает пятно и хмурится.

Потом закрывает глаза и снова нюхает. Говорит:

— Да, Лу-Энн Перри, точно, только она опять взялась пить эти фторидные таблетки...

Протягивает мне: мол, понюхай, но я мотаю головой. Не дождавшись помощи от «порядочных», Рэнт собрал весь мусор и угадал каждый член и каждую щель.

Мэри Кейн Харви: В Миддлтоне молодежи фактически негде развиваться. Общественная жизнь сосредоточена на церковных или школьных мероприятиях. Каждые выходные в зале фермерской ассоциации проводят вечеринку, весной бывают танцы с призами, перед каникулами — ярмарка ремесел. На Хэллоуин каб-скауты, чтобы собрать денег, устраивают «дом с привидениями».

Боуди Карлайл: У Рэнта Кейси был нюх, как у собаки. Он, точно породистая гончая, мог выследить по запаху любого. Вечерами дома не сидел, и это его нюху только помогало. За ним в школе все бегали, потому он и знал, чье имя за каждым запахом. К двенадцатому классу эти таланты начали на него работать.

— Смотри сюда, — говорит Рэнт и показывает мне бе лую подушку с узеньким красным цветком посредине. Ма леньким, как фиалка. Даже не нюхая, он говорит: — Мисс Харви, учительница английского.

Ветер приносит вой невидимых собак, звуки нас обтекают.

Что это мисс Харви, он догадался по форме пятна.

— Получается отпечаток киски, — говорит Рэнт, об вода пальцем пятно. — В сто раз неповторимее, чем от печаток пальца.

Это пятно, говорит, вылитый поцелуй ее нижних губ.

Можно было не спрашивать, откуда Рэнт знает про нижние губы мисс

Харви. Как другие рисуют следы животных, он мог нарисовать тебе поцелуи самых разных кисок — что здешних, что проездом. По тому, как был надет презерватив, Рэнт догадывался, с чьего он члена.

В окне кухни виднелся силуэт моей мамы. Она стояла у раковины, выставив локоть, рукой прижимала телефон к уху. Наверное, на нас смотрела. Скорее всего.

Рэнт снял еще одну белую прокладку с темным пятном. Понюхал, оглянулся на мой дом. Я его спрашиваю:

— Это кто? — и киваю на запекшуюся кровь. Новый отпечаток — цветок побольше, чем у мисс Харви. Подсолнечник по сравнению с ее фиалочкой. Рэнт открыл свою торбу и говорит:

— Выбрось из головы.

Нет, правда, говорю я и тянусь за прокладкой:

— Дай понюхать!

Рэнт бросает «подсолнечник» в торбу, идет дальше вдоль изгороди и говорит:

— Я почти точно знаю, что это твоей мамы.

Моя мама смотрит на нас. А по телефону с кем-то ругается.

Когда я гулял с Рэнтом Кейси, время часто останавливалось. В тот раз оно тоже застряло. Этот вечер вечно прокручивается у меня в голове: как над нами висели старые звезды, на которые загадывали желания тогда и загадывают сейчас. Какая была луна, точь-в-точь как сегодня.

Шериф Бэкон Карлайл: Пока Рэнт Кейси прибежал в церковь и мы подоспели к Эстер, ее уже нашли собаки. Старую Эстер, мать Айрин. Айрин осталась собирать ошметки.

Боуди Карлайл: Трахал Рэнт Кейси мою мать или нет, я так и не набрался смелости спросить.

4 — Фальшивые звезды

Эхо Лоуренс (автосалочница): Когда Рэнт еще не ходил в детский сад, но уже спал в обычной кровати, мать устраивала ему тихий час. Как только большая стрелка кухонных часов указывала на цифру «два», Рэнта заставляли идти наверх и лежать до трех, даже если он был не сонный. Рэнт клал голову на подушку и обнимал плюшевого зайца, которого называл Мишкой.

Попробуйте вспомнить, когда ваши родители впервые увидели, что вы не крошечная копия их самих. Что вы похожи на них, но лучше. Образованнее. Невиннее. А теперь вспомните, когда вы перестали быть их мечтой.

Если ярко светило солнце и на улице лаяли собаки, маленький Рэнт говорил:

Мишка хочет пойти поиграть...

Если Рэнт не устал, он говорил:

Но Мишка не хочет спать!..

Руби Эллиот (соседка): Мы, девочки, которые учились вместе с Айрин Шелби, знаем, что Бастер Кейси мог вообще не родиться. Когда к ней примазался Честер, Айрин было не больше тринадцати, а в четырнадцать она родила. Если честно, Айрин была не в восторге, что в девятом классе у нее на животе растяжки и она кормящая мать.

Эдна Перри (соседка): Если что, я вам ничего не рассказывала, но до того, как появился Бастер, Айрин говорила, что хочет писать картины и делать статуи. Так и не решила какие. Она даже ходила к доктору Шмидту, чтобы избавиться от ребенка. Просила разрешения у преподобного Филдса. Тут еще ее собственная мать, Эстер Шелби, заявила, что ребенок станет дьявольским проклятием во плоти.

Эхо Лоуренс: Айрин целовала Рэнта в лобик. Садилась на край кровати и грозила пальчиком зайцу:

— Нам все-таки нужно поспать!

Говорила:

— Давай посчитаем звездочки, пока не захочется спать.

И заставляла его считать: одна... две... все наклейки-звездочки на потолке. Четыре, пять, шесть... Пятясь, выходила из комнаты и закрывала за собой дверь.

Руби Эллиот: Я не вру: Эстер сама родила Айрин почти в том же

возрасте! И только Чет Кейси был за то, чтобы малыш Рэнт пришел в этот мир. Чет с Айрин поженились, но ей пришлось бросить школу. Сегодня, когда все знают, какую дорожку выбрал Бастер Кейси и какую он устроил эпидемию, понятно, что Айрин зря послушала Чета.

Эхо Лоуренс: Именно тогда, глядя невидящими глазами в потолок, Рэнт исследовал теплые глубины своей головы. Каждый день с двух до трех Рэнт лежал и ковырял в носу. Выуживая тянучие козявки, он катал их между пальцами, пока не почернеют. Черный шарик приставал то к одному пальцу, то к другому и не падал, сколько ни тряс рукой. Каждый слизистый шарик Рэнт приклеивал над подушкой, и белая стена покрывалась черными перчинками. Лепнина из соплей. Приплюснутые кругляши с петлями и завитками — отпечатками Рэнтова пальца. Сувениры из путешествий внутрь головы. Вечный портрет указательного пальца правой руки. Пятнистая радуга, пунктирная арка, которая росла вместе с рукой. Высохшие сопли у самой подушки были простыми черными точками, пыльными памятками о раннем детстве. Через сто дневных снов точки превратились в изюмины, прилепленные на всю длину руки Рэнта, если лежать на спине и не поднимать голову с подушки.

Потолок детской Айрин Кейси оклеила звездочками, которые в темноте светились зеленым.

Изголовье Рэнта было как негатив ночного неба. Липкие черные точки обозначали другие созвездия. До того дня Рэнт не видел разницы.

Эдна Перри: Скажу вам по секрету: первой, кому испортил жизнь этот маньяк Рэнт Кейси, стала Айрин. Первое светлое будущее, которое он уничтожил, было будущим его собственной матери.

Эхо Лоуренс: В тот день, когда Рэнт перестал быть ангелом, мать подтыкала ему одеяло. Наклонившись, она поцеловала Бадди, чтобы тому снились сладкие сны. Круглое личико малыша утопало в подушке. Длинные ресницы трепетали на розовых щечках.

На старых фотографиях Айрин Кейси очень хорошенькая. Не просто молодая, а хорошенькая, какими бывают, когда лицо разглаживается, а кожа вокруг глаз и губ расслабляется. Такой красивой выходишь, только если любишь того, кто тебя снимает.

Мать Рэнта — красивая молодая мама, прикосновение мягких губ за ушком. Шепот: «Спи крепко!», теплое дыхание с привкусом сигарет. Конфетный запах шампуня. Цветочный аромат крема. Она дышит ему в ухо:

— Ты мамино сокровище! Ты мой ангелочек! Так говорят почти все матери, пока они с ребенком единое целое.

— Ты мамин самый лучший человечек...

В тот миг, еще до мертвых коровьих глаз, укусов гремучих змей и эрекций на уроке, именно в тот миг Рэнт и его мать в последний раз настолько близки. Так любят друг друга.

Тот миг... Конец всего, что хотелось бы продлить навечно.

Доктор Дэвид Шмидт (миддлтонский врач): По моему мнению, оба Кейси были довольно плохими родителями. Я не раз наблюдал, что многие молодые люди считают своих детей чем-то вроде розыгрыша. Или наказания. А ребенок просто есть. Он не отделан хромом, на нем нельзя развезжать по дорогам. Он не даст вам работу в кабинете с кондиционером.

Чет Кейси считал ребенка одновременно худшим врагом и лучшим другом.

Эхо Лоуренс: И вот мать Рэнта наклоняется над кроватью. Одной рукой она убирает волосы с лобика малыша. На нее смотрят ярко-зеленые глаза, огромные на детском личике. Его глаза считают ее звезды.

Хорошенькая молодая мама Рэнта встает, чтобы пойти на кухню, или в сад, или к телевизору, но замирает. Не разгибаясь, она смотрит на стену над подушкой, сощуривается, напрягает глаза. Ее губы приоткрываются. Серые глаза моргают, моргают, впериваются в стену, красивый остренький подбородок тонет в шейных складках. Мать Рэнта тянет руку, чуть выставив палец вперед, чтобы что-то скосырнуть ногтем. На гладкой коже между бровей появляется бороздка.

Рэнт крутится в постели, выгибает спину, чтобы увидеть, куда смотрит мама.

Мать спрашивает:

— Что это?..

Она стучит ногтем по черному комку, кусочку чего-то мягкого, похожего на раздавленный изюм. Комок отстает от стены и падает на подушку рядом с Рэнтом. У его лица крошечный черный отпечаток пальца.

Мать Рэнта обводит глазами всю арку черных точек, целый рой слизистых клякс, которые спиралью сходятся к голове ее ангелочка.

Как говорил Рэнт: «Некоторые из нас рождаются людьми. Остальные...»

В некотором смысле все одинаковы. Присмотрись — и увидишь высохшие сопли. Мы все находили что-то клейкое под сиденьями и столами.

Преподобный Кертис Дин Филдс (пастор миддлтонской христианской общины): Маленький Рэнт? Не было греха, который он бы не мог совершить. Нет, Бадди вырос таким грешником, что грехов его

хватило на всю семью.

Эхо Лоуренс: Этот миг был из тех, что длятся всю жизнь. Он промелькнул перед Рэнтом за секунды до смерти. Время замедлило ход, притормозило, замерло. Стало одиноким островком в огромном мутном океане детства.

Миг, растянутый в годы, сморщенное, искаженное лицо матери. Кожа пропала, остались лишь мышцы. Губы задрались, истончились, обнажили зубы и розовые десны. Веки задергались, задрожали, пальцы иссохли и скрючились, как когти. В этот вечный миг красивая молодая женщина, наклонясь над постелью Рэнта, обратила к сыну новое лицо старой карги и прохрипела:

-Ты...

Карга сглотнула, трепыхнув тощим кадыком. Потрясла дряхлыми когтями перед пятнистой стеной.

-Ты...

Рэнт, лежавший на спине, изогнулся, чтобы посмотреть на свою гордость, на свою коллекцию.

Со всеми такое бывало: когда родные впервые понимают, что ты растешь не таким, как они.

Фальшивые звезды Айрин против настоящих соплей Рэнта.

Его гордость и ее стыд.

Лоуган Эллиот (детский друг Рэнта): Я не вру. В детстве Кейси не делал ничего особенного. Ну, разве только вырывал корни и сжигал мосты.

Шот Даньян (автосалочник): В такие моменты ты словно неудачный эксперимент, от которого родители никогда не отрестят. Утешительный приз. А сами мать и отец — это бог, причем настолько тупой, что не создал ничего лучшего, чем ты.

Ты растешь и становишься ходячим доказательством, что родители не идеальны. Их несостоявшимся шедевром.

Эхо Лоуренс: Мать выпрямилась и посмотрела на маленького Рэнта с высоты собственного роста. Она сказала низким и чужим голосом, который потом всю жизнь отдавался у Рэнта в ушах:

— Ты мерзкое маленькое чудовище!

В тот день Рэнт перестал быть для матери «Мишкой». И по-настоящему появился на свет. Родился.

Первым делом в новой жизни Рэнт заснул.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): На следующий День Благодарения после того, как «черные вдовы» закусили бабушку Эстер, Айрин Кейси перестала сидеть на кухне, хотя следующей

на очереди за взрослый стол была Хетти, прабабушка Рэнта. Очередность была не менее четкая, чем записи имен и дат жизни в семейной Библии.

Шот Даньян: Что, жутко? К вечеру бабка Хетти начинает ерзать и чесаться. Лисья горжетка, которую она надевает по всякому торжественному случаю, две или три лисьи шкуры с набитыми головами и лапами приколоты вокруг шеи — так вот, эта гребаная горжетка полна блох.

Жутко — не то слово. На старого человека ветер дунет, и он готов. Перелом бедра. Пчелиный укус. Ложка тунца с душиком. Блохи, как «черные вдовы», еще одна неотъемлемая часть счастливой жизни на лоне природы. Не знаю кто — бурундуки, сурки, суслики, кролики, овцы или белоногие мыши, — но какие-то зверюги нанесли им блох. Сначала у бабушки Хетти болит горло и голова. Потом — живот. Потом начинается сильная одышка. Час в больнице, и она умирает от пневмонии.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Последняя эпидемия чумной палочки *Yersinia pestis*, переносимой крысами, имела место в Лос-Анджелесе в 1924-м и 1925 гг. Оказалось, распространение инфекции было вызвано повсеместным уничтожением колоний луговых собачек, для чего в колонии вводили животных, зараженных чумой. К тридцатым годам 98 процентов местной популяции луговых собачек вымерли, а оставшиеся 2 процента до сих пор являются бессимптомными носителями бубонной чумы.

Эхо Лоуренс: Он часто просыпался от собственного крика. В кошмарах, как рассказывал Рэнт, он видел вуальку бабушки. Черное кружево вдруг начинало шевелиться, шляпа оживала, разрывала себя на клочки, черные нити ползли по щекам и кусали бабушку Эстер. Она кричала. Еще в этих кошмарах Рэнт слышал, как лают собаки, но никогда их не видел.

Шериф Бэкон Карлайл (детский враг Рэнта): В этих снах его просто-напросто совесть мучила! За то, что убивал старушек. И разносил заразу.

Шот Даньян: Такие милые пушистики из фильмов о природе. Каждый год около двадцати человек сталкивается с чумной мешетчатой крысой или бурундуком. Их лимфоузлы раздуваются, как шары, пальцы на руках и на ногах чернеют, и они умирают. Люди, конечно. Не пушистики.

Эхо Лоуренс: А вы спросите у Айрин Кейси о стене в комнате Рэнта. Она ведь в конце концов все заклеила обоями. Для нее сухие сопли вреднее асбеста.

Даже когда Рэнт вырос и стал жить в отдельной квартире, стену над

его кроватью лучше было не трогать.

Айрин Кейси (мать Рэнта): Насколько я помню, мы действительно оклеили спальню Бадди обоями, когда ему исполнилось два или три года. Там были ковбои, которые стреножили лошадей, и кактусы, все это на коричневом фоне, чтобы не было видно грязи. Ужасно темный рисунок, но для комнаты мальчика практичный.

А если вы про козявки на стене — этого больше не повторилось. Бадди был прелестным ребенком. Настоящим ангелочком! Мы наклеили ему на потолок звезды, которые светятся в темноте, и его маленькие ковбои скакали под звездами. Да, про козявки все правда, но остальное... Я бы никогда не назвала своего ребенка чудовищем или дьявольским проклятием.

И Бадди не стал бы об этом рассказывать.

5 — Невидимое искусство

Боуди Карлайл (детский друг Рэнта): За несколько недель до Пасхи руки миссис Кейси начинали вонять уксусом. Хуже, чем осенью, когда ставили маринады. На плите у миссис Кейси постоянно кипела вода. Сначала — чтобы сварить яйца. Потом — чтобы их выкрасить. В эту воду она добавляла уксус и резала всякое барахло, чтобы был цвет.

Кейси, хотя и жили в деревне, кур не держали. Худшее, что в наших краях можно сказать о людях, — что они покупают яйца. А миссис Кейси покупала. Причем только белые, леггорновские, и в основном на Пасху.

Если открыть сетчатую дверь на кухню Кейси — тр-р-р... бэмс! — увидишь, что миссис Кейси сидит, облокотившись на стол. Очки для чтения сползли на кончик носа. Голова откинута. Посреди стола белая свеча, толстая, как церковная, с ароматом ванили. Вокруг пламени образовалось прозрачное озерцо растопленного воска. Миссис Кейси макает в этот воск вышивальную иглу, а в другую руку берет белое яйцо. Зажимает яйцо между указательным пальцем и большим, чтобы можно было его крутить, и пишет растопленным воском на скорлупе.

Хочешь, не хочешь — засмотришься.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): Молодежь украшает свой дом зеркалами. Старики — картинами. А жители деревенских общин, по моему скромному наблюдению, демонстрируют свои поделки — сомнительные результаты наличия некоторого свободного времени, узкоспециальных моторных навыков и недорогих материалов.

Боуди Карлайл: Эти узоры были невидимы, как секретные письма, и только миссис Кейси знала, где на белом яйце нет белого воска.

На плите бурлят кастрюли, из каждой свой запах вперемешку с уксусом. Лук. Свекла. Шпинат. Вонючая краснокочанная капуста. Черный кофе. В каждой кастрюле свой цвет: желтый, красный, зеленый, синий, коричневый. Все выкипает и разваривается. Обед не.

Она скосила глаза на кончик носа и так внимательно смотрит на воск, что рот открывается. А рот у нее каждый день в году покрашен алой помадой. И вот она, не глядя на нас, говорит:

— Если жуете смолу, выплевывайте. Над плитой лежат крекеры!

Мы — это я с Рэнтом.

Если проторчать на кухне подольше, миссис Кейси могла рассказать, как воск не дает яйцу закраситься. У ее локтя лежали яйца, сваренные

вкрутую. Они казались белыми, а на самом деле были раскрашены, то есть размечены. Когда смотришь, как миссис Кейси рисует на яйцах, забываешь, что снаружи тебя ждет муравейник. Или дохлый енот. Или коробка спичек.

Даже если хочешь обедать, обо всем забудешь!

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Любопытно, что столь многие культуры занимаются требующим высокой концентрации, но эфемерным искусством как духовным ритуалом, молитвой или медитацией.

Боуди Карлайл: И вот однажды миссис Кейси облокотилась о стол, окунает иглу в воск, в другой руке держит яйцо и, не глядя на нас с Рэнтом, говорит:

— Берите по яйцу или кыш отсюда! А то я нервничаю. Миссис Кейси дала нам по игле и холодному крутому яйцу и наказала не трясти стол.

— Сначала придумайте что-нибудь, — говорит.

И показала, как окунать кончик иглы в свечу и подносить прозрачную капельку воска к скорлупе магазинного леггорновского яйца.

— Рисуйте иглой то, что вы придумали, — говорит. Капля за каплей. Белое на белом. Невидимый узор. Секрет.

Рэнт ей:

— А ты мне скажи! Я не могу придумать, что нарисовать.

А мать ему:

— Что-нибудь придумается.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: И словенские писанки, и песчаные мандалы тибетских буддистов объединяет то, что внимание художника полностью сосредоточивается на объекте. Несмотря на эфемерность результата, сам процесс помогает выйти за пределы времени.

Боуди Карлайл: Рэнт, я и миссис Кейси сидим за кухонным столом, склонившись над свечой, крошечное пламя которой тонет в солнечном свете, и рисуем то, что знаем только мы. Никому не хочется есть. Был бы только воск и яйцо в руках. Несмотря на запахи всякой вкусной зелени из кастрюль. Мы даже не вздрогнули, когда сетчатая дверь открылась — тр-р-р... бэмс! — и в кухню зашел мистер Кейси.

Что на обед? — спрашивает он.

А ты разве сегодня не поел в столовой? — говорит миссис Кейси, скосившись на яйцо.

Рэнт замер и перестал брать из свечи воск. Не шевелится, не дышит.

А я — я рисую на своем яйце восковой день: солнце с лучами, дерево, мой дом, облачко в небе, и все это знаю только я.

Мистер Кейси говорит:

Айрин, не делай этого с парнем.

Миссис Кейси ему:

Ты же сказал, что поешь в столовой.

Мистер Кейси подходит к плите, сует нос в каждую кастрюлю и говорит:

— Не порть его.

Не отрываясь от своего яйца, от невидимой тайны, миссис Кейси переспрашивает:

Что-что не делать? Рэнт ничего не рисует.

Мистер Кейси говорит:

Не порть парня, ему жениться!

И тянется к миске с яйцами, что стоит у ее локтя. Яйца чисто-белые, но на самом деле расписанные ее тайными письменами за все утро. Невидимое искусство.

— Не эти! — говорит миссис Кейси, поднимая глаза и глядя на него поверх очков.

Но два яйца уже исчезли, пропали в руке мистера Кейси.

Тогда миссис Кейси как закричит, громко-громко, будто на улице:

— Не эти!!!

Мистер Кейси отворачивается к окну и — стук, стук, стук! — стучит яйцами о край раковины, чтобы их почистить.

А я — я рисую в небе невидимую восковую птицу, которая пролетает над моим домом. И на дереве ставлю малюсенькие капельки воска — яблоки.

В тот полдень я впервые почувствовал, что время остановилось. Рэнт и его мама застыли, вокруг серный запах яиц, уксуса и переваренных овощей, проходит неделя, лето, сотня дней рождений. Мы сидим, а солнце в окне над кухонной раковиной стоит целый век. Даже настенные часы затаили дыхание. Мистер Кейси ел яйца, глядя из окна. В его тени пламя свечи стало видимым. Скорлупки, воняющие серой, он бросает прямо в слив. Съедает эти два яйца, и сетчатая дверь — тр-р-р... бэмс! — закрывается.

Тогда солнце шевельнулось и поплыло к оконной раме. Время снова пошло. И все часы затикали.

Шериф Бэкон Карлайл (детский враг Рэнта): Не надо объявлять Чета Кейси негодяем за преступления его сына. Как я понимаю, с рождения мы никого не любим. Любовь — это навык, который надо освоить. Как собака учится не гадить дома. Или как талант, который ты развиваешь или не развиваешь. Или мышца. Если ты не научился любить кровную родню, ты никогда не полюбишь по-настоящему. Никогда и никого.

Боуди Карлайл: Когда миссис Кейси деревянной ложкой положила первое яйцо в краску, мы впервые за весь день увидели секретные картинки друг друга.

Она опустила мое яйцо в кастрюлю с вареной краснокочанной капустой, которая воняла уксусом и газами, а достала его голубым. Как небо. Если не считать тех мест, где воском были нарисованы яблоня с яблоками, дом, облачко и солнце на небе. Мой дом, куда я хотел вернуться до того, как придет мистер Кейси.

Свое яйцо миссис Кейси положила в кастрюлю с вареной свеклой и достала красным. Как кровь. Если не считать восковой росписи, сложной, как паутина или кружевной тюль. Только это не тюль, а какие-то слова. Красивые, как стихи в «валентинках». Слишком красивые, чтобы читать.

Мать Рэнта берет в ложку его яйцо и спрашивает:

В какой цвет?

В зеленый, — говорит Рэнт.

В зеленый так в зеленый, — говорит она и кладет яйцо в кастрюлю с разбухшим скользким шпинатом.

Когда миссис Кейси достает яйцо из кастрюли, оно какое-то полосатое. Расчерчено на квадратики.

Рэнт трогает яйцо пальцем. Потом еще раз. Берет с ложки. Ухватив его с одного конца, опускает другой в кастрюлю с вареным луком. В желтую краску.

Рэнт поднимает желто-зеленое яйцо в полоску. Белые восковые линии похожи на линии на школьном глобусе.

Красивый ананас, — говорит миссис Кейси.

Это не ананас, — поправляет ее Рэнт.

Наполовину зеленое, наполовину желтое, расчерченное на квадратики. Рэнт поднимает его, зажав пальцами, и говорит:

— Это осколочная граната МК-2.

Начинена, говорит, гранулированным тротилом. Дальность броска — до ста футов. Радиус рассеивания осколков — тридцать три фута. Чугунный корпус с бороздами для улучшения дробления при разрыве. Радиус убойного действия — семь футов.

Рэнт кладет «гранату» на кухонное полотенце, где сушатся яйца, мое — синее, его мамы — красное. И говорит:

— Давайте таких побольше наделаем!

Эхо Лоуренс (автосалочница): По рассказам Рэнта, сад безраздельно принадлежал его матери. Газон — отцу. Айрин узнавала время по цветам. После крокусов — тюльпаны, незабудки, ноготки, львиный зев, розы,

красоднев, рудбекия и подсолнух. После шпината — редис, салат и ранняя морковь. Для Честера Кейси одна неделя — это время между стрижками газона. Один час — пора передвигать разбрызгиватель. Мы все живем по разным часам и календарям.

Однажды на Пасху, рассказывал Рэнт, его мать спрятала яйца в тюльпанах и розовых кустах. Дала ему корзинку и говорит:

— Счастливой охоты, Бадди!

У Рэнта на руке до сих пор остался шрам, где паук его укусил.

Боуди Карлайл: Утром на Пасху Рэнт сует руку под какой-то цветок или куст и отдергивает. Его глаза — чпок! — выпучиваются: на руке сидит паук. Рэнт сшибает его, но кожа уже покраснела. Вены потемнели, набухли, укус жжет и дергает.

Рэнт с плачем бежит на кухню жаловаться. Пальцы уже распухли и затвердели, рука как бейсбольная перчатка.

Мистер Кейси бросает взгляд на сына: одна рука толстая и красная, в другой болтается розовая пасхальная корзинка, щеки все мокрые. И говорит:

— Замолкни!

Шот Даньян (автосалочник): Рэнт очень хорошо помнил, как по дороге в церковь умерла его бабушка Эстер. Как ее зубные протезы прикусили язык.

Боуди Карлайл: А миссис Кейси — та в ванной наводит марафет.

Мистер Кейси шлепает Рэнта по задку, обтянутому лучшими воскресными брюками, и говорит не приходить домой, пока не найдет все яйца.

Рэнт все мотает распухшей рукой, хнычет, что это «черная вдова», что он сейчас умрет. Плачет, больно, мол.

Отец разворачивает его за плечи и выталкивает во двор.

— Когда принесешь все яйца, позовем тебе врача! — Мистер Кейси закрывает перед ним сетчатую дверь и до бавляет: — Если поторопишься, может, руку не отрежут!

Шериф Бэкон Карлайл: Рэнт всегда говорил: надо уезжать, выбираться отсюда и искать себе новую семью. Но я думаю, это невозможно. Если не можешь принять родных со всеми их недостатками, ни один чужой тебя не устроит. Рэнт научился только бросать семью.

Боуди Карлайл: Рэнт весь нарядный: галстук-бабочка, белая рубашка, черные лакированные туфли, пояс.

Обычная, даже скучная охота за пасхальными яйцами превратилась в гонки со смертью. Детские ручонки раздвигают цветы, ломают стебли.

Ноги топчут петунии. Давят зеленую бахромку моркови. Рэнт чувствует, как с каждым стуком сердца яд из руки перекачивается ближе к мозгу. Боль от укуса почти пропала, онемела кисть, потом и вся рука.

Мать выходит на улицу и видит, как Рэнт сопит, уткнувшись носом в компостную кучу, в которую превратил ее сад. На лице — паутина из слез и грязи.

Эхо Лоуренс: Так его и оставили. Сели в машину и поехали на пасхальную службу.

Опять тот же миг. Конец того, что хотелось бы продлить навечно.

Боуди Карлайл: Рэнт так и не нашел остальных яиц. Родители приезжают домой, а он показывает им те три, что уже были в корзинке. И все. За весь день — три яйца и паучий укус. Зато рука съежилась до нормального размера.

Из-за этого самого паука, из-за этой «черной вдовы», Рэнт подсел на яд.

Даже сама миссис Кейси, которая долго бродила среди своих помятых и вырванных цветов, не нашла ни единого яйца. В это лето ее саду пришел безвременный конец. А через неделю — газону мистера Кейси.

Эхо Лоуренс: Вот смотрите. Рэнт рассказал мне, что нашел все яйца и сложил в коробку, которую спрятал в каком-то сарае. Каждую неделю он тайком приносил два-три яйца и прятал в какой-нибудь ямке, как раз перед тем, как его отец собирался стричь газон. А яйца уже стали черными, противными и тухлыми до невозможности.

Когда его отец натыкался на такое яйцо газонокосилкой, взрывалась бомба и все заливала вонью. Лезвия косилки, траву, ботинки и штаны отца. Разрисованные гранаты Рэнта стали минами. Газон и сад — зонами поражения. Рэнт говорил, у них во дворе выросли настоящие джунгли. Все стены в черных вонючих брызгах, а трава такая высокая, что веранды не видно, будто в доме никто не живет.

Боуди Карлайл: Часть яиц он покрасил в серый с красной полоской, как гранаты ABC-M7A2 со слезоточивым газом, а остальные — в салатовый с белым верхом, как дымовые AN-M8.

Миссис Кейси перелила всю краску в бутылки. Алые и желтые, синие и зеленые бутылки — вот все, что осталось от ее сада. Чтобы краска не выцвела на солнце, миссис Кейси спрятала ее подальше в шкафчик над холодильником.

Весь год Рэнт воровал разноцветную краску. До самого Рождества он выуживал из грязного белья отцовские трусы и капал туда пипеткой чуть-чуть желтого.

Каждый раз, помочась сидя, мистер Кейси мотал членом, чтобы стряхнуть последнюю каплю. Даже промокал бумажкой. Но каждую неделю у него в трусах появлялись желтые пятна. Когда Рэнт перешел на красный, его отец чуть не умер от страха.

Эхо Лоуренс: Уже взрослым Рэнт любил сачковать с работы, закапав в глаза красной пищевой краской. Говорил начальнику — конъюнктивит. Ну, знаете, воспаление глаз. Чтобы получить больничный на неделю, капал желтым, мол, гепатит. А высший пилотаж — это когда Рэнт приходил на работу и ждал, чтобы его цветные глаза увидели другие. Тогда шеф сам заставлял его идти домой.

Рэнт забирал меня, и мы ехали искать себе команду.

Боуди Карлайл: Мистер Кейси потратил уйму денег, чтобы вылечить инфекцию мочевого пузыря, которой у него никогда и не было. Съел столько антибиотиков, что весь год не мог нормально сходить по-большому.

Эхо Лоуренс: Перед гибелью Рэнт дал мне вареное яйцо. Сказал, что на скорлупе что-то написано воском, но прочитать это невозможно, потому что воск белый и яйцо белое. Если с ним что-то случится, сказал Рэнт, я могу покрасить яйцо и прочитать послание.

Теперь яйцо такое старое, что я боюсь его трогать. Если скорлупа треснет, будет такая вонища, что меня выселят.

Боуди Карлайл: Уже после того, как Рэнт уехал в город и погиб, приезжали фэбээровцы, устроили мне допрос с пристрастием. Вы бы видели, как у них глаза загорелись, когда я рассказал о пасхальных фанатах!

Айрин Кейси (мать Рэнта): Зимой после того лета, когда Чет перестал стричь газон, все собачьи стаи валялись у нас во дворе. Втирали в шерсть эту вонь. Те же самые, что разорвали бабушку Эстер. Не понимаю, как может нравиться такая гадость! Вонища мерзкая до ужаса, а звери ею будто гордятся.

6 — Зубная фея

Боуди Карлайл (детский друг Рэнта): Можете смеяться, но одно лето палочка лакрицы стоила у нас пять золотых долларов. А пластмассовый водяной пистолет — пятьдесят.

Весна Зубной феи поставила всю миддлтонскую экономику с ног на голову.

А начиналось все так. Однажды в субботу Рэнт приходит в скаутском галстук и говорит моей матери: мы, мол, уходим на целый день собирать старые банки из-под краски. Чтобы получить значок за сбор вторсырья.

Мы с Рэнтом тогда были «галстучными» скаутами. Если родители могли купить тебе только желтый галстук на шею, ты считался каб-скаутом низшего ранга. У других мальчиков, из семей побогаче, была темно-синяя форменная рубашка. У совсем богатых — и рубашка, и брюки. У Милта Томми был настоящий скаутский нож в ножнах, скаутский ремень с латунной пряжкой и компас, который пристегивается к ремню. А еще наградная лента, вся в значках. Он носил ее на каждое собрание.

Бренда Джордан (3 детский друг Рэнта): Только никому не говорите! Когда мы с Рэнтом Кейси встречались, он рассказывал мне об одном чужаке. Когда его бабушка Эстер лежала на дороге при смерти, к ним откуда ни возьмись подъехал этот чужак. Пообещал присмотреть за Эстер, да еще посоветовал Рэнту, где найти золото. На вид обычный человек, такой высокий и старый.

Еще этот старикан сказал, что он настоящий отец Рэнта и приехал к нему из города. Сказал, Честер Кейси ему никто.

Боуди Карлайл: Сколько мы ни пыхтели, чтобы заслужить красивый значок, он все равно стоил пять долларов. Такие суммы были не для нас с Рэнтом.

И мы пошли по окрестным фермам с тачкой. Стучались в двери, спрашивали: можно забрать ржавые банки со старой, высохшей краской? Скаутский проект по сбору металлолома, говорит Рэнт, и люди улыбаются, рады сбыть с рук всякий хлам. Так до вечера, пока мы не натаскали в сарай Рэнта целую кучу банок.

Рэнт снимает отверткой одну металлическую крышку. Внутри остатки розовой краски от спальни, которую давным-давно перекрасили. Забытые цвета комнат, перешедших другим хозяевам. Никаких неожиданностей: везде обычная засохшая краска. Вдруг под одной из крышек Рэнт находит

скомканную газету. В некоторых комках — что-то твердое. Мы начали их разворачивать и обнаружили старые бутылочки. Черно-синие стеклянные бутылочки и баночки от крема и лекарств.

Газета на ощупь мягкая, как фетр на бильярдном столе, и не белая, а желтая. Там написано о преступлениях, призванных покончить со всеми преступлениями, о войнах и эпидемиях, которые объявляют концом света. Что ни год, то конец света.

Хартли Рид (владелец магазина «Придорожный»):

Одна девочка — Джорданов — принесла целую горсть золотых монет. Почти все — доллары с головой Свободы тысяча восемьсот девяносто седьмого года выпуска. Я потом узнал, что она камнем расколотила бабушкины вставные челюсти, а на выпавшие зубы выменяла, как это дети называли, «деньги от Зубной феи». Отдала мне монеты и унесла домой кукольный дом по спецзаказу из каталога «Уокерс».

Боуди Карлайл: В банках из-под краски оказалась куча монет. Золотых и серебряных, плотно упакованных, чтобы не звенели. На некоторых — орлы, которые дерутся со змеями. На других — красивые девушки или старики. Девушки стоят и почти голые, а от стариков видны только лица в морщинах.

Рэнт назвал тех, кто спрятал эти деньги, золотыми жуками. Потому что они не доверяли правительству и банку. Не доверяли соседям, семье и даже собственным женам. Старые одинокие скопидомы, сказал Рэнт. Накопили золота и серебра и умерли от сердечного приступа, не успели никому рассказать свою главную тайну.

Еще он сказал, что мы золото не ворует, потому что владельцы давно умерли, а их законные наследники не заслужили любви стариков и не узнали о записках. Пиратские сокровища. Банки с краской, которые стоят по полкам в гаражах, ржавеют в сараях и валяются в кузовах брошенных автомобилей.

Оказывается, Рэнт заранее знал, что там будут деньги. Не в каждой банке, но будут. Он знал об этом давно, но собирать банки не стал, пока не придумал, как объяснить, откуда на нас свалилось такое богатство. Чтобы два «галстучных» скаута, которые не могут купить себе даже скаутский значок, тратили золотые и серебряные деньги, отчеканенные сто и больше лет назад.

Хартли Рид: Спрос и предложение! Никто не заставлял детей тратить деньги под дулом пистолета. Они могли покупать, что захотят. Вполне естественно, когда возрастает спрос, растут и цены. Когда каждый ребенок в деревне просит вишневую шипучку, цена на шипучку обязательно

поднимется.

Боуди Карлайл: Инфляция — вот как Рэнт собирался отмыть наши пиратские сокровища. Мы начали спрашивать у всех пятиклассников, начиная с самых близких приятелей: у кого зуб шатается? Если у кого-то выпадал зуб — хрусть! — мы давали ему серебряную или золотую монетку и говорили: скажи, дала Зубная фея. В пятом классе почти все догадываются, что Зубная фея — вранье, но родители этого не говорят.

Каждые выходные мы собираем банки из-под краски. Заходим на фермы подальше, где еще больше бесхозных денег.

И каждую неделю мы раздаем еще больше золота и серебра и говорим детям: скажите, что это от феи за молочный зуб.

Почти все уже понимали, что Зубной феи нет, и все-таки мамы и папы не хотели признаваться, что наврали про Зубную фею, Санта Клауса и остальных. Мы врем родителям, они врут нам, но никто не хочет признаваться.

Пятиклассники на нас с Рэнтом не доносили, потому что не хотели, чтобы деньги у них забрали, и надеялись получить еще.

Все увязли в одном и том же вранье.

Можно заставить врать уйму народу, если у них есть свой шкурный интерес. А когда все говорят одну и ту же неправду — это уже правда.

Ливия Рошель (учительница): Я в том году как раз работала в пятом классе. Девочка Эллиотов принесла мне золотую монету и спросила, сколько на нее можно купить шоколадных рулетиков. Мы прочитали про монету в библиотеке. Оказалось, это «голова Свободы» тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года выпуска. На верхней стороне — женский профиль, слово «Свобода» вместо короны, а вокруг — тринадцать звезд.

В книге было написано, что монета стоит пятнадцать тысяч долларов.

Я испугалась, что девочка украла монету, и спросила, откуда она ее взяла. А девочка Эллиотов говорит, что монету оставила Зубная фея взамен зуба, который у нее выпал. И показывает мне дырку. Обычный молочный зуб.

Боуди Карлайл: За премоляры мы давали пять долларов золотом. За моляры — десять. Сайлас Харлан утверждал, что за каникулы лишился двенадцати резцов, девяти клыков и шестнадцати зубов мудрости. На самом деле старшие школьники продавали свои зубы пятиклассникам за половину денег. Кто-то пытался всучить лошадиные зубы, собачьи, даже коровьи, сжеванные по самый корень. Рэнт Кейси стал настоящим зубным специалистом. Мог отличить серебряную пломбу от ртутной амальгамы. Целый, но сломанный зуб от спиленной верхушки. Рэнт складывал зубы у

себя в комнате сначала в банках из-под супных консервов, потом в жестянках из-под сигар, потом в обувных коробках, потом в больших магазинных пакетах. Миддлтонский музей зубов.

Благодаря нам обогатился весь пятый класс, и теперь наше с Рэнтом богатство не вызывало подозрений. За каждую отданную золотую или серебряную монету мы оставляли себе по две. У Рэнта получилось в два раза больше, потому что он свои не тратил.

Когда по деревне стали ходить такие деньги, наши траты казались вполне разумными. При новом уровне жизни — даже обычными.

Капитаны брали взятки и пускали на подачу даже самых отстойных игроков. Учителя начальной школы тайком хватали сотни в обмен на отличный табель. Нянек подкупали чистым серебром, чтобы не заставляли идти спать и давали смотреть кино после полуночи.

Ливия Рошель: Мистер Рид из магазина был только рад продавать им конфеты! Вот вам еще один яркий пример: магазин убрал отдел «Подарки для леди» и расширил отдел игрушек и товаров для хобби так, что тот уперся прямо в мороженые полуфабрикаты. Целый год половину магазина занимали шоколадные батончики, пневматические ружья и куклы. За новым печным фильтром приходилось ездить за тридевять земель, зато у нас в магазине было семнадцать видов ракет и хлопушек.

Боуди Карлайл: Мы поняли, что люди готовы продать что угодно кому угодно, если им достаточно заплатить. В Миддлтоне произошла инфляция. Дети, избалованные подарками от Зубной феи, не горели желанием косить газоны. Пустые бутылки, которые обычно собирали и сдавали, теперь валялись на дорогах и никого не интересовали.

У нас это называли «подхалимской» теорией процветания: детки разбогатели, а взрослые лебезят, юлят и подлизываются, чтобы деньги у них выманить.

Задним числом я скажу, что мы с Рэнтом вызвали местное возрождение, экономический бум. Дети купили новые велосипеды, а владелец магазина «Придорожный» наконец заасфальтировал парковку. Осенью все пошли в школу в ковбойских сапогах из кожи ящерицы. На ремнях — пряжки в стиле родео, все в бирюзе. На руках часы, да такие тяжелые, что некоторых детей наборк перетягивали.

Второй бум пришел на Рождество, когда Санта Клаус взялся набивать чулки пятиклассников, не важно, хорошо они себя вели или нет, золотом и серебром.

Ливия Рошель: Я пыталась донести до учеников, что реальность — это договор. Все вещи, от бриллиантов до жевательной резинки, имеют

ценность лишь потому, что все мы с этим согласны. Законы вроде ограничения скорости — законы потому, что большинство согласно их соблюдать. Я пыталась убедить детей, что золото стоит гораздо больше, чем та дребедень, на которую они его тратят, но передо мной были словно индейцы, которые продавали земли своих предков за бусы и безделушки.

Да, дети Миддлтона подстегнули нашу экономику. Через неделю девочка Эллиотов начала тайком есть конфеты на уроке. К старшим классам ее лицо стало похоже на котлетный фарш.

Эхо Лоуренс (автосалочница): Самое ужасное, что, кроме Рэнта, почти никто и не знал, на что шли некоторые, чтобы заполучить это золото.

Мэри Кейн Харви (учительница): Дети рассказывали мне, что одна женщина продает ледяные стружки с вишневым сиропом в бумажном конусе, две порции за золотой доллар. Я часто наблюдала, как ребята два раза куснут лакомство, а остальное бросают прямо в траву на площадку.

Незаработанные деньги тратятся очень быстро.

Бренда Джордан: В каждую семью Зубная фея приходила по-разному. Эллиоты — те заворачивали выпавший зуб в салфетку и клали под подушку. Наутро в салфетке находили денежку. Перри — те кидали зуб в стакан, наливали воды до половины и ставили на кухонный подоконник. Утром на месте зуба оказывались деньги. У Хендерсенов был такой же ритуал, как у Эллиотов, только салфетка кружевная и называлась «зубным платочком». Перри всегда брали один и тот же стакан, красивый, хрустальный, и называли его «зубным стаканом». В моей семье зуб клали в воду и ставили на ночь на прикроватный столик. А окно открывали так, чтобы оставалась щелка, через которую могла залететь фея.

Один-единственный раз я чуть не выдала Рэнта Кейси. Я тогда поменяла свой зуб в стакане на серебряный доллар Моргана тысяча восемьсот девяносто седьмого года. А утром нашла обычный четвертак, современный. Я поняла, что мои родные подменили деньги, а серебро взяли себе, но надо было притворяться довольной.

Кэмми Эллиот (детский друг Рэнта): Взрослые врут, что есть Зубная фея. Дети врут им в ответ. Все знают, что все врут. Потом взрослые продают несмышленишкам гелиевые шары по сто баксов. Взрослые воруют у детей, а торговцы обдирают их самих. Жадность на жадности сидит.

Вот вам крест: в то лето миддлтонцы перестали друг другу верить. С тех самых пор ничье слово не имеет ценности. Все считают друг друга обманщиками. И все равно улыбаются и делают реверансы.

Шот Даньян (автосалочник): На этот День Благодарения на очереди за стол взрослых — бабушка Рэнта, Бел. За ней — дядя Клем. Потом —

дядя Уолт и тетя Пэтти. Рэнт рассказывал, его мама стояла и считала на пальцах: четыре, пять, шесть родственников должны умереть, пока она сможет поесть как взрослая.

Еще не кончился обед, как бабушку Бел залихорадило. Жар сто пять по Фаренгейту, а жалуется на озноб. Плюс к этому головокружение, усталость, боли в мышцах. Рэнт говорил, бабушка Бел не могла вздохнуть. Оказалось, в легких водянка — почки уже не работали. На полпути к больнице бабушка Бел перестала дышать.

Эхо Лоуренс: Как выяснилось, бабушка Бел умудрилась подцепить смертельный вирус. Он называется «хантавирус» и передается, как сказал Рэнт, «белоногим оленьим хомячком». Мышь испражняется, и какашки высыхают в пыль. Ты эту пыль вдыхаешь, и за шесть недель вирус тебя убивает.

А бабушка Бел хоть и пожилая дама, но красила губы красной помадой и пудрила нос.

Рэнт говорил, полиция проверила тальк в пудренице Бел, и, конечно, он наполовину состоял из мышинового дерьма. Молотых сушеных какашек каких-то полевых грызунов. Целая пудреница этой гадости. Тайна раскрыта. Вроде как.

Шот Даньян: Только не спешите объявлять Рэнта Кейси таким серийным убийцей-натуропатом: пауки, блохи, мыши и пчелы. Хотя можно сказать и так...

Боуди Карлайл: На небольшую часть своего золота я купил синюю скаутскую форму, нож, ремень и компас. Поскольку Милт Томми ходил в шестой класс и сокровищ от феи ему не досталось, я заплатил ему сто золотых баксов за ленту со всеми наградными значками. От «За оказание первой помощи» до «За проявленную гражданскую совесть».

Люди действительно готовы продать все, если цена их устроит.

И еще я понял, что купленная за деньги награда не стоит ни шиша.

7 — Дом с привидениями

Боуди Карлайл (детский друг Рэнта): Рэнт потратил свое золото всего один раз: взял тачку и пошел на мясоконсервную фабрику Перри.

Преподобный Кертис Дин Филдс (пастор миддлтонской христианской общины): Каждый год в зале фермерской ассоциации устраивали «дом с привидениями»: развешивали старый промасленный брезент, воняющий дизельным топливом, и получался очень темный туннель, через который надо было проходить. Причем туннель поворачивал направо и налево, петлял и кружил, чтобы запутать ребенка и заставить идти подольше. Дети собирались в начале лабиринта, и Рэнт проводил их по одному. Внутри были всякие аттракционы. На дальнем конце — праздник с конкурсом карнавальных костюмов, тортами и конфетами. Однажды делали «пиньяту».

В туннеле было темно, хоть глаз выколи, а вспышками освещалось что-нибудь страшное. В конце — темнее всего; а Рэнт еще и завязывал детям глаза. Потом совал их руку в большую миску с вареными рожками, перемешанными со сливочным маслом, и говорил: «Это мозги». Давал пощупать виноград с кукурузным маслом или облупленные яйца и говорил: «Это вырванные глаза». В наше время дети совсем не пугаются. Когда ребенок в темноте сует руку в теплую воду с желатином и слышит «Это свежая кровь...», ему уже не хватает воображения испугаться.

Луэлла Томми (соседка): В конце туннеля с привидениями, где устроили праздник, дети едят торт и играют в «Утю-Утю». И в «Передай апельсин». Некоторые дети просят салфетку, чтобы вытереть руки, потому что трогали поддельные мозги, легкие и всякие страхи. Другие ребята просто вытирают руки о свою или чужую одежду.

Маленькая девочка Эллиотов выходит из туннеля, руки по локоть красные. Прямо багровые. И плачет. Сама в костюме ангелочка, с бумажными крылышками на проволоке из старых вешалок и нимбом с золотыми блестками. Трет глазки, размазывает красное по лицу. И, всхлипывая, говорит:

— Рэнт Кейси положил мне в руку настоящее живое сердце!..

Я сказала ей:

— Нет, милая, оно было не настоящее! Поплевала на салфетку, чтобы вытереть ей мордашку, и говорю:

— Это был просто помидор без шкурки!

Сначала я даже испугалась, что девочка так разнервничалась. Встаю на колени, вытираю ей личико бумажной салфеткой, а бумага рвется. Тут я замечаю, какое все клейкое, вся юбка склеилась. И в черных точках. Это свернувшиеся кусочки. Это не красная краска. И еще запах. Кроме вони старого брезента и креозотного запаха, как от шпал на жаре, я слышу сладковатый запах то ли календулы, то ли детского горшка... Запах тухлого мяса.

Глевда Хендерсен (соседка): Боже, боже! Все дети — у кого пальцы, у кого руки по запястье, у кого по локоть и даже выше — в крови. Измазаны все костюмы: пиратов, фей, бродяг — все измазаны. Все в крови, уже не красной, она запеклась и почернела. Дети трогали торт и запачкали кровью ванильную глазурь. Оставили кровь на черпаке для фруктового пунша и на апельсине, с которым играли в «Передай апельсин». А после «Свистящих крекеров» все крекеры были в бурых отпечатках.

По бетонному полу из черного туннеля тянется много-много маленьких отпечатков кроссовок и сандалий, клейких и кровавых следов. Лоуэлл Ричардс, учитель старших классов, берет у кого-то фонарик и идет разбираться.

Шериф Бэкон Карлайл (детский враг Рэнта): Это хуже, чем самые ужасные снимки с места преступления, какие показывают полицейским!

Луэлла Томми: Люди говорили, когда родился Бадди, Айрин Кейси принесла домой и заморозила свой послед. И мне сначала подумалось, что Бадди развесил там экспонаты: «Повешенный», «Призрак», «Взгляд в ад» и «Плацента Айрин Кейси»...

Слава Богу, я ошиблась — но ненамного.

Полк Перри (сосед): Догадайся я, что Рэнт Кейси задумал, ни за что не продал бы этому хулигану глаза! А вышел верный знак, что из мальчика вырастет убийца.

Лоуэлл Ричардс (учитель): Рэнт Кейси в темноте берет за руку мальчика Хендерсенов и кладет в разные миски. Я высвечиваю фонарем кровь, густую как пудинг. Легкие с бойни: свиные и бычьи, серые, комковатые. Скользкие серые мозги, перемешанные и помятые. Кишки и почки вывалены прямо на пол.

В салатнице покачиваются глаза разных размеров. Коровьи, свиные, лошадиные, все таращатся в потолок, все в кровавых отпечатках пальцев. И эти кошмарные отходы нагреваются и начинают вонять — почки, мочевые пузыри и целые противни кишок.

Полк Перри: Говорят, там творился настоящий ужас. Повсюду — отрезанные языки.

Лоуэлл Ричардс: Я смотрю и вижу, как Рэнт Кейси открывает ладонь мальчика Хендерсенов и кладет в нее что-то блестящее и темное со словами: «Это сердце...»

Огромное сердце мертвой коровы.

А мальчик хихикает, глаза у него завязаны, и сжимает рукой сердце. Из отрезанных сосудов сочится кровь.

Боуди Карлайл: Жутковато, конечно, но мы превратили зубы в золото, а золото — в глаза. Все в жизни — либо плоть, либо деньги, и нельзя иметь и то, и другое сразу. Это как быть одновременно живым и мертвым. Невозможно. Приходится выбирать.

Шериф Бэкон Карлайл: Ну, Кейси есть Кейси. Он, конечно, сделал вид, что все не нарочно. Мол, он думал, что так и делают «дом с привидениями». Мол, столь уважаемые и высокочтимые столпы общества, как взрослые скаутмастеры, не стали бы обманывать маленьких детей. Так все Кейси умеют — прикинуться дурачками. Сказал, что дети всегда с нетерпением ждут, когда им дадут потрогать мозги и легкие. А трогать тухлые макароны, говорит, совсем не страшно. Его слушаешь, так наш обычный, дедовский «дом с привидениями» из винограда и пищевых красок покажется чем-то стыдным и неправильным.

Лоуэлл Ричардс: Рэнт Кейси не был злым мальчиком. Он всего лишь искал вокруг что-то настоящее. В наше время дети растут оторванными от мира, они подключаются к чужим жизням и переживают эмоции других людей. Приключения с чужого плеча. Мне кажется, Рэнт хотел, чтобы у всех было хоть одно настоящее приключение. Вместе, всей общиной. Чтобы это всех объединило.

Когда вся деревня смотрит один и тот же старый фильм или подключается к одному «пику», этого мало. А вот когда дети пришли домой в костюмах, измазанных кровью, и неделю под ногтями у них чернело и волосы воняли, — разговоров было! Радости большой я не заметил, но зато все начали общаться и поняли, что они вместе.

В Миддлтоне случилось то, чего не было никогда и нигде.

Шот Даньян (автосалочник): Рэнта бесили не только искусственные переживания. Еще эти фермерские дети, которые разоделись солдатами, принцессами и ведьмами. Торт с искусственным запахом ванили. Урожай, которого уже давно не бывает. Фруктовый пунш фабричного изготовления. Ритуал убаживания духов или что там еще за дерьмо принято делать на Хэллоуин. И люди, которые его соблюдают без всякого понятия. Рэнта бесила вся эта долбаная фальшь.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка):

Африканцы не верят в Зубную фею. Вместо феи у них Зубная мышь. В Испании — *ratoncito Perez*. Во Франции — *La Bonne Petite Souris*. Крошечный волшебный грызун, который крадет зубы и взамен оставляет мелкие деньги. У некоторых народов выпавший зуб нужно прятать в змеиной или крысиной норе, чтобы его не нашла ведьма. В других культурах дети бросают зуб в горящий костер, а потом, когда пепел остынет, ищут в нем монетки.

Поверив в Санта Клауса, в Пасхального кролика и наконец в Зубную фею, Рэнт Кейси понял, что эти мифы — не просто красивые сказки и обычаи, призванные развлекать детей либо контролировать их поведение. Каждый из этих обычаев предлагает ребенку поверить в невозможное в обмен на вознаграждение. Каждый представляет собой все более сложное испытание, которое развивает веру и воображение. Первое испытание — поверить в волшебного человека и получить в награду игрушку. Второе — поверить в волшебное животное и получить за это лакомство. Последнее испытание — самое сложное, и вознаграждение самое абстрактное: поверить в летающую фею, которая приносит деньги.

Человек — животное — фея.

Игрушки — сладости — деньги.

Происходит нечто любопытное: вера и доверие переносятся с сияющей волшебной феи на невзрачные потертые монеты. От прозрачных крылышек мы переходим к пятицентовикам... десятицентовикам... и четвертакам.

Так ребенка по мере роста побуждают проявлять все новые чудеса воображения и веры. Начиная с Санты в раннем детстве и заканчивая Зубной феей, когда появляются взрослые зубы. Выражаясь проще, начиная с детской веры в то, что все возможно, и заканчивая абсолютным доверием к национальной валюте.

Шот Даньян: «Бесило» — не то слово. Вся фальшь и реальность смешались: дешевые конфеты стали на вес золота. Золото стоит как сахар. Макароны выдают за мозги, а взрослые клянутся, что Зубная фея — настоящая. И даже такой странный всеобщий бред, как Санта Клаус, дает половину годового дохода от розничной продажи. Какой-то мифический толстый козел — двигатель всей экономики. Нет, это еще хуже.

В тот вечер Рэнт Кейси, пусть еще маленький, просто хотел чего-то настоящего. Даже если настоящее — это вонючая кровь и кишки.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Каждая праздничная традиция — это стимул когнитивного развития, сложная задача для ребенка. Несмотря на то что большинство родителей не осознают эту

функцию, они все равно ее выполняют.

Рэнт также понимал, что от того, как ребенок расстанется с иллюзиями, зависит, как он сможет использовать приобретенные навыки.

Ребенок, который не получил стимула в виде Санта Клауса, возможно, так и не научится пользоваться воображением. Для него будет существовать лишь буквальное и осязаемое.

Ребенок, которого грубо лишили иллюзий сверстники или другие дети в семье, осмеяли его веру и фантазию, может принять решение никогда ни во что не верить — как в осязаемое, так и в неосязаемое. Не доверять и не изумляться.

Ребенок же, который отказывается от иллюзий, связанных с Санта Клаусом, Пасхальным зайцем и Зубной феей самостоятельно, получает самые важные навыки. Он познает силу своего воображения и веры и научится создавать собственную реальность. Он станет собственным авторитетом. Он будет определять природу своего мира. Собственное видение. И силой своего примера он сможет создавать реальность для других: тех, кто не умеет воображать, и тех, кто не умеет доверять.

Преподобный Кертис Дин Филдс: Как бы ни был деревянный пол обработан, хоть воском, хоть лаком, он все равно держит запах: Светлый кедр, зашпунтованные доски, как у нас в зале фермерской ассоциации, — и до конца лета по запаху было слышно, что произошло. Жара. Едва одного ребенка — Доррис Томми, кажется, — стошнило тортом, как от вони стало выворачивать остальных.

Дэнни Перри (детский друг Рэнта): Там была сплошная кровь и рвота, весь пол словно в клейком ковре. Кровь и рвота. Говорят, именно тогда Бастера Кейси прозвали Рэнтом. Потому что каждый ребенок сгибался и кричал то же самое. «Рэ-э-энт!» И вот вам ванильный торт с глазурью. «Рэнт!» И выблевают фиолетовый фруктовый пунш.

Миддлтонец, если заболевает или перепьет и мучается тошнотой, до сих пор говорит: «Кажется, ко мне идет Рэнт».

Боуди Карлайл: До того, как уехать в город, Рэнт отдал мне двадцать четыре галлоновых молочных бидона, доверху полных зубов. От крошечных детских до дедовских, вытасненных из сундуков и заветных коробочек. По моим подсчетам, в чемоданах, которые он потащил в город, были одни золотые монеты.

Эти бидоны Рэнт назвал Миддлтонским зубным музеем.

8 — Работа с клиентами

Уоллес Бойер (продавец автомобилей): Хороший продавец перво-наперво вручает клиенту визитку. Здравается, представляется и тут же дает визитку, потому что исследования показали: девяносто девять процентов покупателей пользуются визиткой продавца как поводом уйти из салона. Даже если им не нравятся ни вы, ни ваши машины, большинству покупателей неловко, что они отняли у вас время. Визитная карточка смягчает эту неловкость. Так что, если хотите поймать клиента, дайте ему визитку сразу, как только представитесь, и он никуда не денется.

Психологи, которые изучают поведение людей, утверждают, что за первые сорок три секунды знакомства мы определяем доход человека, возраст, интеллект и степень нашего к нему уважения. Поэтому умный продавец носит приличные костюмы, не скребет в затылке и потом не нюхает ногти.

Одно серьезное исследование, проведенное в Лос-Анджелесе в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году и с тех пор не раз подтвержденное, гласит: пятьдесят пять процентов общения людей основано на языке тела: как мы стоим, на что опираемся, как смотрим друг другу в глаза. Еще тридцать восемь процентов — это тон голоса, скорость, с какой мы говорим, и громкость. А самое удивительное — только семь процентов информации передается со словами.

Главный талант хорошего продавца — умение слушать.

Это называется «вести» клиента: подстраивать свое дыхание под его дыхание; если он постукивает ногой или барабанит пальцами, делать то же самое с той же скоростью. Если он чешет за ухом или вытягивает шею, подождите двадцать секунд и повторите. Прислушивайтесь к его словам и наблюдайте, как движутся его глаза в разговоре. Почти все клиенты получают информацию через зрительный канал, поэтому они почти всегда смотрят вверх. Влево вверх, если что-то вспоминают, и вправо вверх, если говорят неправду. Другие обучаются через слуховой канал, и они обычно смотрят из стороны в сторону. Самая маленькая группа познает мир через движение или осязание. Эти в разговоре будут смотреть вниз.

Визуалы скажут: «Посмотрите» или «Я вижу, о чем вы». «Это невообразимо!» или «Увидимся позже». Эхо Лоуренс из таких: вечно меряет тебя взглядом.

Клиенты-аудиалы говорят: «Послушайте», «Звучит неплохо» или

«Скоро поговорим». Например, Шот Даньян. В глаза почти не смотрит, но быстрой оживленной речью можно его заинтересовать.

А кинестетики скажут: «Я держу руку на пульсе». Или «Есть контакт», или «Состыкуемся позже». Вот как мальчик Недди Нельсон: всегда стоит слишком близко и вечно трогает тебя и похлопывает, чтобы убедиться, что ты слушаешь.

Если продавец правильно «ведет» клиента, он перенимает способ получения информации — визуальный, аудиальный или осязательный. То есть в разговоре направляет взгляд вверх, в сторону или вниз. Ваша цель — найти точки соприкосновения. Не все любят бейсбол или даже рыбалку, но каждый без ума от самого себя.

Вы — ваше главное хобби. Вы специалист по самому себе.

Хороший продавец всего лишь смотрит вам в глаза, повторяет ваши движения, кивает, смеется или хмыкает, показывая свой интерес (эти звуки и жесты называются вербальными знаками внимания). Продавец дает вам понять, что он в таком же восторге от вас, как вы сами. И тогда у продавца и клиента возникает общая страсть: клиент.

Есть еще масса приемов: скрытые команды, преодоление возражений, «горячие кнопки», вопросы-привязки, добавочные и контрольные вопросы... И это далеко не все. Любой хороший продавец скажет: прежде чем подумать, много ли вы знаете, клиент хочет убедиться, что вы к нему равнодушны.

А самый лучший продавец умеет притворяться, что он к вам очень-очень равнодушен.

9 — Рыбалка

Боуди Карлайл (детский друг Рэнта): Теплая шерсть — мои пальцы натываются на что-то живое. Рэнт подзуживает: суй глубже. Рука жирная и скользкая. Я уже обгорел, но валяюсь в песке и шарю в норе, даже не прохладной, а холодной. В темной норе какого-то зверя. Может, скунса. Или мешетчатой крысы, или койота. Рэнт смотрит мне в глаза:

— Нащупал?

Я вслепую касаюсь спутанных корней полыни, гладких камешков, а потом... хм-м-м... шерсти животного. Мягкие волоски отодвигаются в глубь норы.

Рэнт приказывает:

— Тяни руку за ним.

Порывом ветра уносит комок жирной фольги из-под мясного рулета, испеченного миссис Кейси. Мы с Рэнтом мяли пряный фарш, пока он не забился под ногти и пальцы не стали скользкими. Сейчас моя рука исчезла в земле, вытянулась, как я и не ждал. Я пытаюсь снова нащупать чью-то шкуру, а под ней дрожащее сердце. Оно бьется почти так же часто, как мое.

Лу-Энн Перри (детская подруга Рэнта): Говорят, если Рэнту нравилась девочка, он ее целовал. А мальчиков брал на «рыбалку». И то, и то — испытание.

Боуди Карлайл: В жару почти все шли к реке удить рыбу, а Рэнт — в другую сторону.

Он брел по пустыне все утро, потом ложился на бок прямо так и по локоть запускал руку в какую-нибудь грязную дыру. И ему было наплевать, что там за тварь — скорпион, змея или луговая собачка. Рэнт шарил в этой темени наобум и надеялся на худшее.

Раз та «черная вдова» на Пасху его не убила, Рэнт решил найти средство покрепче. «Меня же привили от дифтерии и кори, — часто говорил он. — А гремучка — моя прививка от скуки».

Укус водяного щитомордника он называл «прививкой от работы по хозяйству».

В половине случаев гремучие змеи забывают впрыснуть яд, когда кусают. Рэнт говорит, в книгах пишут, что гремучки и щитомордники боятся тебя больше, чем ты их. Тело, которое излучает уйму тепла, вот что видят змеи. Что-то огромное и горячее — и змея вынуждена раскрывать свои складные клыки и — хап! — вонзает их тебе в руку.

Ничто Рэнта так не бесило, как укус всухую. Боль без яда. Прививка без лекарства. Все его руки и ноги были покрыты двоеточиями без красных рубцов — пустыми укусами.

Вместо обычной рыбалки Рэнт отправлялся за дом, мимо бочки для сжигания мусора, мимо машинного сарая, через поля люцерны, где поливочные машины — тик-тик-тик — расстреливают водяными очередями жаркое солнце. После люцерны открывался целый горизонт лоховины — мохнатой, с длинными серебристыми листьями. За ней — горизонт сахарной свеклы. За свеклой — другие посадки. А за всем этим — проволочная изгородь, облепленная шарами перекасти-поля, которые стремятся попасть внутрь. На колючей проволоке болтаются прокладки и презервативы, полные миддлтонской спермы и крови.

А потом остается еще горизонт. Три горизонта от задней веранды Кейси, и ты в пустыне. Рэнт называл свои походы за укусами «рыбалкой».

Айрин Кейси (мать Рэнта): Еще муравьиные укусы должны были нас насторожить. Бастер вечно приходил весь в красной сыпи от огненных муравьев. Такая боль, что большинство детей бы ревело. А он терпел ее легко, как потницу.

Боуди Карлайл: Его родные и половины не знали! В школе Рэнт закатывал рукав и считал укусы: огненный муравей, бродячий паук, скорпион... Все его прививки.

Весь девятый класс по пятницам, когда мы играли в вышибалы против двенадцатиклассников, выпрашивал себе освобождение от физкультуры. Мол, гремучая змея недавно укусила. Пока старшие избивали нас всех в кашину, Рэнт стягивал носок и предъявлял учителю распухшую красную ступню. И две дырочки, откуда сочится прозрачная юшка, похожая на яд.

Но я-то знал, что это его прививка от игры в вышибалы.

Для Рэнта боль была первым горизонтом. Яд — вторым. Болезнь — всего лишь таким же рубежом.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): Яд паука «черная вдова» убивает всего около пяти процентов укушенных. Через час после укуса нейротоксин под названием альфа-латротоксин распространяется по лимфатической системе жертвы. Мышцы живота сокращаются и затвердевают, живот становится похожим на стиральную доску. Возможна рвота, обильное потоотделение.

Еще один распространенный симптом — приапизм. Яд «черной вдовы» — природное средство от эректильной дисфункции. Рэнт не рассказал папе с мамой, но в ту Пасху у него впервые была эрекция. В детской психике секс и яд совершенно перемешались.

Эхо Лоуренс (автосалочница): Вот почему Рэнт в змеях души не чаял. Даже в городе без «черной вдовы» или бурого паука-отшельника он бы ничего не стоил в постели. Он называл их укусы «стимулирующей инъекцией».

Повторять дома не советую, но член твердый несколько часов. Встает как по команде. И огромный, что твой рычаг переключения передач. Вколол чуть глюконата кальция, и все в норме.

Шериф Бэкон Карлайл (детский враг Рэнта): Зачем Рэнту Кейси были все эти укусы? Кайф поймать. Яд — это тоже наркотик. Кайф. Я вам как служитель закона говорю: наркоманы — ненормальные люди. Когда вы дослушаете до конца, как Рэнт ловил свой кайф, будете в шоке.

Боуди Карлайл: Меня не спрашивайте. Я так и не понял, в чем тут кайф. Пока другие ребята нюхали керосин или клей для авиамоделей, Рэнт чуть ли не все лето валялся под каким-нибудь кустом полыни. Все бежали от реальности, а Рэнт к ней готовился.

Грязные дыры под сдвинутыми камнями, куда нельзя заглянуть, — вот будущее, которого мы так боялись. Когда Рэнт совал туда руки и не умирал, он переставал бояться. Он закатывал штанину и, сидя на песке, совал голую ногу в нору койота. Медленно, как другие пробуют воду в ванне, не горячо ли. Если понаблюдать за ним, было видно, как Рэнт стискивает руки, упирается в песок, крепко зажмуривается и набирает в рот воздуха.

На дне дыры сидит скунс, енот, койот с выводком или гремучая змея. Сначала мягкая шерсть или гладкая чешуя, теплая или прохладная, а потом — чамк! — укус целого рта зубов. Нога Рэнта вздрагивает. Но он не отдергивает ногу, как другие, кто рвет кожу еще больше, потому что тащит из плотно сжатых челюстей. Нет, Рэнт давал зверю расслабить хватку. Или ухватить еще раз, посильнее. И отпустить, потому что надоело. Потом теплое дыхание на пальцах — кто-то обнюхивает ногу. Под землей чей-то мокрый язык лижет Рэнтову кровь.

Только тогда Рэнт вытаскивал ногу из норы. Кожа порвана и изжевана, но чисто вылизана. И с чистой кожи капает — кап-кап-кап! — чистая кровь. Глаза Рэнта — сплошные зрачки. Он снимает второй ботинок с носком, закатывает штанину и сует голую часть собственного тела в темноту, чтобы посмотреть, что будет.

Все лето пальцы Рэнта на руках и на ногах искусаны и сочатся кровью. По укусу, по дозе яда за раз Рэнт готовился к чему-то серьезному. Прививал себя от страха. Любое будущее, самая ужасная работа, женитьба, армия — это наверняка лучше, чем челюсти койота.

Эхо Лоуренс: Вот смотрите. Когда я познакомилась с Рэнтом Кейси, в

первый вечер мы сидели в итальянском ресторане, и он спрашивает:

— Тебя никогда не кусали змеи?

Он в пиджаке, и я еще не знаю, какие у него страшные руки. А он дразнится, будто это дефект, говорит:

— Подумать только: столько лет прожить, а на тебя ни разу не брызнул скунс...

Словно моя жизнь — образец осторожности и всяких ограничений.

Рэнт вздыхает и качает головой над своей тарелкой спагетти. Потом косится на меня одним глазом:

— Если ты никогда не болела бешенством, считай, ты никогда не жила.

Нет, ну какая наглость! Иисус из деревни. Только представьте: он даже не умел переключать передачи на рулевой колонке.

Да что там! В тот вечер он впервые увидел рэвиоли!

Доктор Дэвид Шмидт (миддлтонский врач): Этот маленький негодяй Кейси каждый раз успевал заболеть, но не удосуживался сообщить родным об укусе. Вирус бешенства передается со слюной инфицированного животного. Любой укус, лизание и даже чихание могут быть заразны. Попадая в организм, вирус распространяется по центральной нервной системе и поднимается по позвоночнику в головной мозг, где размножается. Начальная стадия называется «эклипсной», потому что симптомов нет. Больной распространяет заразу, но выглядит и чувствует себя нормально.

Эклипсная фаза длится от нескольких дней до многих лет. И все это время ваша слюна заражает других.

Боуди Карлайл: Рэнт предпочитал «пикам» свою рыбалку. Он говорил: «Может, моя жизнь пустая и скучная, но по крайней мере она моя, а не ширпотребная, секонд-хендовская, с чужого плеча».

Шот Даньян (автосалочник): Подставляться под укус гремучей змеи — это, скажу я вам, примитив.

Доктор Дэвид Шмидт: Самое возмутительное — Бастер Кейси пользовался большой популярностью у противоположного пола: Без всяких сомнений. За последние десять лет мы лечили шесть случаев бешенства у мужчин. Все шесть — сам Бастер. А у женского пола — сорок семь. В основном заболевали его же одноклассницы; два случая — учительницы. В то же самое время три из них решили прервать беременность от неназванного отца.

Лу-Энн Перри: Куда ни кинь, Бастер был опасен для окружающих. А еще он часто играл в «бутылочку».

Полк Перри (сосед): Говорят, Рэнт Кейси больше жил с бешенством,

чем без него. А если так долго растить в башке жука, обязательно с катушек съедешь. Хотя некоторым сумасшедшие как раз нравятся.

Лу-Энн Перри: Я от Бастера не беременела, но бешенством заражалась довольно часто. Первый раз — когда мы встали под омелой на рождественском утреннике в пятом классе. Всего один поцелуй. Я была в красном бархатном джемперочке с белой блузкой. Стояла на сцене в первом ряду и выводила «О, святая ночь», милая, как ангелочек с длинными светлыми кудрями. Прямо как картинка — и бешеная.

Спасибо Бастеру Кейси!

Доктор Дэвид Шмидт: Обвинять во всех случаях заражения одного парня несправедливо. Но с тех пор, как Бастер Кейси уехал, у нас перестали болеть бешенством.

Лу-Энн Перри: Очень многие девочки заражались, как я. Добрая половина класса, как началась средняя школа. Бренда Джордан говорила, что заразилась, когда все кусали яблоко на Хэллоуин, а она была после Бастера, но она просто с ним целовалась.

Некоторые относились к Бастеру Кейси, как он сам — к змеям. То, что мама с папой запрещают. Маленькая ошибка, которая спасет тебя от более крупной.

Поцелуй с Бастером — такая ошибка. Хуже будет, если ее не сделать. Когда симпатичный мальчик два-три раза заразит тебя бешенством, ты придешь в себя на всю жизнь и выберешь мужа поспокойнее.

Эхо Лоуренс: На втором свидании Рэнт начал ворошить кучи листьев в парке. Один из безотказных способов подцепить бешенство — возиться с летучими мышами. Поройтесь под листьями — и обязательно найдете мышь, которая вас укусит. Вспомните об этом, когда в следующий раз захочется поваляться осенью под деревьями.

Лу-Энн Перри: Говорят, этот мальчик всем нравился. Всем, кроме собственного папаши.

Шот Даньян: Что, прикольно? Тринадцатилетний сын с сексуальными проблемами, наркоман, который любит гремучих змей, да еще и больной бешенством, — можно спокойно назвать его самым ужасным отцовским кошмаром.

Лу-Энн Перри: Еще Бастера Кейси называли ошибкой, которую девочке надо совершить пораньше, чтобы успеть оправиться.

Боуди Карлайл: Мы сидим в пустыне, за три горизонта от остального мира. Рэнт опять смотрит мне в глаза:

— Чуешь, как бьется сердце?

Я нащупал шерсть. Глажу ее. Под землей. Как в могиле. Моя рука

белая-белая. Скользя и воняет жирным мясным рулетом.

Я горю на солнце и киваю: да. Рэнт улыбается:

— Не убирай руку.

Чувствую шерсть, мягкую и теплую. И тут — чпок! — что-то втыкается в перепонку между большим и указательным пальцем, что-то острое вонзается в кожу. Моя рука вздрагивает так сильно, что ударяется о стенки туннеля. Нора плотно сжала мой локоть, держит руку до плеча. Боль жжет по самую ключицу, я пытаюсь вытащить руку.

Рэнт охватывает меня сзади за грудь и помогает. В моей руке не двоеточие от змеиных зубов. Не подковка от укуса койота. Кровь толчками бьет из большой и ровной дыры.

Рэнт смотрит на кровоточащий разрез и говорит:

— Есть укус. Это кролик.

У нас сочится кровь из рук и ног, стекает на песок под горячим солнцем. Рэнт вздыхает:

— Вот оно... Вот так должно быть в церкви.

10 — Обратни

Д-р Феба Трюффо (эпидемиолог): Первейшим запретом у древних народов было не пить из водоема, где бывают волки. Более того, наши предки не доедали животных, скажем, оленя или лося, задранных стаей. Бытовало мнение, что нарушение любой из этих заповедей — или обычный волчий укус — превращает человека в легендарное чудовище, кровожадного и жестокого человека-волка. В обратня.

Как ветхозаветный запрет на употребление в пищу свинины и моллюсков, без сомнения, не давал верующим погибнуть от трихиниллеза или сальмонеллеза, так и эти древние суеверия предотвращали контакт со слюной, содержащей рабдовирусы — род морфологически сходных вирусов с отрицательной цепью РНК, которые на протяжении всей истории жизни на земле заражали популяции млекопитающих.

Дениза Гарднер (риэлтор): Как сейчас вижу: Марго, громко топая, выходит из дома навстречу подругам. Вся в черном кружеве и чулках в сеточку, словно каждый вечер — Хэллоуин.

Эта тварь висит у нее на свитере, как меховое украшение. Брошка. Страшными коготками вцепляется в пряжу. Иногда Марго закалывала волосы и сажала летучую мышь сверху. А то вешала на ухо, как сережку. Вся ее готская компания по летучим мышам с ума сходила. Кожистые маленькие вредители! Я про мышей, не про ее подружек. Летучая мышь — идеальная мерзопакость для подростка с вампирскими наклонностями. Их купили всем друзьям Марго. Стыдно, конечно, но мы и думать не думали, что все так повернется. Летучих мышей не продавали бы в зоомагазинах вместе со щенками и котятами, если бы они были опасны. Так сказал Шон, мой муж.

Шон Гарднер (строительный подрядчик): Нашу дочь звали Марго, но друзья-вампиры обращались к ней «Монстр». Она дала мыши кличку «Монстрик», а потом сократила до «Монти».

Д-р Феба Трюффо: До эпидемии Кейси крупнейшая вспышка бешенства в современности возникла из-за несоблюдения протокола импорта. Согласно Карантинным правилам ввоза товаров (42 CFR 71.54), в США продавать летучих мышей для содержания дома противозаконно. Импортируемые летучие мыши могут поступать лишь в аккредитованные зоопарки и исследовательские заведения. Однако в 1994 году единичная процедурная ошибка привела к тому, что партия из нескольких тысяч

египетских плодоядных летучих мышей (*Rousettus aegyptiacus*) была впущена в страну для продажи через зоомагазины.

Шон Гарднер: Мы купили Марго летучую мышь в подарок на Рождество. Точнее, купила она сама, а мы с ее матерью вернули ей деньги. Триста долларов. Тварюга из Египта или еще какого-то забытого богом места. А корм тоже недешевый. «Корм для крыланов» или «Мышиная радость»... Бред какой-то. Ее мать старалась держаться от этого зверя подальше.

Этот Монтик ужасно вонял.

Д-р Феба Трюффо: Каждый год лишь двадцать процентов инфицированных сообщают, что их укусило или поцарапало животное. Типичный случай произошел в штате Вашингтон в марте 1995 года. У четырехлетней девочки в комнате обнаружили летучую мышь. Поскольку ребенок не сообщил о контакте с животным, профилактическое лечение не было назначено. Впоследствии оказалось, что и ребенок, и летучая мышь заражены.

У сурков заболевание распространяется, когда здоровое животное заходит в нору, где ранее обитало больное.

Поскольку рабдовирус передается преимущественно со слюной, обычный кашель или чихание могут заразить окружающих. Например, в лифте или салоне самолета. Строго говоря, заразиться бешенством не сложнее, чем простудой. Только при простуде симптомы появляются сразу.

Дениза Гарднер: Учителя жаловались, что Марго очень нервная. Постоянно беспокоилась, отвлекалась. Иногда чего-то пугалась. Такой вот у нас был проблемный ребенок. Ее друзья-готы вели себя точно так же. Всегда угрюмые и невежливые. Ужасно! Нам и в голову не приходило... Когда Марго получила «неудовлетворительно» по международной политологии, педиатр выписал ей риталин.

Д-р Феба Трюффо: При заражении объект обычно чувствует щекотку в месте контакта, укуса или царапины. Если инфекция попадает в организм через слизистую, зона контакта приобретает повышенную чувствительность. При орально-генитальном заражении, как в случае с серотипом Рэнта, наблюдается характерное ощущение щекотки в генитальной и перигенитальной области, по отзывам, скорее приятное, чем неприятное. Этим, возможно, объясняется быстрое, почти молниеносное распространение эпидемии среди населения.

Шон Гарднер: Симптомы включают мрачность и антисоциальное поведение, стремление к уединению, чередующееся с приступами враждебности и агрессии. Если бы Центр контроля заболеваний лечил

каждого подростка с такими симптомами... Ни одно государство денег не напасется!

Д-р Феба Трюффо: После инкубационного периода или эклипсной фазы, которая длится от шести до девяноста дней, вирус размножается в тканях, примыкающих к месту заражения. Ретроградный аксоплазматический поток быстро разносит вирус по центральной нервной системе. Он заражает нейроны стволовой части мозга, продолговатый мозг, гиппокамп, клетки Пуркинье и мозжечок — вторгается в цитоплазму, размножается и процветает. Это сопровождается дегенерацией стволовой части мозга, полушарий и аксонов, а также демиелинизацией белого вещества.

По мере роста вируса заражению подвергаются ткани, содержащие большое количество нервов, в частности, слюнные железы. На первой, продромальной стадии симптомов объект страдает от жара, тошноты, головной боли, усталости и сниженного аппетита.

Шон Гарднер: Честно говоря, если подумать, как в наше время ведут себя дети, кто обвинит нас в невнимательности? Вы посмотрите, как они танцуют.

Дениза Гарднер: Шон говорил, все дело в музыке, которую они слушают.

Шон Гарднер: Жена говорила, что во всем виноваты видеоигры.

Д-р Феба Трюффо: За продромальной фазой следует фаза сенсорного возбуждения, которая характеризуется повышенным слюноотделением, сокращением мышц, бессонницей, ярко выраженной агрессией и стремлением что-то кусать или жевать.

Когда инкубационный период заканчивается и объект демонстрирует подозрительное поведение, лечение невозможно. Третий и последний этап заболевания — паралич и кома. При аутопсии, если антитела бешенства ввести в образцы мозговой ткани, под флуоресцентным микроскопом обнаруживаются антигены.

Дениза Гарднер: Ситуация стала просто невыносимой . И тут нам звонит Сильвия Леонард. Мать Дина Леонарда, одного из готов, приятелей Марго. Короче, звонит она и говорит, здравствуйте, летучая мышь Дина сдохла. Его пушистик свернулся в ящике с бельем, и оттуда пошла дикая вонь. Сдох. Сильвия спрашивает: а мышь Марго не заболела? И не остался ли у нас чек, чтобы она попробовала вернуть деньги за мертвую мышь?

Мы достаем из-под кровати Марго обувную коробку, а оттуда такая вонь, что мы еле на ногах устояли. Мы даже открывать ее не стали. Шон, мой муж, понес ее на задний двор и похоронил Монтика рядом со всеми

тушканчиками, хомяками, котятами, золотыми рыбками, ящерицами, попугайчиками, морскими свинками, мышками и кроликами, которые Марго в свое время у нас выпросила. Клянусь вам, наш задний двор просто вымощен мертвым зверьем.

Д-р Феба Трюффо: Название «рабдовирус» происходит от санскритского слова, употреблявшегося за три тысячи лет до нашей эры, «rabhas», что означает «совершать насилие». К девятнадцатому веку вирус отмечали на всех континентах, особенно в Европе. Обычно при подозрении на бешенство люди кончали жизнь самоубийством.

Есть слухи, что инфицированных часто убивали соседи. Из страха. Или сочувствия.

На протяжении истории вирус сменил несколько популяций носителей. В восемнадцатом веке заболевание переносили в основном лисицы обыкновенные, или рыжие (*Vulpes vulpes*). Когда лис привезли для охот в британском стиле, вирус закрепился и в Новом Свете. В девятнадцатом веке полосатые скунсы (*Mephitis mephitis*) так часто страдали водобоязнью, что люди начали называть их «сумасшедшими кошками». С шестидесятых годов двадцатого века бешенство все чаще встречается среди енотов-полоскунов (*Procyon lotor*) и в меньшей степени койотов, или луговых волков (*Canis latrans*), на долю которых приходится в среднем пятьдесят инфекций в год. Для сравнения, эта цифра для насекомоядных мышей составляет семьсот пятьдесят случаев в год.

До появления серотипа рабдовируса Рэнта в год умирало не более ста тысяч человек, преимущественно в тропических или субтропических регионах. Несмотря на ежегодные миллиардные затраты, столетие прививок и работу с населением, в 1993 году скорость распространения вируса бешенства среди животных достигла исторического пика.

В связи с эпидемией, приписываемой Бастеру Кейси, в настоящее время человечество является самой крупной популяцией носителей этого вируса.

Шон Гарднер: Как я понял, бывает два вида бешенства. Есть «тихое», когда ты не сходишь с ума и никого не кусаешь. Ты просто сворачиваешься в комочек под кроватью и умираешь. А есть еще обычное, «злое», которое бывает у восьмидесяти процентов людей. Когда ты брызжешь слюной, ругаешься, машешь руками и бьешь все, что у тебя в комнате, включая коллекцию фарфоровых кукол, называешь отца «грязным, дерьмоядным, ублюдочным, дебильным импотентом». У нашей Марго было именно такое.

Дениза Гарднер: Нам стыдно, конечно, но мы стали оплакивать Марго

в тот день, когда ей исполнилось тринадцать и она впервые покрасила волосы в черный.

Д-р Феба Трюффо: Можно предположить, что все древние запреты на скотоложство имели целью исключить переход рабдовирусов или любой другой инфекции на людей.

В древности бытовало и такое мнение, что оборотнями станут незаконные дети жрецов, а также дети, зачатые в инцесте.

Дениза Гарднер: Мне очень стыдно, но когда я впервые что-то заподозрила, когда мне впервые пришло в голову, что это бешенство, я списала все на притворство. Марго и вся ее компания готов всегда грубили и делали вид, что не такие, как все. Они как будто мечтали заболеть бешенством. Ну, я уже сказала, мне очень стыдно.

Д-р Феба Трюффо: Пока размножающийся вирус распространяется по сенсорным и моторным нервам, организм может месяцами не проявлять симптомов, но в то же время заражает другие организмы. По всей видимости, именно этот сценарий имел место с предполагаемым суперносителем Бастером Кейси.

Эпидемиологи отказались от термина «нулевой пациент». Теперь мы называем любого человека, вызвавшего десять или более заражений, «суперносителем».

Бастер Кейси стал для бешенства тем же, чем Тифозная Мэри Мэллон — для тифа, Гаэтан Дюга — для СПИДа, а Ли Сонг — для атипичной пневмонии.

Шон Гарднер: Наша Марго... Ну, вы сами все знаете. Погибло столько ее друзей, не только Дин Леонард, что мы устроили групповые похороны. И все-таки похороны детей-готов совсем другие. Да, это ужасная трагедия, и все-таки... Наша Марго выглядела лучше — ну, здоровее, — чем до того, как заболела. Ее друзья пришли на похороны мрачные и разодетые, почти как на выпускном вечере. Не танцевали, не улыбались, не смеялись. Мрачные, все в черном...

Да что там, все было точно как на ее выпускном вечере.

11 — Пчелы

Эхо Лоуренс (автосалочница): Вот представьте: День Независимости. Весь клан Кейси выезжает на пикник. Барбекю с жареным зефиром и мясом. Тети и дяди, кузены и кузины развалились на одеялах или складных стульях, заняли целый акр. Все едят кукурузу, обнимаются, жмут друг другу руки.

Даже на природе самое старшее поколение, «взрослые», сидят за столом. Все остальные — на земле. С тех пор, как умерли Эстер, Хетти и Бел, очередь немного сдвинулась, но, по сути, ничего не изменилось.

В тот солнечный день у их стола зажужжала пчела. Одна, другая. Бабушки начали отмахиваться. Пчелы покрыли весь стол. И тех, кто за ним сидел, тоже.

Шериф Бэкон Карлайл (детский враг Рэнта): Окружной судмедэксперт спрашивал, имел ли в последнее время кто-нибудь из погибших дело с пчелами. Хотел узнать, может, кто работал на пасеке. Сказал, нападение могло быть вызвано штукой под названием «аттрактант роев».

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): Феромон секрета железы Насонова. Пластмассовая бутылочка размером с мизинец выделяет не меньше пчелиного аттрактанта, чем пять тысяч пчел. *Apis mellifera*, пчела медоносная, летит на этот запах и ищет трещины или отверстия, где можно создать новый улей.

Если пчелу прибить, она выделит феромон «тревоги», который заставит других пчел броситься в атаку. Поскольку главные естественные враги пчел — медведи, пчелы будут нападать на глаза, нос и рот агрессора, залетать во всякое темное отверстие, включая уши. От выдыхаемого жертвой углекислого газа пчелы становятся еще агрессивнее.

Аттрактант пчелиных роев имеет приятный цитрусовый аромат. Для людей — почти неразличимый. Однако феромон настолько мощный, что рекомендуется хранить эту пластмассовую бутылочку в запечатанном стеклянном сосуде, а сосуд поместить в морозильник.

Шот Даньян (автосалочник): Солнце будто заслонила туча, огромная чернющая грозовая туча. И еще жужжит. Среди солнечного дня — дождь. Только вместо воды — пчелиные жала. Это вам не шуточки! Люди тонут в боли.

Эхо Лоуренс: Люди бежали к своим машинам и кричали, заглатывая

полные рты пчел. Они давились пчелами и умирали от укусов и удушья. Пока приехала дезинсекционка, погиб Клем, дядя Рэнта. И тетя Пэтти, и дядя Клитус. Дядя Уолт умер в больнице.

Шот Даньян: Дебильные фэбээровцы, что нас допрашивали после гибели Рэнта, от этой истории прямо кипятком писали. Не успевали строчить в блокнотах.

Эхо Лоуренс: Расслабьтесь, никто не говорит, что это убийство. Пока не говорит.

Шот Даньян: Что, прикольно? Почти как в Ветхом Завете: Пикник Пчел-Каннибалов, Смертельное Мышиное Дерьмо, Блошиная Чума и Убийственная Шляпа с Пауками. На следующий День Благодарения, памятуя, что восемь стариков отошли в мир иной, другие члены старшего поколения остались дома. Кейси уступили стол своим великовозрастным детям. Осада закончилась, эстафету передали дальше.

12 — Еда

Эхо Лоуренс (автосалочница): Чтобы остановить время, буддийские монахи используют мандалы из песка, Айрин Кейси занималась вышиванием, а Рэнт меня вылизывал. Засовывал голову мне между ног и вставлял в меня язык. Приподнимался на локтях, причмокивая, подбородок весь мокрый:

— Сегодня на завтрак ты ела что-то с корицей...

Облизывался, закатывал глаза:

— Не гренки... что-то другое.

Фыркал, чавкал, а потом торжествующе поднимал голову:

— Ты пила чай «Констант Коммент»! Вот откуда корица!

По запаху и вкусу моей щели он мог рассказать про весь мой день: чай, кусок поджаренного цельнозернового хлеба без масла, йогурт без ароматизаторов, черника, сэндвич, одно авокадо, стакан апельсинового сока и свекольный салат.

— А еще ты взяла порцию луковых колечек в фаст-фуде, — говорил он и снова причмокивал. — Большую порцию.

Я прозвала его «щелепатом».

Боуди Карлайл (детский друг Рэнта): Пока большинство успевает сесть за стол, прочитать молитву, передать друг другу тарелки и все съесть, попросить добавки, угоститься кофе с пирогом, выпить еще чашечку и убрать со стола — Кейси клали в рот всего один кусочек. Один ломоть мясного рулета или тушеного тунца. И еще прожевывали. Они мало того что ели медленно. Они не разговаривали, не читали и не смотрели телевизор. Они сосредотачивались на том, что у них во рту: жевали, пробовали на вкус, ощупывали языком.

Эхо Лоуренс: Посмотрите правде в глаза: обычно парни считают каждое движение языка. Каждый раз, поднимая голову, чтобы перевести дух, они оценивают, насколько тебе приятно. Попробуй их только потом обделить в ответ! Сколько бы тебя ни лизали, ты никогда не расслабишься по-настоящему, потому что знаешь: у них включен счетчик. Каждое движение языка — как капиталовложение.

Даже те, кто терпеть не может всякую бухгалтерию, не знают, сколько платят налогов, а в ответ на вопрос, сколько у них на счету или на кредитной карточке, только пожмут плечами — те же самые парни всегда в курсе, сколько раз провели по тебе языком. И сколько им за это

причитается. Как будто сидят в офисе и считают свои проценты с акций фирмы. Или на часы смотрят.

Все мужики такие, кроме Рэнта Кейси. Пока его язык в тебе, проходят годы. Могут выветриться горы.

Эдна Перри (соседка): В Англии на Рождество кто найдет в тарелке гвоздику — тот злодей. Автоматически. Найдешь палочку — дура. Спорить бесполезно. А если в рот попал лоскуток, все будут знать, что ты шлюха. Вот представьте, что вас объявляют шлюхой прямо за рождественским ужином. Айрин Кейси божится, что так в книге написано.

Эхо Лоуренс: Однажды Рэнт поднял голову, чтобы глотнуть воздуха, снял лобковый волос с языка и спросил:

— Что сегодня случилось? Что-то плохое...

Я говорю, забудь. Он лизнул меня и закатил глаза, еще лизнул и говорит:

— Штраф за парковку? Нет, хуже...

Я ему: забудь. Все нормально.

Рэнт снова меня лизнул, только медленнее, провел языком снизу вверх, жарко дыша. Потом поднял свои зеленые глаза и смотрел на меня, пока я не посмотрела на него.

— Мне очень жаль, — говорит. — Тебя сегодня уволили, да?

Да, блин, уволили с этой дурацкой работы! Где я мобилки продавала.

И он узнал об этом языком и носом. Такой вот он был, Рэнт Кейси. Никогда не ошибался. Между оргазмами я расплакалась.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): У каждой семьи есть свое священное писание, хотя многие не отдают себе в этом отчет. Это истории, которые семья повторяет, чтобы укрепить свою индивидуальность: кто ее члены, откуда и почему они ведут себя именно так.

Рэнт говорил: «Каждая семья — это настоящий маленький культ».

Бейсин Карлайл (соседка): Не смейтесь, но Айрин говорит, во Франции в торт запекают металлический талисман на счастье. У них такое правило: кому на зуб попался талисман, готовит ужин следующим. Но французы такие скареды, что глотают талисман. Чтобы не приглашать гостей.

Еще Айрин вычитала, что мексиканцы запекают в еде куколку младенца Иисуса. В Испании в тесто кладут монетки. Айрин показывала мне книжку о том, как печь роскошные торты, все рассказала. Историю тортов во всем мире!

Айрин Кейси (мать Рэнта): Я помню, Чет и Бадди раньше ели не так

уж медленно. Это я их приучила. Надоело печь шоколадный торт и видеть, как Чет с Бадди проглатывают его в три укуса. Отправляют в рот один кусок, второй, глядь — от торта осталась только грязная тарелка. Трескают мою еду, а говорят совсем о другом, строят какие-то планы. Глядят на дорогу за мили вперед.

Совсем другое дело — еда, которую приносили они сами. Если Чет застрелит гуся, мы сидели и приговаривали, какая вкусная дичь. Бадди наловит форели — опять семья весь вечер ее поедает. Потому что форель костлявая. А в гусе может попасться дробина. Если не обращать внимания, что жуешь, дорого заплатишь. Подавишься рыбьей костью и умрешь или все небо пропорешь. Или прикусишь дробину и сплюнешь коренной.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Священная заповедь дома Кейси гласит: «Секретный ингредиент вкусного — то, что может сделать больно».

Нет, Айрин не стремилась причинить людям вред. Она «минировала» свою еду из любви. Если бы ей было все равно, она бы просто-напросто кормила своих домашних полуфабрикатами.

Бейсин Карлайл: Да, и не забывайте об этом.

Я обычно встречалась с Кейси в церкви. На воскресной службе да еще на ужинах «Счастливый горшок» в зале фермерской ассоциации.

Секретным ингредиентом, который заставлял людей хорошенько распробовать фруктовый пирог Айрин, были тайком подсыпанные вишневые косточки. Можно было челюсть сломать ненароком. А секрет ее яблочной «рыжей Бетти» — много-много острых осколочков ореховой скорлупы.

Если ешь ее тунцовую запеканку, ты не разговариваешь и не листаешь журнальчик. Твои глаза и уши сосредоточены на том, что у тебя во рту. Весь мир сужается до размеров рта. Жуешь осторожно, чтобы не прикусить скатанные в маленькие шарики кусочки консервной банки. А когда ешь медленно, то чувствуешь настоящий вкус еды, любое блюдо становится вкуснее. Может, другие женщины готовят и лучше, но ты этого в жизни не заметишь.

Шот Даньян (автосалочник): Отец Рэнта говорил: «Если притворишься, что это случайно, на тебя не разозлятся».

Айрин Кейси: Мужчины вправду вечно спешат, вечно напрягаются.

Эхо Лоуренс: Вот вам тайна одинокой девушки: на первом свидании нужно пойти с мужчиной в ресторан, чтобы узнать, как он будет трахаться. Если какой-то придурок заглотнет всю тарелку, даже не взглянув, что съел, к нему в постель залезать точно не стоит!

Боуди Карлайл: Миссис Кейси пекла на день рождения такие торты, что ты краснел от стыда за свою ленивую мать. Иногда она делала паравозик из шоколадного бисквита, который везет товарные вагоны: один вишневый, другой — ванильный, за ним — вагоны-платформы и вагоны-цистерны, все с разными ароматами, а в самом хвосте — тормозной вагон с кленовым сиропом. Но если забудешь, что у тебя во рту, там скоро окажутся сосновые щепки и кровь.

Лоуган Эллиот (детский друг Рэнта): А суть в том, что, если ты не жевал еду миссис Кейси, ее еда жевала тебя.

Айрин Кейси: Как я понимаю, пока блюдо дает больше вкуса, чем боли, ты от него не откажешься. Если удовольствия больше, чем неприятностей.

Бейсин Карлайл: На обеды в зале фермерской ассоциации люди собираются, чтобы поговорить, обменяться новостями. Вы уж меня простите, но каждый раз, когда Айрин приносила свой пирог с курятиной или фасолевый салат, вместо того, чтобы общаться, люди выуживали изо рта всякий мусор. Готовила она неплохо, но не давала никому сплетничать. Люди уже не говорили, кто подбил жене глаз, а кто изменяет мужу, а складывали у тарелки разную дребедень. Косточки, камушки и скрепки. Целые гвоздичины, острые, как канцелярские кнопки.

Эдна Перри: На Рождество в других странах выпекают пирог с крошечным младенцем Иисусом внутри. Говорят, человеку, который найдет Иисуса, в следующем году будет благословение. Нужна одна малюсенькая пластмассовая куколка. Но Айрин Кейси замешивала в тесто не меньше младенцев, чем муки и сахара. Иисус в каждом укусе. Может, она просто хотела, чтобы всем повезло, но выглядело это как-то неправильно: люди отрывали целые кучи обнаженных, розовых пластмассовых Спасителей. Извергали изо рта мокрых младенцев. С улыбающимися погрызенными личиками. Представьте себе рождественский обед в зале фермерской ассоциации: народ сидит за длинными столами с красными бумажными украшениями, а кругом валяются обслюнявленные младенцы Христы. Святости ни на цент.

Бейсин Карлайл: Бывает, больше всех любишь не самого послушного ребенка, а того, кто больше тебе докучает. Люди помнили только те блюда, что приносила Айрин Кейси. Остальное, более вкусное, например, ореховые батончики Гленды Хендерсен или грушевый крамбл Салли Пибоди, было безопасно — и все это забывалось подчистую.

Эхо Лоуренс: А однажды, после оргазма, у меня внутри как будто что-то начало жать, не боль, а как когда тампон плохо встанет. Будто надо

сходить пописать. Рэнт вставляет в меня два пальца и достает что-то розовое. Больше зуба. Гладкое и блестящее.

Мы с ним даже голыми никогда друг друга не касались. Подсохший и липкий или влажный и склизкий — между нашими телами всегда был тонкий слой пота, слюны или спермы.

Опершись на обе руки, Рэнт на что-то смотрит. Будто сам взял и высосал из меня эту розовую штуку.

Я, конечно, сажусь и тоже смотрю.

Это он так пошутил.

Маленький пупс. Розовый пластмассовый младенец.

Рэнт ахает:

— Ой, как это сюда попало?!

Любимая мантра его мамы. Ухмыляется мне:

— Значит, я сегодня везунчик...

Мне было почти все равно, что от его слюны я заразилась бешенством.

13 — Стояки

Боуди Карлайл (детский друг Рэнта): В понедельник я был совсем никакой, потому что всю ночь зубрил алгебру. Мистер Уайленд задавал на дом по шесть-восемь часов, а я все оставлял на потом. Даже с закрытыми глазами я слышу голос главного свидетеля — девчонки, которая записывала «пики» этих уроков. Записывают не мысли, а чувственное восприятие: вкус, запах, звук и зрение. Главная свидетельница все твякает и твякает, проговаривает каждый шаг уравнений, а ты смотришь, как ее рука держит мел и пишет на доске цифры.

«Когда X равен косинусу Y , а Y больше, чем Z , определяющий фактор X должен включать...» На этом я засыпаю. Подключен и дрыхну как пшеницу продавши. Утром оказывается, что все, что я выучил, — это запах мела. И стук мела, тук-тук, которым чертят по доске. Обычной школьной доске, не смартборду, не белой с маркерами. Черной доске. Позорники. Я и десятки лет спустя помню, что свидетельница была правшой, в красном свитере с длинными засученными рукавами. А во рту вечный привкус черного кофе. Рука Ночного, как мне сказали. Без загара. Тыльная часть, фаланги, ладонь — все одного цвета.

Я не получал «неудов» только потому, что Рэнт Кейси знал еще меньше, а мистер Уайленд подходил к оценкам научно. Почти каждый понедельник еще до рассвета Рэнт стучал ко мне в окно. Мы проходили пару горизонтов до какой-нибудь норы. Подняв рукав и погрузив руку под землю по плечо, Рэнт просил меня поучить его. Алгебре. Истории. Социологии. Он жаловался, что его порт не работает — то ли из-за паучьего яда, то ли из-за бешенства. Подключался, но ничего не происходило.

Дэини Перри (детский друг Рэнта): Рэнт Кейси ложился на живот, упирался локтями в песок по обе стороны норы и совал туда нос. По одному только запаху какой-нибудь грязной дыры Рэнт мог определить, кролик там, койот, скунс или ядовитый паук. Мог даже сказать, какой именно.

Дружба с Рэнтом Кейси была как экзамен. Мы совали руку по локоть в нору по его выбору, не представляя, что там окажется.

Боуди Карлайл: Мы сидим в пустыне и смотрим, как над горизонтом занимается бледный пожар. Я рассказываю Рэнту о федеральном законе «Эй» и о том, какая странная рука у свидетельницы по алгебре. Рука,

которая никогда не была на солнце. Во рту стоит привкус чужого кофе.

А Рэнт говорит:

— Черт.

Сует свободную руку себе в штаны и стискивает зубы.

— Встает от укуса паука, — объясняет он. — Всегда так. И копошится у себя в ширинке, прячет.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): Хронический приапизм — один из менее серьезных симптомов отравления альфа-латротоксином. Эпизод с эрекциями лишил Рэнта всякой поддержки общины. Он не мог вернуться домой, но ему это было и не нужно. Богатые люди в отличие от большинства знают: мосты не сжигают. Это транжирство! Мосты продают.

Кэмми Эллиот (детский друг Рэнта): Учитель геометрии, мистер Уайленд, тот же, что гоняет нас по алгебре, заставляет выходить к доске. Чтобы весь класс видел, какой ты тупой. Он скрещивает руки, выпячивает языком щеку, опускает глаза и говорит:

— В чем проблема, мистер Кейси?

А Рэнт упирается в грудь подбородком, выпячивает таз и тычет указательными пальцами себе в пах. Его ширинка вспухла так сильно, что видны серебристые зубчики молнии.

— Мистер Уайленд, сэр! — говорит Рэнт. — У меня целых два часа сильная эрекция...

Да честно! Класс ахает. Не заучки на первых партах, а хорошисты, которые поверили тому, что слышали. А ближе к «Камчатке» какой-то несчастный троешник фыркнул от смеха.

— Мистер Уайленд, поймите меня как зрелый мужчина зрелого мужчину, — говорит Рэнт. — Эта ситуация болезненна и потенциально опасна.

Из Уайленда весь воздух выходит одним толчком. Одним выдохом. Скрещенные руки тонут во впалой груди. Губы раскрываются и обвисают так, что видны нижние зубы цвета кости, побуревшей от курева.

— Может, мне кому-то показаться? — продолжает Рэнт, озабоченно сдвигая брови.

Геометрическое уравнение исчезло, испарилось. Остались только следы мела, нацарапанные на доске как курица лапой, и мерзкое, грязное чудо подростковой эрекции. Мистер Уайленд лихорадочно вычисляет правильный ответ. Его выставили на посмешище.

Шот Даньян (автосалочник): Уайленд крепко влип. Если он отругает Рэнта, посмеется над ним и велит хулигану сесть и заняться уравнениями,

на школу подадут в суд. Если у парня проблема со здоровьем и его штучка посинеет и отвалится, школьному округу придется выплачивать компенсацию в десять миллионов долларов из бюджета. Да, Рэнт уже срывал уроки. Да, Рэнт мог бы обратиться к нему вежливее — но в зале суда, когда Уайленду придется объяснять присяжным, почему он высмеял и унизил ученика, который, возможно, умирал от гангрены, это не будет иметь значения.

Кэмми Эллиот: Глаза мистера У. бегают, уши дергаются, кадык прыгает — это он так думает. Бледное лицо сначала розовеет, потом багровеет. Почти как язык. Время застыло.

— Мистер Уайленд! — раздается мальчишеский голос. Дэнни Перри задрал руку и машет: — Эй, мистер У.! Мне тоже надо в медпункт! У меня то же самое!

Бренда Джордан (детская подруга Рэнта): Насколько я помню, у Рэнта было всего две рубашки. И одни джинсы. Во всяком случае, это все, что мы видели. Одна и та же зеленая клетчатая рубашка с длинными рукавами, чтобы прятать искусанные руки. А вторая — из синего шамбре, тоже с длинными рукавами и с «жемчужными» запонками вместо пуговиц. Если Кейси нервничал, все это слышали, потому что он постоянно открывал и закрывал запонки. Вечно пощелкивал ими на задней парте.

Кэмми Эллиот: С распухшим членом, торчащим так, что было видно пульс, Рэнт отправился в медпункт. Его запонки щелкали громко и часто, как попкорн.

Сайлас Хендерсен (детский друг Рэнта): Самая старая девчачья уловка, чтобы отпроситься с любого урока, — сказать, что у тебя «живот болит». «Живот болит» — значит можешь проглотить пару таблеток аспирина и пропустить аттестацию по тригонометрии. А у парней ничего такого нет.

Лоуэлл Ричардс (учитель): Возникла четкая зависимость между солнечной погодой и количеством мальчиков, страдающих от болезненных эрекций. Проблему представляли не сами пенисы, а неспособность скрыть их напряженное состояние. Более того, по мнению окружного юрисконсульта, навязать ученикам форму одежды со скромным и плотным нижним бельем было бы невозможно и возымело бы негативные последствия — привлекло бы к вопросу еще больше внимания.

Мы старались справиться с проблемой фаллосов незаметно, косвенным путем. Юрисконсульт посоветовал нам не осуждать эрекцию на территории школы. Очевидные эрекции нельзя было признавать, но и нельзя с ними бороться.

Кэмми Эллиот: Одежда была самой большой тайной Рэнта. У него дома был целый шкаф рубашек, брюк, джинсов и жилеток. Вешалки были сдвинуты так плотно, что палка, на которой они висели, прогибалась от тяжести. Но, увы, Айрин Кейси не могла не заниматься творчеством. Не могла не самовыражаться. Она вечно искала новые способы украсить одежду: вышивала подсолнечники и листья плюща, улыбающиеся полумесяцы и звезды. Наклеивала переводки утюгом, пробовала краску с блестками. Хромированные заклепки. Батик. «Варенку». Полночи миссис Кейси горбилась и портила себе зрение над шитьем при плохом свете, чтобы сделать из обычных вещей что-то особенное.

Дело не в том, что Рэнт-старшеклассник считал радужные блестки и вышивки ниже себя. Просто он не хотел слышать, что другие скажут о труде его матери. Что, мол, она плохо вышивает. Что у нее нет таланта. Говорят: он носит сердце на рукаве. А мать Рэнта пришила ему на рукав свое собственное.

Лоуган Эллиот (детский друг Рэнта): Кейси нас всех вогнал в раж. Мы кричали: свободу стоякам, нас, мол, притесняют, и жгли бандажи на школьной стоянке.

Лейф Джордан (3 детский друг Рэнта): Рэнт выражал наши требования за нас. Например, открыть терапевтическую столовую, которая должна работать постоянно, потому что, как все знают, есть, пока у тебя эрекция, нельзя. Мы добивались признания наших биологических... следующее слово мы никак не могли подобрать. «Помех»? Или «физических недостатков»? «Увечий»? Об «увечьях» мы спорили дольше всего.

Наконец мы выбрали слово «груз» и потребовали «полного и равноправного признания груза, являющегося неотъемлемой частью мужской анатомии». Слово показалось нам красивым и благородным.

Боуди Карлайл: За все скучные годы обучения алгебре мистер У. впервые столкнулся с такой потенциально опасной для жизни проблемой, как эрекции, и не был к этому готов. Ученик так и так позорится — что идиотом назовут, что встанет у него перед всем классом. Рэнт задал Уайленду трудную задачу, и ему пришлось попотеть над ней перед всеми учениками.

Лейф Джордан: Мы хотели убедить какого-нибудь врача назвать это «синдромом хронического стояка».

Мэри Кейн Харви (учительница): Рэнт Кейси сам сказал мне: «Это моя прививка от того, чтобы на геометрии меня неставляли дураком и не унижали».

Кэмми Эллиот: Ребята вежливенько поднимали руку и говорили:

— Прошу прощения, мисс Харви... Я бы очень хотел разобрать это чудесное предложение по частям речи, но у меня в штанах чугунная чушка, которая уже покраснела как свекла и болит...

Вот вам крест! Говорили:

— Может, если бы я подышал свежим воздухом... Так полкласса оказывалось на улице.

Лоуэлл Ричардс: Преподаватели не требовали от учеников мужского пола активного участия в уроке, опасаясь, что те продемонстрируют неуместное возбуждение, чем нарушат дисциплину в классе и подорвут авторитет преподавателя.

Шериф Бэкон Карлайл (детский враг Рэнта): Если бы речь шла о нормальных эрекциях, это была бы совсем другая песня. Но их стояки были фальшивые, химические. Специально, чтобы срывать уроки.

Лоуэлл Ричардс: Хотя ходили слухи, что некоторые ученики пили препараты, предназначенные для лечения эректильной дисфункции, юрисконсульт сообщил, что мы не имеем права заставить их сдавать анализы мочи. Он предупредил, что хотя некоторые случаи могут быть вызваны незаконно купленными лекарствами, остальное генитальное возбуждение имеет естественные причины и таким образом подпадает под защиту Закона об инвалидности. По совету юрисконсультанта администрация школы организовала для учеников мужского пола обучающую презентацию.

Доктор Дэвид Шмидт (миддлтонский врач): Я показал им цветные слайды пенисов, подвергшихся длительному приапизму и в результате пострадавших от гангрены. В дидактических целях я отобрал наиболее яркие примеры: члены, на которых крайняя плоть, головка и распухшие пещеристые тела приобрели иссиня-черный или ядовитый темно-зеленый оттенок, типичный для запущенного некроза тканей, лишенных доступа кислорода.

Сайлас Хендерсен: Некоторые ребята перевязывали себе член шнурком от ботинка. Другие совали в трусы огурец. Перевязывать полный крови орган больно, но за огурцом нужен был глаз да глаз. Ужасно: некоторые бочком пробирались в туалет, чтобы поправить свой «член», и тут у них из штанины выскальзывал огурец или цуккини.

Ребята прозвали свои эрекции «стояк», «мокрыак» и «висяк». «Висяк» — это когда у тебя вместо члена висит огурец. А «мокрыак» — когда берешь на палец масла или шампуня, чего-нибудь такого жирного, чтобы не высыхало, и рисуешь спереди темное пятно. Типа тень такая.

Лоуэлл Ричардс: Наша стратегия не принесла заметного успеха.

Кэмми Эллиот: Рэнт Кейси носил в школу всего две рубашки, потому что не мог допустить, чтобы над его мамой смеялись. Даже он понимал, что вышитые на его штанинах радуга и плющ выглядят печально. Поэтому он нашел в секонд-хенде две рубашки и пару обычных джинсов и держал их в сарае, где переодевался по пути в школу или из школы.

Со всех сторон засада. Если бы Рэнт одевался в одежду, которую разукрасила его мать, издевательства над ней в конце концов разбили бы ему сердце. А если бы он сказал ей, что не надо украшать его одежду, он разбил бы сердце ей.

Дэнни Перри: Через неделю после начала весеннего семестра Рэнт пошел на переговоры с правлением школы. Они сидели и говорили в учительской, за закрытыми дверями, а мы все ждали в коридоре.

Боуди Карлайл: Нас не пускали в учительскую, и мы не знали, что там есть вторая дверь. Когда мы уже отсидели себе все задницы, правление вышло в коридор. А Рэнта Кейси не было.

Дэнни Перри: Рэнт взял и смылся через эту тайную дверь на улицу, мимо нас. Взял чек на десять тысяч долларов и справку о досрочном окончании школы.

Лоуган Эллиот: Чистая правда! Мы тут машем хренами, а Рэнт нас бросает. Смывается с чеком от администрации. Так его и прозвали Хреновым Бенедиктом Арнольдом.

Сайлас Хендерсен: Без Рэнта наша хреновая революция как-то выдохлась. Опала. Остались глупые детишки с кабачками в трусах и перевязанными пиписками.

Зря мы доверились Рэнту Кейси.

И зря перевязывали пиписки. Ужасно больно вырезать резиновую ленту, которая перекрутилась и спуталась с волосами.

Лоуэлл Ричардс: По договору Рэнту дали новенький аттестат с хорошим средним баллом и зачетом по всем видам спорта. Это Рэнту Кейси! Который ни разу не стукнул по мячу и не пробежал и метра.

Но явись он хоть раз на встречу выпускников, все мужчины Миддлтона выстроились бы в очередь, чтобы его пристукнуть.

Боуди Карлайл: Получить с аттестатом зрелости чек. И то, и другое — просто бумажки, которые ценны только согласно договору. Договор — большой шаг от лжи к реальности.

Рэнт понял, что можно создавать свою реальность. Как деньги Зубной феи. Если во вранье поверит много народу, это уже не вранье.

Мэри Кейн Харви: Прошло уже много лет, а у меня в кабинете на

парте кто-то написал: «Рэнт Кейси отсюда смылся».

Лейф Джордан: Конечно, некоторые до сих пор не простили Рэнту предательства. А остальные просто пожали плечами, вытрясли морковки из штанов и стали жить дальше.

Айрин Кейси (мать Рэнта): Мы не могли позволить себе дорогую одежду, но я украшала ее вышивкой или заклепками. Мальчишки обожают блестящие хромированные заклепки. Иногда я пришивала специальную отделку или вязаную тесьму. Я знаю, Бадди был просто в восторге. Носил эти вещи в школу, и очень аккуратно.

В тот вечер, когда Бадди уехал из дома, он все забрал с собой в город. Он так гордился своими нарядами!

14 — Отъезд

Боуди Карлайл (детский друг Рэнта): Выносить все шмотки Рэнта нам пришлось вдвоем. За ночь до отъезда он только сделал вид, будто упаковал все в чемоданы. А на самом деле притащил мешки для мусора и набил их своими рубашками и штанами. Полжизни, отданные матерью на вышивание джинсов. Молодость, потраченная на заклепки и отделку. Рэнт клал каждую рубашку себе на грудь, прижимал подбородком, разглаживал морщинки и складывал рукава. Застегивал на все пуговицы. А сложенные брюки и рубашки отправлял в черные полиэтиленовые мешки.

Мы отошли за ветрозащиту из лоховины, за три горизонта от фермы Кейси. Уже почти наступило утро. На пустыре Рэнт вытащил из мешка первую рубашку. Держась одной рукой за воротник, другой потряс зажигалку. Потом поджег подол и долго стоял, глядя на разгорающуюся «варенку». Шедевр его матери. Рубашка казалась все ярче, пока Рэнт не выпустил ее, не уронил пылающую ткань себе под ноги. Огонь высветил крошечные желтые точки, похожие на следы от змеиных укусов: глаза собак, койотов и скунсов. Моргают, ждут поживы. Все они в свое время кусали Рэнта.

Эхо Лоуренс (автосалочница): Когда видишь Рэнта в первый раз, сначала замечаешь зубы. Вместо нормальной резинки они с друзьями сковыривали с дорог гудрон. Летом гудрон сочился из трещин в асфальте, вот его они и жевали. Зубы, которые они продавали Зубной фее, были черные как деготь.

Боуди Карлайл: По ночам Рэнт выносил радиоприемник в пустыню. Шел и крутил ручку, ловил дорожные известия со всего мира. Автокатастрофы и всякое такое. Подносил радио к уху, улыбался и слушал, закрыв глаза. Говорил: «Где-то всегда час «пик»!»

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Если вы едете на север по шоссе четыреста семнадцать, не пропустите совершенно новенький «Додж-Монако» у дорожной отметки номер семьдесят девять. Это, пожалуй, самое тяжелое купе в массовом производстве: кузов стального цвета, снаряженная масса четыре тысячи фунтов, V-образный восьмицилиндровый двигатель с мощностью сто семьдесят пять лошадиных сил. Красивые утопленные фары. Дорожная полиция сообщает с места происшествия, что «Монако», очевидно, попал на скользкое место,

и его вынесло боком на правую полосу. За рулем сидела женщина тридцати одного года. Ее резанные раны — характерные повреждения от осколков защитного стекла.

Эхо Лоуренс: Во время наших вылазок Рэнт часто рассказывал, как уезжал из Миддлтона. Как в последний вечер жевал гудрон. Рэнт сидел с отцом на обочине шоссе, за три почтовых ящика от колючей изгороди на краю их фермы. На пушистом горизонте пшеницы солнце сдувалось, как проколота шина. Гравий пах пылью. Честер Кейси сидел на корточках в своих ковбойских сапогах. Рэнт примостился на картонном чемодане, тяжелом от золотых и серебряных монет.

Боуди Карлайл: Старый чемодан Рэнта чуть не разрывался от денег Зубной феи.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: В «Монако» врезался «Континентал-Марк IV», и это действительно очень печально: кузов шикарный золотисто-желтый, салон обит кремовой кожей; это первая американская модель с отдельными передними сиденьями. Ребята из «скорой» говорят, что у водительницы «Монако» травмы преимущественно на левой стороне тела: разрывы печени, селезенки и левой почки. Смерть скорее всего наступила из-за рассечения аорты.

Эхо Лоуренс: Рэнт жует гудрон в последний вечер детства. Чемодан собран и стоит на обочине. Отец и сын под знаком автобусной остановки, изрешеченной пулями, как швейцарский сыр. Ветер чуть покачивает металлический лист и свистит сквозь ржавые дыры. Рэнт говорит:

— Я должен тебе сказать один секрет.

А Честер Кейси говорит:

— Нет.

Говорит:

— Не должен. Нет у тебя от меня секретов.

Чет Кейси встает, упираясь в бедра руками. Выгибает спину, крутится, так что в пояснице трещит. Потом пинает острым носком ковбойского сапога картонный чемодан с узором «под кожу». Постукивая по бурому картону, отец Рэнта говорит:

— Ты мне этого не говорил, но я знаю: здесь у тебя только деньги.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Информированные источники утверждают, что у водителя «Марка IV» контузии миокарда и разрыв перикарда, но удостовериться в этом можно будет только после вскрытия.

Я — Тина Самсинг с отчетом для зевак на «Авторадио». С вами каждые десять минут или по мере того, как случаются аварии.

Эхо Лоуренс: Будущее наступит уже завтра. Рэнту нужно что-то сказать, пока не подъехал автобус. Прямо сейчас. То, чего отец не хочет слышать. То, с чего начинается его новое будущее. Или совсем новое прошлое. Или и то, и другое.

Рэнт гоняет мух, загораживается от ветра с песком и говорит:

— Просто чтоб ты знал.

Прибывает у себя на шее муху и заявляет:

— Я никогда не женюсь.

На краю мира мигает звезда. Делается яркой, слепит глаза, быстро растет и пролетает мимо быстрее, чем тебя касается звук и ветер с песком, — это всего лишь машина, которая приехала и уехала. На дальнем краю мира потухают фары.

Отец Рэнта — тот говорит:

— Неправда.

Садится на корточки и говорит:

— Ты меня просто напугать хочешь. Как только ты встретишь девушку по имени Эхо Лоуренс, ты передумаешь.

Ветер гнет все травинки и купки неравноцветника в одну сторону, трясет каждый куст шалфея. Ветер приносит дым от вышитого шелка и тлеющей джинсы. От хромированных заклепок.

Вот смотрите: Честер Кейси никак не мог узнать мое имя. Мы никогда не встречались. На тот момент я даже не слышала ни о Миддлтоне, ни о Рэнте.

Лоуган Эллиот (детский друг Рэнта): Самое худшее в гостях у Кейси было, что его мама подслушивала за дверью туалета. Честно! Первый раз, как я закончил свои дела, открываю дверь, а она стоит прямо в проходе и говорит:

— Я была бы очень признательна, если бы при дальнейших посещениях нашего дома вы уринировали в позе сидя...

По фигу, что я не знал слова «уринировать».

Эхо Лоуренс: В ту ночь на автобусной остановке Рэнт с отцом шутили и смотрели, как на горизонте мигает новая звезда. Растет, проносится мимо с порывом ветра и дизельным дымом, взрывается белыми фарами, желтыми поворотниками, красными габаритками. Легковушка, спальный фургон, двойной трейлер. И исчезает.

Рэнт спрашивает:

— Я встречу какую-то девушку? Откуда ты знаешь?

А отец ему:

— Оттуда же, откуда знаю, что к тебе подъезжал старик поговорить.

До того, как ты побежал рассказать всем про бабушку Эстер. Тот старик в «Крайслере» сказал тебе, что он твой настоящий отец.

Рэнт сплевывает черный поток слюны в гравий и говорит:

— Какая модель «Крайслера»?

А Честер Кейси ему:

— Оттуда же, откуда знаю, что когда бабушка Эстер его увидела, то закричала: «Дьявол!» — и велела тебе бежать.

На востоке за знаком остановки появляются настоящие звезды. Прямо над головой звезд еще больше. Они сначала мигают, потом разгораются ярче.

Расчесывая укусы насекомых и потирая мурашки на коже, Рэнт говорит:

— Ну, пусть так... А что еще сказал мне старикан?

Кэмми Эллиот (детский друг Рэнта): В гостях у Кейси, если ты берешь их арахисовое масло, миссис Кейси требовала, чтобы ты разглаживал то, что остается в масленке. Чтобы масло всегда выглядело как свежее купленное.

Эхо Лоуренс: Честер Кейси говорит сыну:

— Тот старик, что назвался твоим настоящим отцом, велел найти его в городе, как только сможешь.

Честер постукивает острым носком ковбойского сапога по картонному чемодану.

— И это он подсказал тебе, где найти деньги.

Рэнт сплевывает черный гудрон так близко от себя, что часть попадает на чемодан. Слюна с вирусом бешенства. Черные брызги на новеньком картоне. Рэнт молча качает головой: нет, мол.

Честер Кейси говорит:

— А старик сказал правду, что он твой настоящий отец.

Шериф Бэкон Карлайл (детский враг Рэнта): Только на жалость не бейте! Ничего удивительного — каждый у нас извращается по-своему. Рэнт придумал это все, чтобы быть как все. Просто они с мистером Кейси перегнули палку. Начали мериться пиписками.

Эхо Лоуренс: На краю света загорается еще одна звезда. Рэнт говорит:

— Ты врешь, чтобы я не скучал по дому...

Ерзает на своем картонном чемодане с золотом.

В городе, говорит ему Честер, Рэнт найдет своего настоящего отца и деда.

— Первым делом, — говорит Чет, — сразу, как встретишься с Эхо

Лоуренс, хорошенько поцелуй ее от меня.

Проверь на вкус и скажи ей, если у нее повышенный холестерин.

Бренда Джордан (детская подруга Рэнта): Никому не говорите, что я сказала, но Рэнт показал мне двадцатидолларовую золотую монету, которую мама дала ему на прощание. Тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года. Миссис Кейси сказала, что Чет Кейси не настоящий его отец, но так и не призналась, откуда у нее эта монета «на счастье».

Эхо Лоуренс: А его отец, вроде как на ночь, или на прощание, берет и наклоняется к Рэнту. Подносит свое лицо ко лбу, где ветер раздувает пряди, тыкается в это голое место. Прижимается губами и отклоняется.

Потом говорит:

— Скажи Шоту Даньяну, пусть не дает своему моп-сику Сэнди лакать воду из унитаза.

Опять невозможный совет! Шот не был знаком с Четом Кейси. А как зовут его собачонку, не знала даже я.

Следующая звезда растет. Фары автобуса — яркое пятно, которое делится на две звезды. Фары приближаются к Рэнту с отцом и отдаляются друг от друга.

— Как только разберешься, кто ты есть на самом деле, — говорит Честер Сыну, — живо дуй обратно в Миддлтон.

Айрин Кейси (мать Рэнта): Едва кто-то из миддлтонцев откроет рот, нужно спросить: «Зачем вы мне это говорите?»

Шот Даньян (автосалочник): Что, прикольно? А как вам последние слова, которые старик Рэнта крикнул ему, когда Рэнт уже махал из окна автобуса? Чет крикнул:

— Разберешься — и дуй домой! Может, успеешь спасти мать от этого психа ненормального...

Эхо Лоуренс: Зацепившись большими пальцами за передние шлевки джинсов, Честер Кейси добавляет:

— Только не морочь себе голову. Ты ничего не поймешь, пока не станет почти слишком поздно.

И кричит:

— Мне очень жаль, что я больше никогда тебя не увижу!

15 — Подкрученные «пики»

Шот Даньян (автосалочник): Скажете, не дерьмо? Главный хит всех времен и народов у нас в прокате — «Прогулка крошки Бекки в теплый весенний денек». Именно такое успокоительное дерьмо всякие тупые дерьмососы просят целыми днями. Я пошел сюда работать, потому что с детства фанатею по транскриптам. Но это меня просто вырубают. Вообще полный отстой.

По восемь часов в день я выдаю записи «Как крошка Бекки собирала ракушки на пляже». Всем нужна одна и та же попсовая хрень. Говорят, берут своей дочке, — так я и поверил. Эти жирные тупари-перестарки просто хотят как-то убить время. Без мрачности, нервов и сложностей. Без всяких претензий на художественность. Главное — с хеппи-эндом.

С любовной историей, натужно выдавленной из чьих-то сопливых мозгов.

Главное переживание того, что называют «подкрученным «пиком»», — всего лишь запись чьих-то нейро-волн, копия всех сенсорных стимулов, собранных свидетелем, который вырезал из тыквы фонарь на Хэллоуин или участвовал в велогонках. Официально его так и называют — главный свидетель. Самый знаменитый свидетель — это крошка Бекки, хотя это не значит, что она лучшая. Просто ее мозги такие вялые, что большинству нравится. Всякие вещества в ее башке создают милое, приятное ощущение от игры в софтбол. От поездки на телеге в охапках сена. От дня святого Валентина. От дебильного рождественского утра.

Крошка Бекки — кинозвезда нашего времени. Наше средство получить чужое переживание. Она всего лишь девчонка с милым характером и идеальным уровнем серотонина, I-допамина и эндорфинов.

Лично я с этой новой технологией не просто сдружился — успел перегореть.

И уж будьте уверены, побаловался не с одним транскриптом. Берешь копию «Вечеринки Хэллоуин с крошкой Бекки» и прогоняешь через себя, только под кислотой. Подключаешь все пять дорожек: осязательную, слуховую, обонятельную, визуальную и вкусовую. Глотаешь таблетку. И начинаешь записывать собственный транскрипт — как ты гуляешь на тыквенной вечеринке под кислотой.

А потом перепрогоняешь этот транскрипт через чей-нибудь синдром Дауна или алкогольную фетопатию.

Потом — через собаку, овчарку, например. На выходе — отличный продукт. Не дерьмо. «Пик», который стоит своих денег и своего времени. И все равно — поставишь его на полку, а в ответ одни жалобы.

Надо, блин, помнить, что вся индустрия работает на дерьмососов.

Когда вышла «Счастливая Пасха крошки Бекки», придурки выстроились в очередь на целый квартал. Мы продали под полторы тысячи копий.

Мои любимые «пики» на полке «Выбор сотрудников» пылятся. Никто не хочет переживать десять часов «Расстрела в военное время» или «Последних минут жизни: самые страшные авиакатастрофы». А я просто тащусь. Мое любимое — одна катастрофа, где свидетель только начал сгружать «пик». Едва подключился, и ты слышишь запах самолетного топлива за секунду перед взрывом. Во рту стоит привкус бурбона. Ты пристегнут так сильно, что ремень врезается в бедра. Подлокотники трясутся под локтями, кости затвердевают, все суставы в напряженных мышцах трутся друг о друга. А в конце, когда наступает смерть, раздается гудок — передача закончилась. Это последний нейропоток парня, записанный на мобильник жены.

Если переключить порт на затылке на передачу своих собственных нервных импульсов, значит, ты «сгружаешь» «пик» или переживание.

«Скриптохудожник» — так называют людей, которые обрабатывают нейротранскрипты: записывают дорожки, усиливают их или приглушают.

Но учтите: «художества» плохо продаются. Ни одна студия не возьмет радикальный «пик» для массовой продажи. У них свой маркетинг: запишут «Путешествие по Антарктике» через парня вроде Роберта Мейсона с абсолютно пресным зрением и слухом. Студии тоже обрабатывают записи: прогоняют через кастрированного кота, католического священника или домохозяйку, которой прописали чрезмерную дозу эстрогена. На рынок попадает приторное, слащавое дерьмо. Выравнивают все так, что получается «Макдоналдс».

А еще придумали автоматический разрыв сеанса. Если во время подключения ваш пульс или давление превышает норму, оговоренную в федеральном законе, сеанс разрывается. Это куча юристов пытается прикрыть производителей.

Подслащенное, разведенное, отредактированное дерьмо — идеальный подарок.

За последний год у нас чаще всего покупали скучнейшее переживание «Паровозная экскурсия по сельской местности». Не вру! В коробке семьдесят два часа записи, где ты просто сидишь в долбаном поезде и

смотришь, как за окном проплывает пейзаж. Слышишь запах обивки и чистящего средства. Скриптохудожники даже не потрудились убрать эту вонь. Свидетель — Роберт Мейсон в шерстяных брюках, которые всю дорогу дико кусаются. Надушен «Олд спайсом». Самый напряженный момент записи — ты идешь в вагон-ресторан и завтракаешь какой-то жирной яичницей с ветчиной.

Если бы я записывал этот транскрипт, то сходил бы с поезда на каждой остановке. Гулял бы по всяким городкам: Рино, Цинциннати, Мизула... Потом прогнал бы запись через собаку — классический прием для усиления обонятельной дорожки. Чтобы запахи буквально в нос бросались. Для вкусовой дорожки я бы взял переживания из лучших записей гурманов и еще прогнал бы через голодающего, чтобы усилить вкус. Это называется «заострить».

Половина народу, кто работает в производстве транскриптов, — всякие ненормальные, которые заостряют готовые «пики». Например, звуковые дорожки записывают со слепых. Это ужасно противозаконно, но если любую осязательную дорожку прогнать через годовалого младенца, вот тогда бархат будет настоящим бархатом, а гранит — гранитом. Никаких тебе левых догадок, никаких мозолей, которые искажают восприятие кожи или волос. Ни один ребенок на это бы не согласился, но практика общепринятая. В нашем деле полно дебилов, которые готовы отдать тебе собственного сына для подкрутки порно-«пиков». Мерзко до ужаса, но всегда можно отличить порно-«пики», которые прогнали через нежную, чувствительную кожу младенца. Ничего удивительного, что реальность не сравнится с обработанными «пиками».

Малыши усиливают осязание. Слепые — подкручивают звук. Голодные — вкус. Собаки — запахи. Некоторые художники божатся, что прогоняют зрительную дорожку через птиц. Соколов. Ну, хищных всяких. Знакомые из института брали на это дело глухих: мол, так у зрительной дорожки самое лучшее разрешение. Короче, берешь все эти подкрученные дорожки, микшируешь — а на выходе поездка, которая действительно того стоит. Я все это к тому, что, если хочешь продавать дерьмовое переживание, делай его хотя бы качественно.

Это же не просто семьдесят два часа, а минус семьдесят два часа жизни. Если «пик» займет место реальных дел, которые человек мог бы сделать, запиши его прилично. Классно запиши! Если какой-то засранец готов потратить свое личное время, подсласти его поездку еще одной свидетельницей — кроликом из «Плейбоя» на героине. Ну, хоть на морфии. Смотри себе, как эти долбанные горы плывут за окном, а сам сиди под

кайфом и поглаживай свои роскошные буфера. Лучший подарок своему старику на День Отца, вот что.

Когда все факультеты кино поменяли программу, а кинопроизводство переключилось на нейротранскрипты, я наострился усиливать свои «пики» через нарикков. Походи там, где записывают транскрипты, и обязательно найдешь ребят на игле, которые подсластят студенческую работу за лишний центик. Или амфетаминщиков, чтобы ускорить скучный «пик». Хочешь мягкую рисовку — бери кодеинщика, прогони запись через него, и острые углы чуть сгладятся. Приглушатся.

У студентов часто берут анализы мочи на наркоту. Поэтому надо использовать человека со стороны. Если ты заплатил сто тысяч за степень магистра искусств по нейротранскрипции, как-то не хочется, чтобы у тебя в моче нашли наркотики и выперли с учебы.

До того, как заняться записями по-настоящему, нужно научиться искать «пики», которые будут хорошо продаваться. Потом — правильно выбирать главного свидетеля. И структурировать переживание. Что бы это ни было — обед из шестнадцати блюд или полет на воздушном шаре над Голландией, — нужно расставлять точки кульминации с регулярными интервалами. Плюс надо быть очень внимательным. Если это «пик» о том, как человек переплывает Ла-Манш, зрителя ни в коем случае не должны отвлекать судороги или головная боль. Никто, блин, не будет покупать головную боль длиною в запись. А убрать боль из дорожки почти невозможно, даже если прогнать «пик» через облившегося оксиконтином. Можете мне поверить.

Для профессиональных скриптохудожников самое верное дело — рынок потребительских товаров. Ну, знаете: «пики», где пьешь «кока-колу» и носишь «Найк», причем пялишься прямо на логотипы и марки. Или ешь такую вкуснятину, прямо слюной истекаешь. Все понятно: вкусовую дорожку перезаписали через какого-то голодающего дикаря из богом забытой саванны.

Что, не дико? За рис и сгущенку на полсотни баксов кто-то прогнал вкусовую дорожку через столько живых скелетов, что ты готов отключиться и побежать за газировкой. За пончиком. Гамбургером. Одеколоном «Олд спайс».

В институте учат, как эффективно распределять время, чтобы не затопить клиента переживаниями, по каким критериям определяются производственные коды и системы рейтингов, чем отличается «пик» «для любого возраста» от «не рекомендуется смотреть детям до 13». Есть классификации, основанные на физических реакциях, электролитном

балансе и уровне гормонов, пульсе и потоотделении тестовой аудитории. Например, хороший способ «притупить» «пик» — понизить с рейтинга «доступ ограничен» на «дети допускаются только с родителями», — это прогнать его через укуренного. Самый простой выход.

В качестве дипломной работы мы должны были записать полнометражный «пик». У меня была идея — пальчики оближешь. Надо было сделать три — шесть часов сенсорного контента, которые стали бы покупать. Короче, я придумал улетную вещь: устроил вечеринку и пригласил... Одного азиата. Одного еврея. Одного негра. Одного гомика. Одну классную лесбиянку. Одну спортивную болельщицу. Одного индейца. Одного вахлака. Латиноамериканца. Ирландца. Эскимоса. Ну, вы поняли — всякой твари по одному. Пока я их принимал, я записывал «пик» с каждым минут по десять, а они этого не знали. А самая соль была в том, что потом я заново пригласил каждого и попросил перепрогнать вечеринку. То есть каждый гость встречался с самим собой и видел, слышал, обонял и ощущал самого себя те же самые десять минут.

Потом я все это собрал вместе, чтобы все четыре часа люди встречались сами с собой: индус — с индусом, квакер — с квакером. Вот такая песня.

Один мой однокашник записал рождение своего первенца, а потом прогнал через самого себя, как он стоит на солнце и держит ребенка на руках. Четыре часа сантиментов под перкоданом. Если свидетель накачан обезболивающим, это заметно по легким ореолам вокруг предметов.

А комиссия сказала, что дипломная работа этого «перкоданца» имеет большую коммерческую ценность. Дали ему триста шестьдесят баллов из четырехсот.

Мой диплом им понравился меньше.

Да что там, я с треском провалился. Адреналин дико усиливает контрасты. Когда гость видел, как его воспринимают незнакомые, его так корежило, что пережить весь «пик» было невозможно. Полный пипец. Подключенные начинали так сильно потеть, что их постоянно выкидывало из «пика». Некоторые препода после второго часа вообще не могли включиться.

А я-то думал, что люди были бы рады встретить таких же, как они сами. Ну, типа, почему большинство французов живет во Франции. Почему все южные баптисты ходят в одну церковь. Понимаете, рыбак рыбака...

Самое мерзкое то, что комиссия не дала мне диплома.

Говнюки они все.

Так что теперь каждый раз, когда я шлю в универ чек, внизу, в строку

«За...», я всегда вписываю: «Спасибо за лучший в мире анальный секс!»

Потому я здесь и работаю — чтобы выплатить свой долбаный долг. Выдаю напрокат «Охоту за пасхальными яйцами крошки Бетти» тем, кто хочет перекантоваться с самим собой еще одну ночь. Кто до смерти себя изводит собственной скукой.

Что, прикольно? А я вот в глубине души уверен, что этот диплом не разрушил мою жизнь. Фиг вам. Хотя у меня сто тысяч долга, я не расстраиваюсь. Я все равно что-то узнал — если не о профессии, то о людях.

Что бы нам ни подвалило — талант или технология, — мы всегда найдем способ все обосрать.

Недавно тот «перкоданец», который закончил универ с отличием, заходит к нам взять напрокат какой-то «пик». Ребенка с собой притащил. Говорит мне, типа мимоходом, что заключил контракт с Робертом Мейсоном на рафтинг по бурной воде. Крутой игрок, блин. Прыщ на ровном месте.

Его сыну еще и года нет, а в затылке торчит маленький черный порт.

16 — Команда

Эхо Лоуренс (автосалочница): Каждую Ночь Медового Месяца я надевала одну и ту же счастливую фату. Платья разные — длинное или короткое. В конце августа, если в машине нет кондиционера, совсем не хочется задыхаться в многослойном тюле под плотным шелком. За всеми юбками рычаг переключения передач не найдешь. А зимой, если съедешь по гололеду в сугроб, тот же самый тюль спасет тебя от верной смерти.

Шот Даньян (автосалочник): В ту ночь в команде были Эхо за рулем и Грин Тейлор Симмс рядом с ней, я справа сзади и девица по имени Тина Самсинг слева сзади. Она вечно пинала Эхо в сиденье и говорила ей, куда повернуть за тачкой с «флагом».

Если пассажир командует водителем, это плохо. Но если командуешь, сидя за водителем, — это уж слишком. Ни в какие, блин, ворота. Эхо тормозит, Грин говорит:

— Хватит!

Тина Самсинг в ответ:

— Прекрасно! — Рывком открывает дверь, собирает юбки своего розового платья. И бросает: — Даже Крошкой Бекки быть лучше, чем вашей рабыней!

Мы с Грином смотримся в смокингах шикарно: с черными бабочками, с фальшивыми гвоздиками, приклеенными к лацканам. На тачке с обеих сторон написано жирным слоем белой зубной пасты: «Молодожены». К заднему бамперу привязаны коровьи колокольчики и консервные банки — явное нарушение шумоограничительных норм, но на молодоженов смотрят сквозь пальцы даже Дневные.

Мы подъезжаем к бордюру — колокольчики гремят, на антеннах развеваются белые ленты. Какой-то парень стоит на тротуаре, руки в брюки. Тина Самсинг швыряет букет в лицо:

— Эй, чувак! Лови!

Шелковые цветы ударяют его по лицу, но он ловит букет. Хорошая реакция. У парня хорошая реакция, а нам не хватает одного наблюдателя. Что, прикольно?

Я кричу ему:

— Эй, ты! Бабки на бензин есть?

Так получилось, что этот парень — Рэнт Кейси.

Эхо Лоуренс: Вот смотрите: когда попадаешь в автокоманду, это как

начальная позиция в любом спорте. Если команда уже была готова, ты начнешь с самого худшего места: левый задний наблюдатель, то есть который сидит за водителем. Позиция номер три — это правый задний наблюдатель. Номер два — тот, кто сидит на переднем сиденье рядом с водителем. А водитель — то же самое, что квотербэк, центральный защитник, питчер или вратарь. Позиция номер один. Почетное место.

Тина Самсинг (автосалочница): Моя старая тачка — я называла ее Бомба-Ягодка — оказалась на свалке, так ее расколошматили. Бывает и такое. Приходится снова начинать снизу, садиться за спину тому, чьи колеса пока в целости и сохранности. Вроде Эхо Лоуренс. Не подумайте, что я не люблю Эхо. Просто она всем врет. Спросите, чем она зарабатывает на жизнь. Если скажет — не сексом, значит, врет.

Эхо Лоуренс: Слушайте внимательно. Команды создаются прямо на улице. «Акула», одинокий водитель, которому нужна команда помощников, защитников или просто собеседников, будет ездить и искать «окно», чтобы нанять игроков с обочины. Если у тебя нет машины, встань где-нибудь на углу и выставь большой палец. Перед тобой притормозит машина, и тебя спросят:

— Играешь?

Ты говоришь:

— А какие места?

Они говорят:

— Нужен левый наблюдатель. Бабки на бензин есть?

Некоторые команды попросят показать, можешь ли ты поворачивать голову быстро и плавно, чтобы внутри ничего не хрустнуло. Нет смысла брать наблюдателя с травмой спины или шеи после аварии. Деньги на бензин давать не обязательно, но это показывает, насколько серьезно ты настроен.

Тина Самсинг: Всякие калеки со сросшимися позвонками, неудачники, которые не видят в темноте или вообще полуслепые, — эти стоят на обочине всю ночь. Может, какая-нибудь команда над ними сжалится. В большой машине неудачнику иногда дают место «талисмана» — посреди заднего сиденья. Там можно только болтать и веселить других. «Остров потерянных игрушек», короче.

Если у тебя короткая шея или плохое зрение, копи деньги на бензин и молись, чтобы тебя подобрала хорошая команда с большим задним сиденьем. Учи анекдоты и приемы общения с людьми.

Эхо Лоуренс: «Окно» — это время с начала до конца игры. Например, четыре часа в субботу. Или в понедельник на всю ночь, с восьми до восьми.

Шот Даньян: В ту ночь, когда мы встретили Рэнта, он сбежал из какой-то государственной гостиницы, где должен был ждать временного жилья для Ночных. В городе, где большинство по ночам либо работает, либо подключается к «пикам», вполне понятно, если безработный парень без порта бродит по улицам.

Рэнт садится в салон и дает мне четвертак. Фигня, да? Четвертак на бензин, блин. Только вот монетка золотая, 1887 года. Уж не знаю, что это была за монета, но Эхо живо нажала на газ, и мы вписались в поток машин. Рэнт сел сзади, словно всю свою долбаную жизнь стоял и ждал нас на том углу. А Грин оборачивается и тянет руку:

— Можно взглянуть на монету поближе?

Эхо Лоуренс: Хороший водила смотрит только вперед. Хороший задний наблюдатель — только назад и по сторонам. Следить, куда машина едет, — не его дело. Передний наблюдатель отвечает за свою сторону и за пол-лобового стекла.

Вы не просто ищете, какую машину протаранить. Вы следите, кто собрался ударить вас. Кто кому уже подсел на хвост. Где полиция. Не только во время гонки — всегда, даже на стоянке, и когда ловишь «на живца» или «на блесну». И когда выслеживаешь других. Ловить «на живца» — значит вести какую-нибудь шикарную тачку, новенькую, чистенькую, отполированную, по середине дороги — «поля», «маршрута» или «лабиринта». Если видишь двухдверную ярко-красную тачку прямо из автосалона, которая мурлыча катится по центральной полосе, демонстрируя знак, что она в игре: консервные банки молодоженов, раскраска «Футбольной Мамы», — не вздумай за ней погнаться.

Многие новички-идиоты ловятся: рвут с места в карьер, чтобы вдарить по свежей красной краске.

А опытные команды, которые знают, что такое ловить «на живца», подождут и приглядятся. В квартале от «живца» обычно широким неводом едут машины-шпионы — команды, которые сговорились с «живцом» и готовы выбить обнаруженных новичков. В следующий раз, как услышите, что в «Дорожных картинках» сообщают о засилье плохих водителей, знайте, что это «шпионы» выбивают новичков.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Львы, тигры, медведи, ну и ну! Каким бы ни был символ вашей команды, следите сегодня вечером за потоком футбольных фанатов. Похоже, все гордые мамы возят по городу команду, распустив флаги. Пумы, вперед! У Почтового Круга, к северу, не пропустите столкновение из шести машин. Где победители, не разберешь, но все явно из любительских спортивных команд. Травм нет, но камеры

видеонаблюдения показывают, что на аварийной полосе спорят друг с другом много людей.

Эхо Лоуренс: А когда наткнетесь на кучу столкнувшихся машин, быстро смотрите вперед. Может, заметите «живца», хорошенькую красную машинку, которая скрывается за углом далеко-далеко впереди.

Тина Самсинг: Очень легкий вид преследования называется «флиртом». Просто чуть-чуть толкаешь кого-то в бампер аркой передних колес. Если цель тебя увидела и ты ей понравился, ты отъезжаешь, а она едет за тобой. Обычно люди играют в автосалки, чтобы потусоваться. Это отличное средство общения: ты знакомишься с новыми людьми и часами сидишь с ними и слушаешь всякие истории. Можно сидеть и дома, но даже если подключиться к вечеринке — ты все равно одна. «Пик» заканчивается, а ты все равно провела ночь одна.

Автосалки тоже бывают скучными, если не находится команда с условным знаком, но по крайней мере скучно всем. Как в семье.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): Автосалки — любимое занятие людей слишком бедных или слишком богатых, чтобы стремиться к материальному успеху, что характерно для среднего класса. Мистер Даньян и мисс Лоуренс считали, что им нечего терять.

Шот Даньян: Не проехали мы и двух долбанных кварталов, как машина дергается, шины визжат. В нас врезалась «акула» и нацелилась на левое заднее крыло.

Не выпуская из рук букета, Рэнт резко оборачивается:

— Этот чувак в нас врезался!

Кричит:

— Он нас протаранил!

Эхо смотрит в зеркало заднего вида и говорит:

— А зачем ты ему дал? Следи, блин, за своим гребаным квадратом!..

Грин держит золотой четвертак, чуть касаясь краев пальцами, и говорит:

— Откуда у тебя эта удивительная монета?

Эхо жмет на газ и резко заворачивает вправо; «акула» остается ни с чем.

Тина Самсинг: Все знают, что полнолуние — это Ночь Молодоженов. Медовый месяц для всех и бесплатно. Если пару лет едешь так каждый месяц, у тебя накопится полшкафа свадебных платьев. Куча вешалок. Гофрированные рубашки и смокинги. Мои любимые платья — для подружки невесты. Они такие красивые, розовые, как фруктовое мороженое. Хотя все обычно носят свадебные платья — большая пышная

юбка и педерастическая фата. В половине случаев одна команда таранит зад другой, и из обеих машин на аварийку выскакивают восемь невест и начинают друг на друга орать. У некоторых невест волосатые руки, а под квадратными щетинистыми подбородками прыгают кадыки. Все команды в платьях и фатах: черные, белые, мужчины, женщины — все невесты похожи.

Эхо Лоуренс: В полнолуние начинать лучше всего. «Флаг» заметить очень легко. Пишешь на дверцах машины, кузове и капоте «Молодожены» кремом для бритья. Привязываешь белые ленты к радиоантеннам и надеваешь лучшую воскресную одежду. Начинаящей команде на вход в игру надо максимум десять баксов.

Молодоженам-ветеранам, чтобы вспомнить все свои машины, приходится загигать пальцы: «Тойота», «Бьюик», «Мазда», «Додж», «Понтиак». Красный, синий, серебристый, черный... В данный конкретный момент у ветерана может быть пятая машина, и ее вот-вот разобьют.

Шот Даньян: Каждой Ночью Медового Месяца разукрашенные тачки стоят в каждом квартале. Невесты мнутя на углу, ищут бесхозных женихов. Женихи в цилиндрах ждут на обочинах, хотят снять невесту с собственной тачкой.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Наряжаясь на Ночь Медового Месяца, обязательно прикрепляйте бутоньерку кусочком двустороннего скотча. В случае аварии мало кому понравится, если длинная прямая булавка вонзится ему около сердца.

Эхо Лоуренс: Еще один совет: пропитайте сиденья «скотчгардом». До Тины Самсинг у нас была наблюдатель-новичок. В нас врезается «акула», ударяет в правый задний угол так сильно, что нас закручивает вбок, со всех сторон на нас едут машины, светят фарами и сигналият. И эта девчонка возьми и обмочись! Все следы от удара мы зашпаклевали на раз. А мочу вымывали из заднего сиденья неделями.

Шот Даньян: «Акула», которая опять таранит нас в зад, — какой-то козел в бордовом «Мазерати-Кваттро-порте-Экзекутив-Джи-Ти». Я поворачиваю голову и выглядываю из заднего окна: это не одинокая «акула». Рядом с ним — розовое облачко. Подружка невесты. Тина Самсинг, которую мы выбросили. Рот разинула так, что челюсти похожи на овал. Хохочет, пока бампер «акулы» бьет нас по заднице.

Рэнт, который еще держит букет Тины, крутится в ремне безопасности, пытается рассмотреть, в чем дело:

— Почему он за нами гоняется?..

Эхо Лоуренс: Когда тебя протаранили, невесты и женихи, шаферы и

подружки невесты — все делают вид, будто злятся. Притворно орут, вытаращив глаза. Делают вид, будто дерутся. Это все для тех, кто притормозил, чтобы посмотреть. Эффект зеваки. Автомобили не едут мимо, а ползут. Как же, бесплатное шоу. Если столкновение легкое, полиция никогда не приезжает.

А свадебные поезда просто хотят до конца использовать момент, когда жизнь замедляется. «Импульс», миг удара двух машин.

Они — обычные люди, которые видят, как их жизнь сжимается в доллары. Как их дни и часы сжимаются, будто автомобильные зоны смятия. Время, пока они обслуживают посетителей в кафе, сортируют письма или продают туфли, идет на то, чтобы накопить денег и вскладчину купить машину. И свадебное платье.

В следующее полнолуние они водители, или пассажиры. Они машут всем, кто не попал в игру. Смотрят по сторонам, чтобы не пропустить «акулу», вслушиваются в гром вражеских консервных банок. Наконец их замечает другая команда «молодоженов» и пускается вдогонку. Крутой поворот, черные следы шин на асфальте — одна машина бросается за другой так быстро, что банки отрываются от дороги. Красный свет и — вот тогда-то и взрывается время. Происходит, как говорят автоиспытатели, «импульс».

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Начиная с когнитивного упражнения в виде веры в Санта Клауса, ребенка побуждают понимать реальность так же, как его сверстники. Даже если эта реальность явно выдуманна и смехотворна, веру в нее поддерживают подарками, которые укрепляют и поощряют общекультурную ложь.

Система дорожного движения — самый большой консенсус в современном обществе. Целому потоку незнакомых друг с другом людей удастся вступать во взаимодействие друг с другом и перемещаться по одной дороге практически без инцидентов. Чтобы возникла анархия, достаточно всего лишь одного водителя, который не соблюдает правила.

Эхо Лоуренс: Когда задняя машина таранит переднюю, пристегнутых невест бросает вперед. Фаты отлетают так быстро, что на лице остаются красные следы. Игроки называют это «кружевным ожогом». В этот момент время останавливается. Все долгие годы и скучные дни — все это взрывается и заполняет одну долю секунды. Один «толчок».

Время сжимается и взрывается в замедленном движении, в миге, который будет длиться вечно.

Машина, на которую ты столько копил, мнется, уменьшается, зато твоя жизнь раздувается. Растет. Становится большой или даже огромной. Когда

невесты на обочине бросаются рисом, они просто хотят растянуть этот миг. Выжать из «толчка» все до капли.

Шот Даньян: Тина и «акула» растут в нашем заднем окне. Хохочут, наклоняясь вперед, так сильно хохочут, что их дыхание затуманивает стекло. Их бампер врезается в нас слева, наши рессоры и амортизаторы визжат. Их передние колеса так близко, что запикала парковочная сигнализация. Пиканье учащается. Колеса «акулы» уже совсем близко, откусывают одну из наших консервных банок, давят банки, рвут веревку. Вот они так близко, что парковочная сигнализация заходится долгим гудком.

Рэнт наклоняется вперед, хлопает Грина по плечу смокинга с подплечником и говорит:

— Кстати, мои поздравления.

Все еще глядя на золотой четвертак, Грин спрашивает:

— За что?

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Закрепление веры в Санта Клауса и Пасхального Кролика создает предпосылки для дальнейшей социализации, включая подчинение правилам дорожного движения, которые позволяют максимальному числу водителей совместно пользоваться дорогами. Кроме того, нас учат, что путешествие — лишь средство для какой-то более великой цели, а волнительность и опасность путешествия должны быть сведены к минимуму. Это укрепляет ошибочное мнение, будто само путешествие малоценно.

Шот Даньян: Тина и «акула» откусывают еще одну банку, снова в нас врезаются, отстают. Смеются. Рэнт говорит:

— Вы... — и тыкает пальцем то в Грина, то в Эхо. — Вы поженились...

Грин говорит:

— Впереди справа новая команда.

А Эхо:

— Ищи просвет!

Эхо Лоуренс: Я жму на газ двумя ногами, уже воображая, как ослеплю эту Тину Самсинг горстью сырого риса. Представляю, как моя тачка валяется на какой-нибудь свалке вся в зубной пасте.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Занятие, которое неформально именуется «автосалками», отвергает идею, что поездку нужно вытерпеть, чтобы перейти к более полезной и удовлетворительной деятельности.

Тина Самсинг: На следующем аукционе конфискованных автомобилей я, блин, буду перебивать цену Эхо. Меньше чем через один щелчок одометра нам обеим понадобятся новые машины.

Эхо Лоуренс: Тину бросает на подголовник. Ее груди и жемчуг взлетают к шее. Фата царапает лицо. За их машиной что-то дымится — их ударили сзади. Выбили из игры.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: На нашу «акулу» нашелся другой охотник. «Мазерати» убили прямо в куче наших коровьих колокольчиков, стекла и консервных банок.

Шот Даньян: Эхо выезжает на темную улицу и останавливается. Выключает передние и задние фары, но не мотор. Разводит свою фату, всматриваясь в Рэнта, и говорит:

— Ты, Дневняк, вали из моей машины!

Грин протягивает ей золотую монету и говорит:

— Знаешь, сколько это стоит?

А Рэнт Кейси, тот трогает заднее сиденье, нюхает свои пальцы и говорит:

— Девушка, которая обмочилась три или четыре не дели назад... — Он смотрит на нас: — Ела в тот день болгарский перец.

Рэнт улыбается нам, показывая черные от гудрона зубы:

— Вы не знакомы с Честером Кейси?

17 — Наемные убийцы

Линн Коффи (журналист): Поэт Джон Ките сказал: «Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал...» Каждый, да не все. Те, кто не хочет садиться в тюрьму, кто похитрее, нанимали Карла Вэксмана.

Тина Самсинг (автосалочница): Откуда мне было знать, что у Вэкса на уме? Ниоткуда. В первую ночь, когда он взял меня в команду, в ту Ночь Медового Месяца, когда Эхо меня высадила, Вэкс подъехал к бордюру в «Мазерати-Кваттропорте-Экзекутив-Джи-Ти». Темно-красном, точнее, бордовом. Щитки на приборной панели из палисандра. Потолок обшит алькантарой, а сиденья с подогревом, честное слово, делают постоянный шведский массаж ягодиц.

Вэкс с жужжанием опустил электрическое стекло с моей стороны. Я стою на обочине в розовом платье подружки невесты, а Вэкс машет мне чем-то белым и мягким. Это так он представился.

— Прежде чем до чего-то дотронешься, детка, — говорит, — на-ка надень.

Резиновые перчатки.

Линн Коффи: Трагично. Молодежь редко покупает экзотические спортивные автомобили. Особенно профессиональные баскетболисты или футболисты — им ни за что не поместиться в ковшеобразных сиденьях. Нет, почти все скупают мужики постарше или старики и почти их не водят. Все эти «Мазерати», «Феррари» и «Ламборджини» годами простаивают в гаражах, как покинутые любовницы, которых прячут от солнечного света.

Мур Джеррел (частный детектив): Как показало мое расследование, ни у кого нет стопроцентной уверенности в том, кто управляет автосалками. Во всяком случае, это вряд ли один-единственный человек. Ему пришлось бы следить за фолами каждого игрока. Если в течение двух месяцев тебя три раза уличили в нарушении правил, тебе больше не сообщат о следующей игре. К фолам относятся слишком сильные удары — сила рассчитывается по скорости каждого автомобиля. Выше двадцати миль в час — уже фол. Если я еду со скоростью десять миль в час, а вы — одиннадцать, и вы выруливаете на лобовой удар, скорость составит больше двадцати миль. Я могу назначить вам фол. Сильный удар — всего один фол.

Тина Самсинг: Вэкс мог рассказать такие подробности, каких не знали сами владельцы. Все модели с откидным верхом — «Фиат-Спайдер»,

«Мазерати-Спайдер» и «Феррари-Спайдер» — названы в честь какой-то повозки семнадцатого века. Эти черные старинные кареты без верха и с высокими колесами были похожи на паука.

Вэкс знал, за какой рычажок на руле надо дернуть, чтобы переключить передачу даже на болиде. Он мог рассказать, почему темно-зеленый цвет «Ягуара» кажется на пол-оттенка светлее, чем британский гоночный зеленый. Когда открываешь дверь «Мазерати», причем только «Мазерати», слышен слабый тоненький визг... Так вот Вэкс мог объяснить, что это герметизируется гидравлическая передача.

— Чудненько, — говорил Вэкс, давая полный газ на восьмицилиндровом «Ягуаре-XJR» цвета «золотистый металлик». Шевелил пальцами и добавлял: — Значит, решили сделать обогрев руля...

Потом включал вторую передачу и врезался в задницу какому-нибудь ржавому «Субару».

Линн Коффи: Автосалочники называли Карла Вэксмена «наемным убийцей». Ассасином.

Шот Даньян (автосалочник): Что до меня, я должен был обеспечить идеальную музыку для автосалок. Но, ядрен батон, я был бы не прочь побыть «наемным убийцей». Как-то ночью я видел, как какой-то «убийца» соскреб всю краску с «Салина S7» в полмиллиона долларов. У машинки клиренс три с половиной дюйма, а водитель сгоняет ее с дороги на полном ходу. Дикий садизм.

Линн Коффи: Если люди нанимали «убийцу», это показывало, как они любят эту машину. Например, владелец хочет разбить «Роллс-Ройс-Сильвер-Клауд» или «Сильвер-Шэдоу», но не смог бы осквернить такую красоту собственноручно.

Тина Самсинг: Как-то, сидя в «Ягуаре-Экс-Тайп», Вэкс говорит: «Нет, ну ты представляешь?» Шлепает ладонью — шлеп! — по кожаному рулю. «Ты, блин, представляешь, какой жмот! Зажилился и купил колеса «Тобаго»! Не «Протеус» и даже не «Кеймен»!» Вэкс нажал на газ и заехал передним правым колесом на тротуар — как раз настолько, чтобы разбить металлический почтовый ящик. Искры, крошки краски, белые конверты во все стороны. Колесо глухо шлепается в канаву, а стрелка спидометра не сдвинулась ниже сорока.

Линн Коффи: Помимо всего прочего, Вэксмен брал деньги за уничтожение шикарных автомобилей. Обычно тех, которые человек так или иначе терял при разводе. Или больше не мог выплачивать за них кредит. Или просто мухлевал со страховкой. Или разбивал кому-то назло.

Какой-нибудь посредник передавал Вэксмену ключи и конверт с

деньгами, обычно двести—триста долларов, а потом говорил, где найти машину. Владелец уезжал из города на два-три дня, чтобы сделать себе алиби, а Вэксмен в это время катался на его тачке. К тому времени, когда владелец возвращался и заявлял об угоне, Вэксмен уже отправлял машину туда, где ее никогда не найдут.

Шот Даньян: Отвечаю: я видел, как люди останавливаются посреди похорон, труп улыбается в гробу, старушки хлюпают носом, а они меняют музыку. Моцарта вместо Шумана. Музыка очень важна.

Не просто важна — вообще необходима.

Скажем, вы едете по междущтатной магистрале на юг, катитесь себе по средней полосе и слушаете радио на коротких волнах. Тут вас обгоняет какой-нибудь грузовик с бревнами или бетонными трубами, крепление рвется, и вся эта радость валится на вашу хрупкую машинку. Вы раздавлены горой бетона, вы как мясной салат в бутерброде между слоями стали и стекла. И когда ваши веки дрогнут последний раз и вы увидите длинный туннель, где ярко светит Божественный Свет и покойная бабушка раскрыла вам объятия, — вы что, хотите слушать очередную радиорекламу мега-супер-пупер-распродажи автомагнитол?

Тина Самсинг: Вот еще, кажется, на нашем третьем свидании в «Додже-Вайпере» Вэкс начал говорить, как его клиенты всегда вымоют и натрут машину воском и только потом передают ему деньги и ключи.

— Это как будто смотреть на актрис, — говорит он мне, — баб, которых причесывают, красят и завивают, делают маникюр и педикюр, бреют ноги и ведут в солярий — и вся эта кутерьма для того, чтобы сняться в какой-нибудь групповухе.

Вэкс спустил «Вайпера» по бетонной лестнице в парке, оставляя позади куски выхлопных труб и подвески.

— Детка, я бы заливался слезами над их идеальными наманикюренными ноготками, но это ж дебилизм.

Шот Даньян: Отвечаю! Если тебя выносит на «встречку» и ты погибаешь под слащавую попсу вроде «Шугар-шугар» группы «Арчиз», сам виноват, не фиг было лениться.

Линн Коффи: По некоторым автосалочникам было видно, что они «убийцы». Если машинка в идеальном состоянии — даже «Шеветт» или «Пинто», — чистенькая, как на продажу, и отполированная. Если украшений по минимуму, только элементарный «флаг». А еще они всегда готовы заехать на бордюр или задеть бетонное ограждение. Отсюда можно сделать вывод, что эта тачка — чья-то неудавшаяся мечта. Прелестная любовница или приз, который владелец не хочет отдавать никому.

Мур Джеррел: Можно назначить фол за «осаливание» в запрещенные части цели. Например, запрещен «бифштекс на ребрышке» — лобовой удар сбоку. Нельзя таранить в боковые стенки между передним и задним мостами.

Тина Самсинг: И Рэнта, и Вэкса раздражало, что древние горы режут на дешевые гранитные покрытия кухонных столов, что из перуанского палисандра делают панели в шикарных машинах, которые никто не будет водить.

Как-то Вэкс начал о том, как мерзко, что эти блестящие умы, которые могли бы изобретать чудодейственные лекарства, ядерное деление и обалденные компьютерные спецэффекты, совершенно по-тупому тратят свои деньги. На гранитные покрытия и шикарные машины. Он сидел за рулем, и чем больше он злился, тем дальше заходила стрелка спидометра: за восемьдесят, девяносто, сто.

Линн Коффи: В случае «наемных убийц», а может, и всех автосалочников мы имеем дело с направленной на самих себя дорожной агрессией.

Некоторые мужчины утверждают, что без ума от женщин. Женятся раз десять и каждый раз плохим обращением доводят жену до самоубийства. Карл Вэксмен относился к краденым шикарным автомобилям так же. Он обожал рассекать по дорогам со скоростью семьдесят в час, чтобы его провожали завистливыми взглядами, но злился, что для подобного внимания ему нужен «Ягуар» или «BMW». А то, что автомобиль ему даже не принадлежал, было самым страшным оскорблением. Абсолютной манифестацией недостатков, которые он в себе видел.

Шот Даньян: Отвечаю! Я никогда не выхожу из дома без сборки на все случаи жизни. Влюбленность. Встреча с чужой смертью. Разочарование. Нетерпение. Пробка. У меня с собой сборка на каждое настроение. Что бы хорошее или плохое со мной ни произошло, мой способ не слишком бурно отреагировать, ну, типа, отстраниться от своих эмоций — подобрать к этому идеальный саундтрек. Даже в ту ночь, когда погиб Рэнт, первое, что мне пришло в голову, было: Филип Гласс, второй скрипичный концерт, или Равель, фортепианный концерт соль мажор?

Мур Джеррел: Как я понимаю, в обязанности главы автосалок входит подсчитывать фолы. А также следить за командами по автомобильным номерам. А еще определять «флаг» и «окно» для каждой игры. Да, и сообщать всем игрокам о предстоящих играх. Если это всего один человек, можно смело предположить: дел у него по горло. И это явно не тупой громила. Соображалка у него должна работать что надо.

Тина Самсинг: Не важно, были мы в «Лексусе» или «Роллс-Ройсе», в конце каждого автосалочного свидания мы с Вэксом приезжали на лодочную пристань в конце Мэдисон-стрит, в то место, где идет резкий уклон в воду. За нами сыплются шплинты, подшипники, куски кузова; капает моторное масло, течет тормозная жидкость. А дыму-то, блин, черного или синего, целые клубы! Машина еле едет.

Я вылезаю и смотрю, как Вэкс включает первую передачу. Не заглушая двигатель, особенно если никого вокруг нет, он жмет на кнопку сигнализации. Шум офигенный! Воют сирены, мигают фары, которые мы еще не разбили. Вэкс выходил из кричащего и моргающего «Мерседеса» или «Ламборджини» и захлопывал дверь. А машина уже катится вниз, прямо в черную воду. Смотришь, как будто тонет океанский лайнер. «Титаник». Белые и желтые огни, завывание гудка, а автомобиль опускается все глубже под воду. Разбитые останки чьей-то мечты стонут, мерцают, все слабее и слабее, пока не садятся на невидимую гору обломков других «Ягуаров», «Салинов» и «Корветов», за убийство которых Вэксу заплатили.

18 — Город

Тодд Ратц (продавец-нумизмат): Тот парень, ну, что потом погиб, приходит ко мне с толстым носком, завязанным в узел. Начинает развязывать зубами. Я думаю, в этом старом желтом носке вряд ли что-то стоящее. В моей лицензии записано, что я могу держать лавку открытой четыре часа после комендантского часа, если не буду выходить на улицу. Как наступает комендантский час, я закрываю дверь, а посетителей впускаю к себе. Того парня с грязным носком я даже не хотел впускать. Кто их разберет, этих Ночных!

Но даже мне было ясно: он перешел к Ночным недавно. Даже загар остался. Вот я и решил рискнуть, может, подзаработаю. Вон как в Новом Орлеане в восемьдесят втором — какой-то бульдозерист в обед рыл землю, а вокруг ходили служащие в костюмах с жилетками. Ковшом соскребло землю и сорвало крышки с трех деревянных ящиков. А там целая куча четвертаков где-то тысяча восемьсот сорокового года, с сидящей Свободой. Не золото, нет, но каждая монетка стоит от двух до четырех тысяч. Эти банкиры и юристы в костюмах и платьях давай прыгать в грязь и драться. Кусали друг друга и брыкались за горсть гобреховских долларов.

Я это к тому, что никогда не знаешь, где отроют клад.

Эдит Стил (начальник отдела кадров): Мы пригласили мистера Кейси на собеседование по поводу работы ночного специалиста по охране ландшафтов, по линии трудоустройства «Эй». После третьей неявки на работу, когда мистер Кейси заявил о пятой травме, вызванной автомобильной аварией в нерабочее время, он был вычеркнут из платежной ведомости.

Тодд Ратц: Или находка в Балтиморе. Два мальчика играли в подвале съемного дома и обнаружили в стене дыру. Тридцать первого августа тысяча девятьсот тридцать четвертого года они вытащили из этой дыры три тысячи пятьсот пятьдесят восемь золотых монет, все выпуска до тысяча восемьсот пятьдесят седьмого года. Было это в Балтиморе, штат Мэриленд, Саут-Иден-стрит, дом сто тридцать два. Многие монеты даже не были в обращении. Или почти не были.

Лью Терри (домоуправ): Будь моя воля, я бы вообще не сдавал жилье перебежчикам — этим Дневным, что переходят к Ночным. Это все назло родителям, вот что. А потом обязательно хотят сделать все плохое, что думают о Ночной культуре, — включают музыку на всю катушку,

подключаются к наркоманским «пикам». Но по закону не меньше десяти процентов жилплощади я обязан предоставлять перебежчикам. Кейси въехал с пустыми руками, ну, может, с одним чемоданом, в квартиру 3-Е. Можете сходить посмотреть, только дверь до сих пор опечатана полицией.

Тодд Ратц: Тот парень с носком берет и жует узел зубами, а в носке звенят друг о друга монеты. Я к тому, что я уже доволен, что впустил его. Я отличу звон серебра от меди или никеля. Я так долго продержал свой магазин, что по звону монет скажу вам, из какого они золота, двадцатидвух- или двадцатичетырехкаратного. Я услышал такой звук, что готов был драть этот грязный вонючий носок собственными зубами.

Джефф Плит (начальник отдела кадров): Согласно записям, Бастер Кейси работал у нас две недели посудомойщиком. По странному совпадению за этот краткий период около шестнадцати посетителей обнаружили у себя в тарелках инородные предметы: от металлических скрепок до пятицентовика тысяча девятьсот двадцать третьего года выпуска с изображением буйвола.

Тодд Ратц: Парень погружает руку в носок до самого костлявого локтя и достает целую горсть... совершенно невозможных монет. Не важно, с каким душком. Золотой двадцатидолларовик тысяча девятьсот тридцать третьего года в идеальном состоянии. Золотой десятидолларовик тысяча девятьсот тридцать третьего года, не бывший в обращении. Четырехдолларовик тысяча восемьсот семьдесят девятого года, Свобода с завитыми волосами, почти в идеальном состоянии.

Мур Джеррел (частный детектив): Я хочу сказать для протокола, что Бастер Лэндрю Кейси, он же Рэнт Кейси, действительно связался со мной по телефону и договорился о встрече, чтобы обсудить услуги по обнаружению его пропавшего биологического отца. Я проинформировал потенциального клиента, что мое базовое вознаграждение составляет тысячу долларов в неделю плюс расходы. Вышеупомянутый потенциальный клиент заверил меня, что с оплатой затруднений не возникнет.

Бренда Джордан (детская подруга Рэнта): Если обещаете никому не говорить, Рэнт Кейси сказал мне, что тот старикан, который рассказал ему про монеты, незнакомец, который подъехал к нему из ниоткуда, — он признался Рэнту, что он его давно пропавший настоящий отец из города.

Тодд Ратц: Если имеешь дело с такими парнями, поверьте, будешь искать явные подделки: серебряные доллары с изображением идущей Свободы 1928-D. Золотые «четвертные орлы» 1905-S. Явные фальшивки. Серебряный доллар тысяча восемьсот четвертого года или лафайетский

доллар. Я положил конфедератский пятидесятицентовик 1861-0 под лупу и поискал следы кораллов и соленой воды, «эффекты кораблекрушения», которые могли бы рассказать мне больше, чем этот парень. Проверяю, нет ли микроскопических шероховатостей от песка на морском дне.

Но эти монеты никогда не бросали и не сваливали в кучу. Они как новенькие. На некоторых только отметины от хранения.

Альфред Линч (сотрудник фирмы по уничтожению вредителей): Мало кто с детства мечтает заниматься уничтожением всяких паразитов. А Рэнт Кейси взялся за дело, как таракан за кошачий корм. Он заползал под дома и в чердаки, даже если там были летучие мыши-вампиры. Змеи, мыши, крысы, тараканы, ядовитые пауки — все ему было одинаково.

Что интересно, медосмотр выявил у него бешенство. Никаких наркотиков, ничего такого — только бешенство. В клинике ему назначили противостолбняковую сыворотку.

Тодд Ратц: Честно говоря, я только притворялся, что проверяю цену по книжечке. Рассказываю ему про полудоллар Барбера 1892-0. Когда Чарльз Э. Барбер сделал пробную чеканку, в газетах написали, что орел выглядит так, словно его заморили голодом. Голова Свободы «похожа на неблагородного императора Вителлия с зобом». Кормлю парня байками, а сам проверяю свежие сводки о кражах.

Парень смотрит в мое окно. Трясет носок, в котором все так же звенят монеты. Говорит, бабка умерла и ему оставила. Других объяснений о том, откуда взялась коллекция, у него нет.

Альфред Линч: Одна-единственная проблема, которая у меня была с Рэнтом Кейси, — каждый месяц мы проводим случайную проверку чемоданчиков для завтраков. Когда парни идут домой, просим их открыть чемоданчик. Они работают в домах без присмотра, иногда на виду валяются всякие драгоценности и дорогие вещи. Случайная проверка держит всех в узде.

Не видел, чтобы Рэнт пытался спереть алмазы. Но однажды мы открыли его чемоданчик, а вместо завтрака там — пауки. «Черные вдовы», которых он в этот день должен был убивать. Рэнт говорит, это случайность, и я ему верю.

Ну, сами подумайте: кто потащит домой целое гнездо ядовитых пауков?

Тодд Ратц: Мы заключили сделку, я заплатил парню пятнадцать тысяч из тех денег, что держу на работе. Отдал ему все банкноты, которые были в сейфе. Пятнадцать тысяч за золотой двадцатидолларовик тысяча девятьсот тридцать третьего года, золотой десятидолларовик того же года и за

четырёхдолларовик тысяча восемьсот семьдесят девятого года.

Когда я спросил, как его зовут, парень задумался, посмотрел в пол и в потолок, а потом говорит:

— Я еще не решил.

Поверьте, мне не важно, соврал ли он. И не важно, что он брал только наличку. И что зубы, которыми он развязывал носок, у него все черные. Черные как деготь.

Я к тому, что один только золотой «двойной орел» Сент-Годенса тысяча девятьсот тридцать третьего года стоит восемь миллионов долларов.

19 — Начинаящий Водитель

Шот Даньян (автосалочник): Однажды Ночью Начинаящего Водителя Рэнт попросил Грина Тейлора Симмса нас с ним сфотографировать. Дал Грину одноразовый фотоаппарат и ладонью рубанул себя по коленям, мол, досюда.

В ту ночь нас возил Грин в своем большом «Даймлере»; мы заехали в автокафе перекусить. Рэнт становится рядом со мной и кладет руку мне на плечо. Щупает выход порта между первым и вторым позвонками у основания черепа. Спрашивает:

— А вообще как это?

Объясняет мне, что из-за бешенства его порт не работает. А сам пальцами все мнет, трет кожу вокруг моего порта. Пальцы такие теплые, словно он держал чашку кофе. Будто у него температура. Жар.

Порт — это как добавочный нос, говорю я ему, но на загровке. Не только нос, а еще глаза, язык, уши и пять видов зрения. Правда, все они выдают дерьмо. По идее, ты управляешь портом, но иногда начинает дико тянуть, всем организмом, к «кока-коле» или чипсам, всякой дряни, которую ты обычно не ешь. Значит, бизнес-мир вещает «пики» и эффекты, которые поступают даже в отключенный порт.

Грин стоит, опираясь спиной о дверь машины. Держит фотоаппарат у лица и говорит:

— Скажешь когда.

Мимо нас проезжают машины, некоторые со знаками «Начинаящий Водитель». Команды притормаживают, проверяют, есть ли «флаг».

Рэнт облапил мой загривок и говорит:

— Давай.

Например, сегодня мне не хотелось есть, пока мы не проехали мимо этого фаст-фуда. Потекли слюнки, и это было настоящее. А вот привкус чизбургера с беконом — явно наведенный эффект.

Грин Тейлор Симмс кричит:

— Скажите «чизбургер»!

Рэнт разворачивает меня лицом к себе и прижимается своими губами к моим. Вспышка фотоаппарата — Рэнт вставил мне руку между ног, растопырил пальцы и сует в дырки между пуговицами.

Козел придурочный! Его горячий язык у меня во рту, его слюна у меня на губах — заразит бешенством в два счета.

Еще две вспышки, я отталкиваю Рэнга Кейси, а он мне:

— Спасибо, чувак.

Забирает картонный фотик у Грина и добавляет:

— Отец не поверит, что я нашел себе такого симпатичного парня.

Что, не дерьмо?

А я плююсь и плююсь. Жаркий вкус сыра, бекона и бешенства. Плююсь и плююсь.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Плохая новость для тех, кто направился на запад по двести тринадцатому шоссе. Четырехдверный автомобиль с жестким верхом задел разделитель полос и перевернулся. Водитель и пассажир оказались в ловушке. Ребята из «скорой» говорят, что у водителя, мужчины тридцати пяти лет, серьезная потеря крови из-за сложного перелома бедра, пульс слабый, давление быстро снижается. Прогноз на настоящий момент — остановка сердца из-за кровопотери. Ждите новой информации через четверть часа. С вами была передача «Дорожные картинки» на «Авторадио»: «Мы знаем, что нужно зевакам...»

Шот Даньян: Ночью Начинающего Водителя «флаг» — это обычный предупредительный знак «Осторожно, за рулем начинающий». Делают два больших знака, один прикрепляют между задними габаритками, через задний бампер. Второй — поперек капота, так, чтобы не преграждать путь воздуху, набегающему в радиатор. Начинаящие загораживают знаком всю решетку — слишком надеются на свою вязкостную муфту и охлаждающий насос. Потом стоят на обочине и остывают.

Эхо Лоуренс (автосалонница): По правилам требуется, чтобы все команды использовали знак типа «Школа профессионального вождения «Аякс». Дело в том, что несколько сезонов назад на территорию игры во время «окна» попал настоящий зеленый водитель. О бедняге теперь рассказывают легенды. Говорят, его машину «осалили» шесть разных команд. За ним гонялись до потери пульса, подбивали задний бампер, пока глушитель не отвалился. Ученик с инструктором перетрусили, выехали на тротуар и убежали. Двери так и оставили открытыми, даже двигатель не заглушили.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Новые данные по аварии на двести тринадцатом. Водителя все еще извлекают из автомобиля, но уже очевидны признаки мозгового субарахноидального кровоизлияния и пневмоцефалии, вызванных контактом лба с зеркалом заднего вида на переднем стекле. У нас пока все, ждите следующего выпуска через пятнадцать минут! С вами была передача «Дорожные картинки» на «Авторадио»: «Мы знаем, что нужно зевакам...»

Шот Даньян: Со стороны кажется, что автосалки — очень захватывающе, но мы обычно просто сидели, трепались и нарезали круги. Ездили туда-сюда, искали машины с правильными «флагами». «Флаг» объявляют по телефону, электронным письмом или эсэмэской. Иногда выезжают команды, которых не предупредили: разодетые для Ночи Медового Месяца, со всяким свадебным дерьмом на машине. Или команды в париках, а на машине всякие лозунги вроде «Вперед, команда!», как для Ночи Футбольной Мамы. С неправильным «флагом» все выглядят придурками. Или даже хуже.

Если у кого-то не тот «флаг», про них думают, что это полицейские, которые пытаются помешать игре. Или команды, которые «салили» слишком сильно, таранили в бок или в какое-нибудь еще запрещенное место. Сделаете много фолов, и люди начнут звонить про вас на «горячую линию» автосалок. Скоро вас перестанут предупреждать о следующем «флаге» и «окне».

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Краткая сводка последних событий вокруг перевернутой машины на двести тринадцатом. Ребята из «скорой» говорят мне, что у водителя разрывы перикардия — твердого мешочка, в котором содержится сердце. По предварительному заключению, локализованный удар прижал сердце к позвоночному столбу, вызвав тем самым контузию задней стенки межжелудочковой перегородки. Мертвый значит мертвый, а час «пик» значит, что репортажи будут выходить каждые десять минут. С вами была передача «Дорожные картинки» на «Авторadio»: «Мы знаем, что нужно зевакам...»

Шот Даньян: В ту Ночь Начинающего Водителя я еду рядом с Симмсом, а Рэнт — на заднем сиденье. Машин вокруг негусто. Я сплевываю через опущенное стекло и говорю Рэнту:

— Даже если ты заразил меня бешенством, я не твой парень. Особенно если ты меня заразил.

Обычно от Рэнта пахнет как от стакана чистой воды — но не сегодня. Везде, где он меня касался, воняет бензином.

— Что за вонь? — спрашиваю я. А Рэнт говорит:

— Диметилциклопропанкарбоксиловая кислота. — Отвернулся и следит за нашим тылом через заднее окно. — Пауков травить.

Из передачи «Дорожные картинки»: Мы снова с двести тринадцатого шоссе. У водителя обнаружился боковой компрессионный перелом правой бедренной кости, разрыв и ущемление крестцово-подвздошного сочленения, а также переломы вертлужной впадины и тазовых ветвей. Для тех, кто едет в этом направлении, съезд на север с

шестьсот четырнадцатого на Восточное Хельмсбергское шоссе замедлен, так как на правой полосе заглох двигатель у начинающего водителя. С вами была Тина Самсинг и передача «Дорожные картинки».

Шот Даньян: Грин преследует «новичка», выкручивает между машинами, выбирая угол поудобнее, надеясь загнать цель на боковую улицу, где хороший удар не привлечет слишком много внимания. Особенно полиции. Грин прячет машину за микроавтобусом, такси или автобусом — любым большим и ярким транспортным средством, — чтобы цель не заметила наш «флаг».

Я посматриваю, не засекли ли нас «акулы», и спрашиваю Рэнта, не ищет ли он бойфренда.

Рэнт в ответ:

— Не-а.

Он бы, мол, трахнул немецкую овчарку, если бы это заставило родителей меньше его любить. Избавило бы их от боли.

— Такая у меня стратегия, — говорит Рэнт и крутит головой, просматривая сразу два квадранта. — Чем хуже они обо мне думают, тем меньше будут жалеть, что я уехал.

Автобус, который ехал рядом с нами, тормозит, отстает на остановке. Мы ненадолго показываемся — Грин только успевает сказать:

— Господа, готовьтесь!

Левый задний наблюдатель в нашей цели смотрит прямо на нас. На наш «флаг».

Цель пытается улизнуть в ближайший поворот направо, в темный переулок, уставленный машинами. Грин преследует, объезжая автобус. Два начинающих водителя — клубы дыма и следы резины на асфальте.

Из передачи «Дорожные картинки»: От «скорой» новые данные о недавней аварии на двести тринадцатом. До вскрытия полной уверенности нет, но похоже, что обнаружился разрывчик проксимального отдела тощей кишки, затронувший брюшную полость. Если верить специалистам, всего две тысячи миллилитров гнойной жидкости в брюшной полости, и водитель «скорой» выключает все свои сирены и огонечки. Вот вам информация для размышления, пока будете сегодня носиться по дорогам.

Шот Даньян: Наша цель едет медленно, слишком близко к припаркованным автомобилям для того, чтобы наш удар не вызвал дорогостоящих побочных последствий. Поцарапать машину в игре — честно, но задеть ни в чем не повинного гражданина — проступок, в котором сознаются. И платят за ремонт. Наша цель ставит именно на это. Она держится поближе к чужим машинам, ищет, как бы улизнуть. Вдруг

появится съезд. Переулок. Или полицейский.

Не сводя глаз со своего квадранта, я спрашиваю Рэнта, голубой ли он.

Именно с той ночи Грин Тейлор Симмс прозвал его Гейкльберри Финном. А Рэнт в ответ:

— По правде, мне никогда не стать врачом. И даже не просите меня поделить в столбик. Я мало что могу сде лать, чтобы родители мною гордились...

И подается вперед, чтобы включить радио. Там гавкает Тина. Принимает звонки от медиков и полиции и ведет дурацкую передачу для зевак.

— Но, — продолжает Рэнт, — если я добьюсь, чтобы они думали, что меня плохо воспитали, даже такая малость, как залетевшая от меня девица, их страшно обрадует.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Последнее сообщение от ребят из «скорой» по смертельной аварии на двести тринадцатом... Смерть наступила под песню «Моя Шарона» группы «Нэк». Это значит, что победителем конкурса «Песня смерти» становится Брайан Лэмбсон. Брайан, если ты нас слушаешь, позвони на студию в течение часа, чтобы получить свой приз. С вами была Тина Самсинг и передача «Дорожные картинки» на «Авторadio»: «Мы знаем, что нужно зевакам...»

Шот Даньян: Когда Рэнт тянется через переднее сиденье к настройкам радио, я замечаю на тыльной стороне его руки надпись синей шариковой ручкой: P295/30 R22... P285/30 R22... 425/65 R22.5. Это явно размеры шин. Больших шин.

Кивая на синие цифры, я спрашиваю:

— Ходил покупать машину?

А Рэнт мне:

— Ты хорошо знаешь Эхо?

И откидывается назад.

— Вполне, говорю я. Неплохо.

Грин Тейлор Симмс терпеливо, легонечко жмет на газ. Машина-цель так близко, вот-вот дотронемся. И едет почти по припаркованным машинам. И цель, и охотник крадутся на первой передаче. Воняет инсектицидом. Во рту привкус бешенства.

А Рэнт:

— Я тут подумал ей подарок купить...

Сегодня Эхо не с нами, работает. Занимается всякой фигней, не буду объяснять. Сложно это все. Рэнт говорит:

— А Эхо кого-нибудь ненавидит от всего сердца, очень-очень сильно?

Я ему: мол, разве он не хотел сказать: «любит»? Рэнт пожимает плечами и говорит:

— Разве это не одно и то же?

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): Благодаря своей зрелищности апогеем культуры автосалок были Ночи Елки. Смысл, как обычно, заключался в выборе условного знака, который неосведомленная публика восприняла бы как нечто обычное, в пределах нормы — или хотя бы как случайность.

К «случайностям» можно отнести кофейные чашки и завтраки в пакетах. Команды использовали их по Ночам Раззявы: например, во время игры «Кофейные раззявы» участники показывали, что они в игре, привинчивая или приклеивая большую походную кружку к крыше автомобиля. Кофе в кружке был факультативен. В случае с «Пакетными раззявами» команды приклеивали к крыше «завтрак» в бумажном коричневом пакете. Обычным людям эти «флаги» казались смешными; некоторые догоняли игроков, смеялись и тыкали пальцами, чтобы водитель заметил «забытый» предмет.

В играх под названием «С нами малыш» использовался другой «флаг». Понятно, что вид ребенка в рюкзаке-«кенгуру» на крыше машины, несущейся по дороге, вызывал несколько иную реакцию.

Шот Даньян (автосалочник): Аукционист начинает торг с пятидесяти долларов:

— Я слышу пятьдесят? Кто даст начальную цену в пятьдесят долларов за лот номер один?

Это эвакуаторная стоянка Сэмми — ночь вторника. В среду аукцион полицейских конфискатов проходит возле радиостанции. Что, круто организовано? По пятницам мы ходим смотреть машины на патрульную эвакуаторную. Полицейские конфискаты с места преступления. Брошенные машины. Захваченные во время облав на наркоторговцев или конфискованные за злостную неуплату штрафов. Машины, эвакуированные с платных автостоянок и никому не понадобившиеся. Все это сбывают за бесценок.

Чтобы найти машину, в которой можно несколько дней поехать в краске и клее, а потом врезаться в другую такую же, лучшего места не найти. У некоторых развалюх на окнах написано неоновым-желтым или оранжевым фломастером: «Порван зубч. рем. привода». Или «Подвеска двиг. потреск.». На ветровом стекле одного большого четырехдверника, еще замазанного зубной пастой «молодоженов», с консервными банками на

хвосте — лот номер 42, — написано: «Конт. кулачков изнош.».

Машина, которую только что выставили на продажу, изрядно помята и поцарапана; на щитке запеклась кровь с волосами.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Кукла-младенец и «кенгуру», конечно, были привинчены к крыше. Большинство команд использовало ту же дыру и болты каждую неделю, чередуя коляску с кружкой или пакетом. Когда машина покрывалась царапинами и выбоинами, а значит, теряла свою привлекательность, многие команды придумывали всякие вариации на основную тему. Вместо кофейной кружки привинчивали кофеварку и поднос с чашечками и блюдцами. Корзинку булочек с шоколадной начинкой. Серебряную вазочку с одной красной розой, подрагивающей во встречном потоке воздуха.

Шот Даньян: Аукционер выводит:

— ...Семьдесят пять, семьдесят пять, кто даст восемьдесят... Кто поставит восемьдесят долларов... Я слышу восемьдесят?..

Рэнт и Эхо ходят по стоянке, заглядывают под капоты. Эхо показывает на разбитые ржавые микроавтобусы с обрывками гофрированной бумаги и надписями: «Команда, вперед! «Тигры» атакуют!» Сиденья и пол забросаны кусками еды и обертками из фаст-фуда, которые владельцы оставили Ночью Футбольной Мамы.

Эхо открывает водительскую дверь «купе», к крыше которого еще привязана искусственная рождественская елка. Нажимает одним пальцем кнопку на стерео, но ничего не происходит. Нажимает еще раз, сильнее, и выскакивает диск.

— Моя любимая джазовая сборка, — говорит она, показывая диск Рэнту. — Вот уж не думала, что когда-то ее услышу!

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Накануне Дня Благодарения забытая простая кружка превращалась в индейку из папье-маше, раскрашенную в коричневый цвет и лакированную. Бокалы с плескающимся красным вином. Солонки и перечницы. Длинные белые свечи в латунных подсвечниках, вместо пламени — лампочки на батареях. Такие внушительные экспозиции означают, что команда выехала в этом автомобиле последний раз. Чтобы установить тарелки с ямсом и спаржевой фасолью, в крыше нужно провертеть десятки дырок.

На пышные проводы автомобиля — их называли «Похоронами» или «Последним забегом» — команды прибывали на «поле» не позже, чем за час до «окна». До официального начала игры проходило настоящее дефиле. Машины щеголяли своими украшениями и красиво прощались, а после игры оказывались на свалке.

Шот Даньян: Скриптохудожник внутри меня всегда ищет, что бы такое записать. Я то и дело тянусь рукой к порту, чтобы переключиться. Например, записать какое-то наблюдение: как выглядит какой-нибудь ржавый автомобиль. Как Рэнт улыбается Эхо, хотя из полуоткрытого капота торчит только ее задница, а голос приглушен слоем металла:

— Дроссельная заслонка ни к черту!

Через несколько машин от них по колеса в грязи стоит разбитая тачка с жестким верхом. На крышке багажника ярко-розовая надпись лаком для ногтей с блестками: «Бомба-Вишенка III». Рядом стоит Тина Самсинг.

Когда Тина сжимает кулаки и направляется прямо по грязи к заднице Эхо, я переключаю порт на запись: будет жарко.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Как я уже говорил, по зрелищности ничто не могло сравниться с Ночами Елок. В этих редких случаях и старые, и новые машины приезжали пораньше, чтобы себя показать. Первоначальная идея заключалась в том, чтобы привязать рождественскую елку на крышу, как будто вы счастливая семья и везете дерево из лесу или с елочного базара. Но как простая чашка кофе переросла в пир, так и обычной елки стало недостаточно.

Конечно, команды использовали искусственные елки. Их привязывали по всей длине машины так, что ствол висел над капотом, закрепленный веревками над бамперами. С самого начала ветки украшали серебряной мишурой. К верхушке привязывали проволокой яркие звезды, приклеивали или прикручивали блестящие украшения. Перед «окном» Ночи Елки парад начинался часа за два. Автосалочники разъезжали по дорогам с елками, мигающими цветными электрическими гирляндами, шнур от которых тянулся к автомобильной зажигалке или электропроводке. В каждом стерео гремели рождественские хоралы.

Как только открывалось «окно», гирлянды гасли. Звуки замолкали. Команды рассыпались, и начиналась настоящая охота.

Шот Даньян: Аукционист говорит:

— ...Сорок долларов. Мне дадут сорок долларов? Да вы что, ребята, на заправке и то оставляют больше. Тридцать долларов?..

Эхо, не разгибаясь, погрузила руки по плечи в двигатель, прижалась щекой к крышке клапанного механизма. Тина Самсинг заходит сзади и говорит:

— Эй, шлюха!

Рэнт, опершись на переднее крыло, внимательно смотрит под капот, на Эхо. Аукционист:

— ...Я слышу двадцать пять? Двадцать пять долларов?..

Тина не унимается:

— Эй ты, хватит на меня стучать! — Все это заднице Эхо. — Еще раз на меня ложно заявишь, я сама позвоню и заявлю на тебя.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: С погасшими огнями автомобили под елками становятся черными, лохматыми, колючими... монстрами. Их выдает только тихий звон трясущихся стеклянных и хрустальных украшений. Едва проедешь мимо темной изгороди или кустов, как они взорвутся тысячью цветов в зеркале заднего вида. Взивзгнут шины, сверкающая масса заденет автомобиль и снова исчезнет в ночи.

Шот Даньян: Аукционист разоряется:

— ...Двадцать долларов? Можем начать ставки с двадцати?..

Эхо отвечает из капота, уткнувшись лицом в противопожарную перегородку:

— Исчезни. Я даже не знаю, какой у тебя сейчас номер. — Она по-прежнему стоит к Тине задом. — Как я буду стучать на тебя, если не знаю твоего номера?

Аукционист говорит:

— Двадцать! У меня есть двадцать. Я слышу двадцать пять? Кто поставит двадцать пять?..

Рэнт смотрит на Эхо, опираясь о крыло, нагибаясь все ниже. Что до меня, я смотрю и записываю, чтобы потом пережить это дома.

Тина говорит:

— Эй, Дневня-ак... — Поворачивается к Рэнту, гром че: — Ты, чернозубый! Дневняк!

Рэнт поднимает глаза. Рукава закатаны, видны шрамы от укусов на предплечьях. А Тина ему:

— Твоя девушка сказала тебе, чем она зарабатывает? Откуда у нее деньги на тачку?

Рэнт молчит. Я сплевываю, просто по привычке. Еще раз.

Эхо вынимает руку из капота, сгибает локоть. В руке разводной ключ, который она сует в задний карман брюк.

Тина Самсинг говорит заднице Эхо и ключу, который торчит у той из кармана:

— Твоя ненаглядная девица трахается за деньги. — Скрещивает руки на груди, подается назад и орет: — Твоя девчоночка — мерзкая шлюха!

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: В день после Ночи Елки улицы сияют. Сверкают. На ветру дрожат блестящие обрывки золотой и серебряной мишуры. Под шинами проезжающих автомобилей хрустят

осколки игрушек.

Шот Даньян: Аукционист говорит:

— ...У меня двадцать три! Предложено двадцать три доллара. Раз...

Эхо отступает назад и поворачивается к Тине. Рэнт спрашивает:

— Это правда?

Аукционист:

— ...два...

Эхо поводит головой, чтобы в шее хрустнуло, и отзывается:

— Правда что?

Рэнт отвечает:

— Что она сказала... Ты правда моя девушка?

Аукционист:

— Продано!

Кэнада Мерсер (программист): Мы с женой наняли Эхо Лоуренс после того, как однажды побывали в гостях. Мы ужинали у Тайсон-Нилов, знакомой пары, у которых только родился первый ребенок. Ребенок постоянно принимался кричать, и это мешало ужину. Когда мать убежала заниматься им в тысячный раз, отец заметил:

— Я рад, что мы попробовали секс втроем до того, как создать семью.

С новорожденным, мол, не хватает ни времени, ни уединения, чтобы поэкспериментировать с ремнями, вибраторами и полицейской формой. Но зато теперь им не жалко, что появился ребенок. Оба выглядели очень счастливыми.

Уходя из гостей, мы с Сарой думали, что совершенно отстали от жизни. Хотим завести собственного ребенка, а сами не знаем, что такое анальный секс! Что до секса втроем, эта тема даже не обсуждалась.

Через несколько дней мы позвонили Тайсон-Нилам и спросили, как найти специалистку по интиму с парой. Они как раз знали Ночную девушку, которая работает с парами нашего возраста и будет рада прийти к нам после комендантского часа.

Эхо Лоуренс (автосалочница): Где там! Полиция так и не нашла ублюдка, который врезался в нашу машину. Последнее, что я помню о родителях, — мы ехали на машине. Мы постоянно ездили. Мать водила серую служебную машину, такую побитую, что скорее напоминала фольгу, которую кто-то смял, а потом попытался расправить. Мать была инженером-транспортником и вечно читала мне лекции об уровнях загруженности дорожной сети. Тормозила посреди эстакады, чтобы показать мне дорогу с проезжающими под нами машинами. Задавала мне вопросы о «часовом объеме» и «факторе часа «пик»».

Я спала на заднем сиденье ее серой машины, когда кто-то нас протаранил — в лоб.

Сара Мерсер (коммерческий директор): Оказалось, что у этой девушки, как бы сказать, парализована рука. Локоть согнут и чуть вывернут, сама рука кажется меньше. Пальцы скрючены; она ими никогда ничего не брала и не поднимала. Нога с той же стороны была короче другой и при каждом шаге вихлялась от бедра. Девушка заметно хромала.

Она была бы очень хорошенькой, если бы не полиомиелит или паралич, после которого левая сторона лица осталась навсегда

расслабленной и неподвижной. Бедняжка: в конце каждой фразы она замирала, разинув рот. Пыталась выдавить из себя точное слово. Было мучительно трудно удерживаться и не заканчивать за нее все ее мысли. Выпив бокал мерло, она призналась, что причина всех ее увечий — мозговая травма, потому что мать ударила ее по голове.

Эхо Лоуренс: Да, такое я часто рассказываю. Мама меня ударила. И папа тоже, но не так, как можно подумать. Вообще-то ударила их я. Когда произошла авария, меня вынесло с заднего сиденья и швырнуло им обоим в головы. Полицейский не внес это в протокол, но я сломала обоим шеи. Моя голова так сильно ударилась об отцовскую, что правая височная доля съежилась. Моя рука такая же маленькая, как в восемь лет. Нога чуть-чуть выросла. Афазия — когда я долго подбираю слова — это почти поддельное. Я притворяюсь, что последнее слово в предложении меня... и тут я делаю паузу... душит. Как будто мне никак не удастся выговорить нужное... слово. Напряжение заставляет людей вслушиваться в то, что я говорю.

В нас врезался другой серый седан из окружного транспортного отдела, точь-в-точь такой, как у моей матери. Весь измятый и побитый. Лобовое столкновение. Второго водителя так и не нашли. Звучит... ждите, сейчас скажу... подозрительно.

Сара Мерсер: Девушка выросла сиротой и встречалась со всеми, кто ее пригласит. Один из парней привел ее в частный клуб свингеров, где люди делают это друг перед другом. Убедил ее встать посреди клуба и иметь с ним половой акт. Сзади. Она оказалась первой девушкой из всех, кто туда пришел, поэтому на них обращают больше внимания, чем ей хотелось бы. Чтобы пережить это, она плотно зажмуривается. Все это время бойфренд держит ее за усохшую руку и шепчет на ухо:

— *Meine kleine Hure...* [Моя маленькая сучка... (нем.)]

В глубине души девушке лестно это внимание: на нее глазеют десятки незнакомцев. Когда мучения заканчиваются, ее кожа мокра не только от пота. Она рада, что не сняла туфель, потому что стоит в лужице. С нее стекает сперма. Звучит абсурдно, но этот вечер резко поднял ее самооценку.

Раньше она и не подозревала, что этот парень говорит по-немецки.

Кэнада Мерсер: Мы подняли тему венерических заболеваний. Она заявила, что не стоит беспокоиться. Объяснила нам, что те, кто зарабатывает на жизнь, как она, обычно включают в прелюдию оральный секс. Но истинная их цель — обычный медосмотр клиента. Сифилис, сказала она, на вкус как курица с карри. Гепатит — как телятина с каперсами. Гонорея — как картофельные чипсы с луком и сметаной. ВИЧ — как попкорн со сливочным маслом. Лоуренс взглянула на мою жену и

сказала:

— Дайте мне вас полизать, и я скажу, были ли у вас венерические бородавки и какова вероятность рака шейки матки.

Почти все виды рака, сказала она, на вкус напоминают соус тартар.

Эхо Лоуренс: Когда я выросла, у меня начали потеть руки, стоит войти в автобус. В такси я едва могла вздохнуть. Если я сама садилась за руль, у меня в ушах громко колотилось сердце, я переставала различать цвета. Чуть не падала в обморок, настолько была уверена, что сейчас в меня врежется другая машина. На подсознательном уровне мною управляло воспоминание о том ударе. Дошло до того, что я даже не могла перейти улицу — боялась, что какой-нибудь водитель поедет на красный свет.

Мой мир рушился и сужался.

Сара Мерсер: Вот Кэнада вам скажет. Эта милая, симпатичная девушка-калека принесла с собой черную кожаную сумку, которую плюхнула на обеденный стол. В какой-то момент она отставила свой бокал с мерло и подошла к сумке. Расстегнула молнию и начала доставать эти... штуки. Длинные и толстые штуки из розовой резины, в некоторых местах такие изношенные, что могут сломаться внутри тебя пополам. Розовая резина с пятнами и разводами. Бурыми разводами, как от запекшейся крови. И черным осадком там, где потекли батарейки. Всякие штуки, которых я вообще не понимаю. Наручники и повязки на глаза. Клизма с не слишком чистым наконечником. Резиновые перчатки. Какие-то ужасные прищепки с пружинами, которые она назвала «зажимы на соски». И от всего жутко воняет хлоркой.

Весь этот ужас девушка выкладывала на мой полированный обеденный стол, где мы на День Благодарения едим индейку. Один вагинальный расширитель чего стоит — боже, такой старый, что пластмасса потрескалась! Помню, она еще сказала:

— Можете все это на мне опробовать...

Эхо Лоуренс: Я придумала эту речь — о вкусе гепатита и бородавок — задолго до знакомства с Рэнтом Кейси. То, что он действительно умел делать такие фокусы, — это, блин, невероятно! Однажды он полизал меня и сказал: хватит, мол, есть яйца. По вкусу моей щели определил, что у меня повышенный уровень холестерина. Потом анализы крови подтвердили, что он попал в десяточку.

Кэнада Мерсер: Эта девушка, Эхо, достала толстую белую свечу и зажгла. Мол, пусть воск расплавится, и можно капать ей на голую грудь. Погасила спичку и говорит:

— Не хочу, чтобы вы меня мучили из жалости. Надо, чтобы вам

нравилось меня мучить. Сегодня, — говорит, — все будет ради вас.

Сказала, что презирает «жалостливое садо-мазо».

Эхо Лоуренс: Вот смотрите: меня осенило, как лучше вылечиться. Если устроить аварию самой и выжить, возможно, я смогу справиться со страхом. Врезаться в другую машину, слегка «поцеловаться». Тогда я поняла бы, что смертельные аварии бывают очень редко и нечего из-за них беспокоиться. И я стала отслеживать других водителей, искать идеальную жертву. Для идеальной аварии. Одной-единственной идеальной и управляемой аварии.

Мне могла пригнуться какая-то машина, но когда я подбиралась настолько близко, чтобы врезаться в нее крылом, я замечала сзади детское сиденье. Или водитель был такой молодой, что любая авария уничтожила бы его страховку. А бывало, я ездила за кем-то, пока не понимала: у него ужасная работа, за которую и так платят мизер. Только растяжения шеи ему не хватало.

И все-таки новая роль очень успокоила мои нервы. Вместо того чтобы ждать, что сейчас меня убьет невнимательный водитель, я стала хищником. Охотником. Я искала жертву всю ночь. Даже не сосчитать, за сколькими людьми я следила, пытаюсь решить, стоит ли врезаться в их машину.

Кэнада Мерсер: Нет, мы не позанимались сексом втроем. Девушка даже не сняла плаща. Через неделю я вернулся домой и увидел, что Сара сидит с ней на кухне и пьет чай. Мы заплатили двести долларов наличкой — чтобы она часок попила чаю. Сара все повторяла ей, какая она хорошенькая. Через неделю возвращаюсь домой, а Сара моет ей голову в кухонной раковине. Она сделала девушке завивку с мелированием и заплатила по двести долларов за каждый час из трех, которые на все это ушли.

Мы надеялись, что, если Сара повысит ее самооценку, девушка сможет найти другую работу. Мы столько беседовали с ней, хвалили ее, что совсем забыли, что собирались завести собственного ребенка. Девушка обходилась нам так дорого и отнимала столько свободного времени, что я бы и собаку себе позволить не мог. Мы до сих пор видимся с ней каждую неделю. И я, если честно, думаю, что уже есть успехи.

Эхо Лоуренс: Моей идеальной жертвой оказался водитель с трупом оленя на крыше. Убийца Бэмби — мужик в камуфляжном жилете и вязаной шапке с «ушами». Он вел потрепанный четырехдверный седан, а мертвый олень был привязан в длину так, что голова касалась ветрового стекла.

В городе не так-то легко потерять из виду мертвого оленя. Я держусь на расстоянии, проезжаю квартал за кварталом, выжидаю. Ищу идеальное

место, где бы прищучить этого убийцу. Там, где авария не заблокирует движение и не повредит пешеходам.

Поймите: я охочусь на него так же, как он охотился на то несчастное четвероногое. Жду, чтобы сделать идеальный выстрел.

Вообще мне это начинает нравиться. Я страшно волнуюсь. Проскакиваю на желтый свет, держусь от него поодаль. Притормаживаю и отстаю, когда он поворачивает, потом поворачиваю следом. Пропускаю машины между нами, чтобы он не заметил, сколько я вишу в его зеркале заднего вида.

В какой-то момент я этого козла чуть не потеряла. Включается красный, а водитель нарушает и срезает направо, за следующий угол. Месяцы выслеживаний, и моя идеальная жертва убегает! Загорается зеленый, и я газую за ним, поворачиваю за тот же угол, но седан исчез. Еще один квартал. Я вглядываюсь в улицы, надеясь заметить труп оленя, этого бедного, несчастного, убитого оленя, но ничего не вижу. Полный, блин, ноль. Никого. Уже скоро утренний комендантский час, а мне меньше всего хочется получить долбаный пятисотдолларовый штраф за то, что меня засекли днем.

Сара Мерсер: Мы позвонили Тайсон-Нилам, и те признались, что тоже никогда не занимались с ней сексом. Они решили завести ребенка, потому что рассчитали: это обойдется им дешевле, чем еженедельные встречи с Эхо.

Эхо Лоуренс: Вот послушайте: я ехала домой, радуясь хотя бы тому, что не получу штраф за нарушение комендантского часа и не буду ругаться с каким-то охотником из глубинки за его разбитое крыло, — и тут вижу оленя. Машина съехала с улицы и стоит в проезде около фаст-фуда. Водитель опустил окно, высунул бородатую морду и гавкает что-то в микрофон. Во флуоресцентном свете машина как будто покрыта пятнами ржавчины. Краска поцарапанная. Почти вся желтая, как моча, только дверь водителя голубая, а крышка багажника — бежевая. Я останавливаюсь и жду.

Из окошка высовывается рука с белым пакетом. Водитель дает руке несколько банкнот. Еще секунда, и желтая машина съезжает с тротуара на дорогу. Но я снова у него на хвосте. Плотно застегиваю ремень на бедрах. Еще чуть-чуть, и мой передний бампер врежется ему в задницу. Я глубоко вдыхаю. Закрываю глаза и изо всех сил нажимаю на педаль газа.

И опять, блин, ничего! Он рванул вперед и давай лавировать среди машин, да так быстро, что задница мертвого оленя машет мне хвостом.

В погоне я забываю, что у меня парализована рука и нога. Я забываю,

что половина моего лица не улыбается. В погоне за ним я не сирота и не девушка. Я не Ночная из убогой квартирки. Задница оленя пляшет в потоке машин, и это все, что я вижу.

Впереди включается красный. Желтая машина включает тормозные огни и собирается повернуть направо. На секунду олень пропадает из виду. Я поворачиваю за ним. И там, в тихом переулке, без свидетелей и полиции, я закрываю глаза и... ба-бах!

Этот звук... Этот звук до сих пор звучит у меня в голове! Время, застывшее навсегда. Жалею только, что не сгрузила через порт погоню и нападение, но я все равно никогда их не забуду.

Я врезалась в него так сильно, что олень слетел с крыши. Веревки порвались, олень распался на куски. Живот разорвался пополам. А внутри вместо крови и кишок... белое. Чисто белое.

Водитель распахивает дверь и вылезает наружу. Бородатый. Камуфляжный жилет — стеганный и огромный. «Уши» болтаются. Идет ко мне.

Я говорю:

— Ваш олень, блин... Он же ненастоящий.

А он:

— Конечно, ненастоящий!

Я спрашиваю:

— Он... пенопластовый?

Оказывается, что олень — это мишень для охотников-лучников.

Охотник меня спрашивает:

— Где, блин, твой флаг? — Заходит за мою машину, смотрит на номер.

— Я уж точно заявлю о твоих фолах... без флага... удар гораздо сильнее... много фолов.

Кэнада Мерсер: Мы так и не дошли до экспериментов с ремнями и полицейскими формами. На Рождество мы спросили Эхо, что бы она хотела получить от Санта Клауса, и она сказала:

— Большой фаллоимитатор.

Но мы сложились с Тайсон-Нилами и еще несколькими парами и купили ей машину. Водитель из нее, наверное...

Эхо Лоуренс: Это долбаное мелирование! Не могла дождаться, пока оно сойдет!

Сара Мерсер: У меня навсегда пропало желание есть соус тартар.

22 — Прошлое

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): Что до меня, причина моего участия в автосалках проста: я ценю свою жизнь. Я души не чаю в друзьях и близких. Я дорожу здоровьем и всеми способностями своего уже немолодого, но еще не дряхлого организма.

Я считаю себя невероятно везучим человеком, и все же бывает всякое. В нашей стране ежегодно становятся жертвами убийц шестнадцать тысяч человек. За то же время в автокатастрофах погибает около сорока трех тысяч.

Всякий раз, когда я за рулем, все, чем я дорожу, могут у меня отобрать. Вырвать из рук в мгновение ока без суда и следствия. В автомобиле каждые несколько секунд в дюйме от тебя проносится смерть. Всякий раз, когда навстречу мне едет другой автомобиль, меня могут подвергнуть пыткам, каких не применил бы ни один диктатор. Тот водитель, быть может, всю жизнь жрал гамбургеры, и когда его машина встречается с моей, его заплывшее жиром сердце отказывает. Ослепнув от боли, он хватается за грудь. Автомобиль заносит и ударяет о мой; я врезаюсь в другую машину, в бензовоз, в ограждение — или падаю с отвесной скалы.

И хотя всю жизнь я отказывался от калорийных десертов и по вечерам бегал трусцой, несмотря на всю мою осторожность, умеренность и самодисциплину, я попал в ловушку, в капкан из стали и алюминия. Мое тело пронзили тысячи осколков стекла. Моя кровь с пониженным уровнем холестерина бьет из меня горячими фонтанами.

Все мои старания насмарку. Что жертва инфаркта, что я — мы оба одинаково мертвы.

Бывает всякое.

Эхо Лоуренс начала играть в автосалки, чтобы победить свое прошлое. Мистер Даньян — чтобы самому пережить нечто реальное вместо записей чужих приключений, которыми он развлекался всю жизнь. Отважусь предположить, что Рэнту Кейси просто нравится быть с людьми. Ну а я пришел к автосалкам, потому что всякое бывает. Люди, которых любишь, могут погибнуть. Все, что ценишь, не вечно. Я должен это принять и смириться.

Айрин Кейси (мать Рэнта): Припоминаю, что где-то в это время пришло письмо от Бастера. В конверте был снимок, где он целует какого-то незнакомого мальчика. Я и не знала, что думать. На другом снимке Бадди

был в рубашке и галстук, собирался на свадьбу друга, и Честер сказал, все-таки есть надежда. Бадди написал, что работает в фирме по уничтожению вредителей и что у него есть своя квартира. Еще он собирается полечить зубы, а одна знакомая девушка учит его йоге. Девушка — слава Богу!

Мы написали, что в церкви про него спрашивала Кэмми Эллиот. Она как раз вылечилась от бешенства. На случай, если он и его новые приятели плохо кушают, я послала ему сливочной помадки. Его любимой: чтоб было много грецких орехов и канцелярских кнопок.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: До того, как был введен Федеральный закон об эффективном использовании инфраструктуры — сокращенно закон ЭИИ, который тут же прозвали «Эй», — транспортники искали способы, как заставить дорожную сеть вместить больше транспорта. В первую очередь они стали изучать нарушения транспортного потока: как легкое столкновение вызывает цепную реакцию, от которой в пробке оказываются все машины до самого горизонта? Многое из того, что я пишу, вам придется принять на веру. Вопреки Закону о свободе информации никто не подтвердит такие конфиденциальные сведения. Опытные государственные машины официально нигде не упоминаются. На бумаге этот проект называется «Моделирование эффекта инцидентов».

Айрин Кейси: Еще Бадди присылал фотографии друзей. Девушка — на вид совсем больная. Одна рука у нее, о боже, как клешня богомола! Крошечная такая, кисть притянута к груди. В маленьких пальцах зажата розовая бейсбольная бита, такая длинная, что верхний конец лежит на плече. Она сидит на ковре скрестив ноги и второй, нормальной рукой как будто трет битку наждачкой. А на других снимках мажет эту розовую битку обувным кремом. Ну уж нет, на моем ковре такую грязь она разводить не будет!

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Моделирование эффекта инцидентов фактически сводилось к тому, что инженеры-транспортники брали из государственного резерва старые машины без номеров и в час «пик» намеренно сталкивались друг с другом на оживленных транспортных артериях. Проект позволял одним выстрелом убить двух зайцев: во-первых, устаревшие четырехдверные седаны отправлялись на свалку, предварительно послужив на благо человечества. Во-вторых инженеры набирали видеоматериалы о реакции водителей на произошедшую неподалеку аварию.

Благодаря ограничению скорости аварии не причиняли большого вреда, разве только краска лупилась или металл мялся. Однако на видео

заметно явное замедление движения на дороге. Вуайеризм — печально известный и неприятный эффект зеваки.

Д-р Бреннен Бенворт (дантист): Согласно нашим записям, Бастер Кейси посещал кабинет один раз. Моя гигиенистка до сих пор не может забыть его зубы — более страшной окраски она не видела. Мистера Кейси направил к нам наш давний пациент и любимец клиники — молодой человек по имени Карл Вэксмен.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Всякие тонкокожие активисты и любители совать нос не в свое дело жалуются на дорожные сводки «Авторадио». На передачу «Дорожные картинки» с лозунгом: «Мы знаем, что нужно зевакам...» Естественно, за этой радиопередачей стоит министерство транспорта. Транспортники хотели выяснить, станут ли водители глазеть на аварию, если будут точно знать, что увидят. Если радиоведущий расскажет самые мрачные подробности, не перестанет ли движение замедляться?

Транспортники прослушивают радиочастоты «скорой» и передают все мрачные подробности ведущему. Слушатели в большинстве своем обожают эту передачу. Людям очень нравятся автокатастрофы: можно глянуть одним глазком, а можно смотреть долго и всласть.

Эхо Лоуренс (автосалочница): Да, я хотела, чтобы Рэнт занимался йогой перед автосалками. И всем советую, чтобы сохранить гибкость и избежать травм. Йога и растяжка. Я показала ему позу собаки головой вниз и позу кролика. Когда мы учили позу лучника, Рэнт спросил меня о «наемном убийце», с которым связалась Тина Самсинг, — ее бойфренде Карле Вэксмене. Рэнту очень понравились зубы этого придурка.

Тина Самсинг (автосалочница): А мне по барабану, что говорит полиция! Вэкс этого чудака не убивал!

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Задолго до того, как возникли автосалки в современном виде, транспортники начали друг друга «осаливать». На видео показано, что в каждой машине обычно сидели четыре человека: один за рулем, второй следит за видеозаписью, остальные высматривают такие же побитые серые машины. Все автомобили одного и того же образца: четыре цилиндра, автоматическая коробка передач, тройные ремни безопасности и большая табличка «Не курить!» на приборной панели.

Инженеры в государственных машинах обожали друг на друга охотиться. Эти серые седаны было легко заметить, особенно во второй половине дня. Полная медицинская страховка, госмашина, на которой можно и даже нужно устраивать небольшие аварии, и даже плата за

сверхурочные — команды транспортников были очень довольны работой.

Мур Джеррел (частный детектив): Нам удалось обнаружить кандидата на роль биологического отца клиента по его нечеткому описанию. Это хорошая новость. Человека звали Чарльз Кейси. Вышеупомянутый Чарльз Кейси, также известный под именем Чарли, получил статус Ночного и квартиру по жилищной программе в рамках закона «Эй». Во время учебы в колледже он работал на различных государственных работах.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Моделирование эффекта инцидентов оказалось настолько увлекательным, что, когда исследование закончилось и сотрудников отправили измерять транспортный поток и определять интервалы светофоров, участники не смогли остановиться. Уже бесплатно, в собственных машинах инженеры продолжали играть в ту же игру. Естественно, об этом узнали люди со стороны. Как бы тщательно ты ни держал что-то в секрете, всякое бывает.

Мур Джеррел: Есть и плохая новость. Обнаруженный нами Чарльз Кейси без вести пропал и считается мертвым почти шестнадцать лет. Он работал транспортным инженером и погиб в аварии в рабочее время. Он, по всей видимости, взял автомобиль со стоянки транспортного отдела и совершил лобовое столкновение с другим автомобилем, которым управляла его коллега. Женщина и ее муж погибли. Дочь, спавшая на заднем сиденье, осталась калекой.

Тело Чарльза Кейси на месте аварии не было обнаружено. Погибших супругов звали Ларри и Сьюпрема Лоуренс.

Айрин Кейси: На последнем снимке от Бадди стало понятно, что эта девушка-калека полирует не бейсбольную биту. Эта толстая розовая штука, которую она трет наждачкой и металлической мочалкой, а потом мажет обувным кремом и спитым чаем, — точь-в-точь гигантский мужской инструмент. Девушка со скрюченной рукой делает себе большой и грязный мужской член... И это мама моих будущих внуков?

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Как бы странно это ни звучало, работники «скорой» по-прежнему передают Тине Самсинг кровавые подробности каждого несчастного случая. Правительство все отрицает, но это чистая правда.

Все взаимосвязано: закон «Эй». Команды любителей врезаться в чужие машины. Ночь против Дня. «Дорожные картинки». На деньги налогоплательщиков была построена культура автосалок. Инженеры на госмашинах не остались в истории, но именно из-за их экспериментов страну поделили на День и Ночь. И создали самую популярную дневную

радиопередачу на рынке.

Эхо Лоуренс: Ну да, блин! На надгробном камне моего отца написано: «Лоуренс Лоуренс». Не смешно. И все-таки Рэнта убил Вэксмен. Конечно, зубы у него классные, но сам он тварь.

Шот Даньян (автосалочник): Тварь - не то слово.

23 — Любовь

Шот Даньян (автосалочник): Как только Рэнт подкатил ко мне с вопросом, у какого автомобиля самое большое заднее сиденье, я понял, в чем дело. И посоветовал ему купить машину с обивкой потемнее.

Эхо Лоуренс (автосалочница): Да не слушайте его! В первый раз, когда мы остались одни, я спросила Рэнта что ему на самом деле от меня надо. Он хочет сделать меня своей девушкой, а потом отвезти домой, как уродливую дубину для родителей? Встречаться с калеккой, инвалидом — это такой запоздалый подростковый бунт? Лучший способ нагнать страху на предков с фермы?

Или я объект его эротических фантазий? Неужели с нормальными девушками, у которых две нормальные руки и ноги, а губы могут целовать твои, сексом заниматься скучно? Или трахнуть меня — еще одна цель его большой сексуальной охоты?

Или я единственная девушка, с кем он знаком в этом великом и ужасном городе? Его наставница. Проводник по Ночной жизни. Может, он просто цепляется за меня, потому что ему в этом жутком новом мире страшно одному?

Я сидела на заднем сиденье «Эльдорадо» и говорила, говорила. Мы встали у каких-то кустов, подальше от фонарей, хотя в городе настоящей темноты не бывает. Помню, что Рэнт был в своем синем рабочем комбинезоне, от которого воняло чем-то ядовитым. Звучит не очень романтично.

Шот Даньян: Я не только выдаю всяким идиотам напрокат отстойные «пики», но и сам иногда подключаюсь, чтобы быть в курсе новинок. Последние пару недель от дистрибьюторов шел сплошной брак. Смотришь «пик» с десертом, и вдруг дорожка вкуса отключается. Толстый ломоть шоколадного торта превращается в липкую жирную кашу. Пахнет шоколадом, но во рту просто вязкая текстура. Однажды дома во время комендантского часа я включил свой любимый порно-«пик». Но ни одно влагилище вообще не пахло. Дело было не в транскриптах, а в моих мозгах.

Эхо Лоуренс: Рэнт сидит и смотрит на меня, пока я не замолкаю. Он тоже молчит — столько, что два раза бы переключился светофор, а потом спрашивает:

— Что ты вчера ела на завтрак?

Мимо не проезжают машины. Улица пуста. Глаза Рэнта блестят в

сумраке. Черных зубов не видно.

Вчера? У меня в морозилке одни блины, но в «Томмиз» я обычно беру котлеты с овощами и картошкой.

Я говорю:

— Кашу. — Потом: — Нет, погоди. Гренки... Нет... гренки с корицей...

Рэнт скользит рукой по сиденью и находит своими пальцами мои. Подносит мою руку к лицу, касаясь губами фаланг, нюхает, прикрыв глаза, и говорит:

— Ошибаешься. Вчера ты ела овсянку с кленовым сахаром и тыквенными семечками, ванильный йогурт и сушеную клюкву...

В десяточку.

Шот Даньян: Почти все «пики» — дерьмо по сравнению даже с самыми скучными автосалками. Всю ночь напролет сидишь в машине в компании, слушаешь музыку, что-то жуешь — и слегка щекочешь себе нервишки. У тебя секретная миссия — встретить новых людей. Реальных. Ты путешествуешь в никуда.

И все-таки я подключаюсь к «пикам» с тех пор, как мне надели подгузники. Есть такие, для развития младенцев. Я полдетства просидел с нянями из транскриптов. Я скриптохудожник. Если я не могу подключиться, я как слепой художник или глухой музыкант. Это не кошмар, это вообще за гранью!

Эхо Лоуренс: Рэнт поднес мою руку к моему лицу и сказал:

— Понюхай.

Я наклонилась, но услышала только запах собственной кожи, мыла, пластмассовый запах старого лака для ногтей. Инсектицидный запах Рэнта.

Рэнт зарывается носом в мои волосы, прикладывает губы к шее под ухом, нюхает и говорит:

— Что ты ела на ужин две ночи назад?

Наши пальцы переплелись. Его дыхание на моей шее. Он меряет мой пульс губами и теплым, мокрым кончиком языка.

Я говорю:

— Индейка? Лазанья?

Рэнт жарко дышит мне в ухо:

— Тако с салатом. Белый лук, не желтый и не красный. Кусочки айсберг-салата. Куриная котлета.

У меня уже твердеют соски. Я спрашиваю:

— Белое мясо или темное?

Шот Даньян: «Пики» искажаются от насморка — еда, когда болен, совсем другая на вкус. Я, наверно, простудился. Через неделю, без соплей и

больного горла, я все так же не мог подключиться и нормально пережить «пик». Я уже надумал, что у меня опухоль мозга.

Эхо Лоуренс: Целуя меня в веки, Рэнт прошептал:

— Выбрось ты эти розы...

Он никогда у меня не был. Тогда он даже не знал, где я живу. Я спросила его:

— Какие?

— Их тебе парень подарил?

Я спросила, какого розы цвета.

— Или девушка?

А я ему: он что, за мной следил? Рэнт отвечает:

— Розовые.

Целует меня в лоб, нюхает, пробует на вкус кожу; потом целует в закрытые глаза, нос и щеки и говорит:

— Две дюжины. Розы «Нэнси Рейган» с перекати-полем и крошечными белыми гвоздиками.

Это подарок, говорю я ему, от одной приятной пары среднего возраста, на которую я иногда работаю.

Шот Даньян: Через неделю мне звонит врач — точнее, просто тетка из клиники. Звонит и говорит, чтобы я пришел к ним, как только смогу. Не хочет по телефону говорить про мой анализ крови. Когда в голосе такая фальшивая улыбка, понятно, что новости плохие. Просто их финансовому отделу нужно успеть взять с тебя все деньги, пока ты не откинешь копыта. Я прихожу, и док говорит: бешенство. Честно, блин, бешенство! Делает мне первый укол из пяти. А насчет «пиков» никаких гарантий.

Прямо из клиники, из таксофона в комнате ожидания, я позвонил Эхо и сказал ей никогда, ни за что не подпускать Рэнта Кейси ко рту.

Эхо Лоуренс: Целуя меня в губы, Рэнт говорит, что головка моего душа латунная, а не хромированная. По моему запаху и вкусу он определил, что я сплю на подушках из гусиного пуха. У меня есть свеча с ароматом кокоса, которую я никогда не зажигала.

Лью Терри (домоуправ): Я заходил в квартиру мистера Кейси только один раз, и то предупредив за сутки, как положено. Говорили, что он держит домашних животных. Я огляделся — ничего нет. На полу матрас. Телефон-автоответчик. Чемодан. В шкафу синий комбинезон, в котором он все время и ходил. Что чистый, что грязный, Кейси пах каким-то ядом.

Если кто скажет, что я что-то взял, — там брать было нечего.

Эхо Лоуренс: Я целовалась с Рэнтом не потому, что он унюхал, что я ела. Я увидела, какой он ласковый с огромным страшным пауком. Он

расстегнул молнию на кармане и засунул руку внутрь. Когда он раскрыл ладонь, на ней оказался гигантский паук. Медленно переворачивая руку, он следил, как паук переползает на тыльную сторону, цепляясь за крупные вены.

Мы оба смотрим на паука. Я спрашиваю:

— Он ядовитый?

Блестящий, не волосатый. Ножки тонкие, как восемь угольно-черных иголок от шприцев. Паук сгибает все восемь коленей и садится на кожу Рэнта.

Мерзкий, как моя доля.

А Рэнт говорит:

— Я назвал ее Дорис.

Лью Терри: В шкафу Кейси, у задней стенки, я нашел банки. Разные, из-под майонеза, огурцов и соусов Для спагетти, чистые, мытые. Сначала я подумал, пустые, но потом отвертел одну крышку. Внутри ничего, а когда я хотел опять закрутить банку — смотрю, на крышке сидит огромный черный паук. И так на каждой. Огромные, страшные гады!

Что бы кто ни говорил, я ничего не брал. Ни денег, ничего.

Эхо Лоуренс: Стекла уже затуманились от нашего дыхания. Но пока мы смотрели на паука, ни я, ни Рэнт не дышали. Наконец Рэнт выдохнул, и паук его укусил. Он вдохнул, я вдохнула. Рэнт сказал:

— Опустит свое окно. Я открыла окно.

Перегнувшись через меня, Рэнт высунул руку в ночной воздух. Страхнув паука в кусты у машины, он сказал:

— Спокойной ночи, Дорри!

Пока он перегибался, придавив своими бедрами мои, я почувствовала, как на него подействовал яд «черной вдовы».

Тодд Ратц (продавец-нумизмат): Приблизительно в то же время, когда этот парень, Кейси, продавал мне монеты, я познакомился с Лью Терри. Терри принес мне несколько хороших образцов. Насколько я помню, четверть доллара с головой индейца тысяча девятьсот десятого года выпуска в исключительно хорошей сохранности. И четверть с головой Свободы тысяча девятьсот седьмого года, практически необращавшаяся. Не бог весть что, но я их купил. Только от полиции я узнал, что Терри и Кейси жили в одном доме.

Эхо Лоуренс: Губы Рэнта спускаются по моему горлу, а я задаю ему задачку: унюхать, какие я принимаю противозачаточные.

Рэнт касается губами моей груди и говорит:

— Никакие. У тебя закончились месячные тридцать четыре... нет,

тридцать шесть часов назад.

Когда я сказала «спускаются по горлу», я имела в виду - снаружи.

Тодд Ратц: Этот Лью Терри — явно Ночной от рождения. Бледный. Лицо и руки светлые-светлые, как у младенца. Всегда в засаленном буром плаще и коричневой вязаной шапке, сдвинутой слишком далеко на лоб.

Эхо Лоуренс:

— И вообще, — говорит Рэнт, — зачем девственнице противозачаточные?

Тодд Ратц: Однажды ночью этот Терри приходит ко мне в магазин и предлагает голову Свободы и голову индейца. Просит полторы тысячи долларов.

Эхо Лоуренс: Конечно, я была девственницей! С такой-то рукой, усохшей, как ветка. Часто я даже не замечала, что у меня текут слюни. С парализованной стороны. В моей работе я научилась извлекать из своей страхолюдности выгоду. А вы думаете, я могла стать женщиной-вамп? Щелкнуть пальцами и из ярмарочного уродца превратиться в сексапильную конфетку?

Тодд Ратц: Кейси стал приносить все более мелкие монеты: пятицентовики с изображением буйвола, пшеничные пенни — ничего особенного. Видимо, его запасы подходили к концу.

Эхо Лоуренс: На следующую ночь Рэнт прислал мне, блин, две дюжины алых роз. И ключи от «Гэлэкси-500».

Шот Даньян: Эти долбаные уколы от бешенства длились целую вечность. Да я еще вечно заражался заново от собственной зубной щетки. В конце концов мой порт заглох, как у самого Рэнта Кейси. Заглох конкретно.

Лью Терри: Еще помню, что у Кейси на стене над кроватью висели такие комочки. Круглые и черные, как жуки. Мягкие, как гашиш. Только на вкус не похожи.

Эхо Лоуренс: В первую ночь в «Эльдорадо» у меня была одна мысль: «Слава Богу, что сиденья бордовые!»

24 — Обратни-2

Вивика Броули (танцовщица): Видите, какая у меня на ступне кожа — гладкая, белая, как кусок мыла? До этого у меня были очень красивые ступни. Многие так говорили. Я могла и не раздеваться, только скину туфли, и некоторые посетители сразу суют мне деньги.

Д-р Феба Трюффо (эпидемиолог): В разгар Пелопоннесской войны в 431 г. до н.э. Фукидид писал о чуме, которая распространилась на север из Эфиопии через Египет и Ливию. Жители Афин страдали от жара, чихания и сильного кашля. Тела наливались кровью, тысячи людей сбрасывали одежды и, пытаясь утолить сильнейшую жажду, тонули в глубоких общественных колодцах и резервуарах. Город-государство был деморализован, флот сильно пострадал. Так корь уничтожила цивилизацию древних греков.

В первом веке до нашей эры вирулентная разновидность ветрянки погнала гуннов из Монголии, где они обитали, на запад, к Риму. Главным врагом великой армии Наполеона стала бактерия *Rickettsia prowazekii*, или возбудитель сыпного тифа.

Величайшие цивилизации всегда гибли от эпидемий.

Карло Тиенго (управляющий ночным клубом): Вив? Да, учтите, у нас все танцовщицы ходили под кайфом, по крайней мере пока выступают. В основном под опиатами.

Это не совсем легально, учтите, но очень просто. Кто-то принимает наркотики — по-настоящему колется или нюхает, — а потом подкручивает какой-нибудь готовый «пик», например, транскрипт про крошку Бекки. Все это сгружает на запись, а мы потом убираем из скрипта крошку Бекки. Получается опиатный эффект в чистом виде. Кайф в эфире. И мы кольцуем его и вещаем на сцену. Танцовщица вступает в круг этого кайфа, и все ее заботы как корова языком слизнула.

Д-р Феба Трюффо: В 1347 году Англия была аграрной нацией, которая выращивала и экспортировала зерно. В том же году в Геную прибыли купцы, заразившиеся черной чумой. К 1377 году полтора миллиона англичан погибло — целая треть населения. Поскольку рук на ведение сельского хозяйства не хватало, вся экономика переключилась с зерна на овец, и английская феодальная система была разрушена.

Вивика Броули: Берни стоял на дверях. Просто ужас, что с ним случилось. Его разорвали на куски, и полицейские не успели.

Карло Тиенго: Клиенты, учтите, — совсем другое дело. Наш бизнес — одноразовый, первичный опыт. Если мы засечем, как кто-то сгружает или передает свой опыт в клубе, мы его сразу выбрасываем на улицу.

Чтобы защитить свой товар, мы начали вещать заглушающий эффект. Любой активный порт перестает работать. Сплошные помехи. А то у нас скриптохудожники сидели бы по всему периметру, записывали бы каждую танцовщицу и сгружали в сеть. Одна запись лэп-данса может уничтожить карьеру какой-нибудь бедняжки. Первый говнюк за нее заплатит, а всем остальным достанется на халяву.

Д-р Феба Трюффо: Во время Великой Лондонской Чумы 1665 года до 1 июля еженедельная смертность колебалась между сотней и четырьмя сотнями человек. К концу июня эта цифра составила две тысячи человек. К концу июля умирало шесть с половиной тысяч в неделю, а к концу августа — семь. В то время как обычным источником бубонной чумы считались блохи европейской черной крысы (*Rattus rattus*), резкое распространение инфекции было вызвано изменением способа заражения. Вместо блошиных укусов чумной микроб *Pasteurella pestis* начал передаваться от человека человеку через капельки слюны и слизи, извергаемые при кашле и чихании.

Карло Тиенго: В последнее время у нас было много народу, все из-за бешенства. Эти извращенцы, что заразились, не могут переживать то, что скачали из сети. И приходится идти к нам и платить за первичный опыт. Да, зря я этого не учел. Каждый вторник, если в зале больше шести извращенцев, надо что-то делать. А в ту ночь, когда убили Берни, вокруг сцены стояло с полсотни Слюнявых. Дергались, пускали слюни. Щурились, хотя свет слабый. Все симптомы, точно.

Д-р Феба Трюффо: Начиная с 1490 года, по Европе и Азии распространилась новая эпидемия. Первым симптомом была маленькая язвочка в месте заражения, которая исчезала через три — восемь недель, оставляя после себя небольшой шрам. Через несколько недель возникало впечатление, что инфекция ушла. Китайцы называли ее «кантонскими болячками». Японцы — «китайской болезнью». Для французов это была «испанка», а для англичан — «французская чума». Современное название происходит от имени воображаемого пастуха — персонажа поэмы Джироламо Фракасторо «Сифилис, или Французская болезнь», написанной в 1530 г.

Вивика Броули: Один из моих постоянных клиентов, такой лысый Ночной, выглядел совсем хреново. Сидел, облокотившись на обитый мягким край сцены, и пускал слюни, весь подбородок блестел. У нас

правило — «Не трогать», но он тянет пятидолларовую бумажку, сложенную вдоль, будто хочет просунуть мне между пальцев ноги. Дальнобойщик какой-то, кажется.

Раньше, когда у меня было на ногах десять пальцев, я всегда делала себе французский педикюр. Теперь, если бы я разулась в салоне, педикюрша бы заорала благим матом и убежала.

Д-р Феба Трюффо: В последней латентной стадии третичный сифилис ослабляет стенки кровеносных сосудов и приводит к смерти от инфаркта или инсульта. Кроме того, заболевание поражает центральную нервную систему, включая мозг. К симптомам относятся такие изменения личности, как маниакальный оптимизм и повышенная возбудимость, что приводит к сифилитической деменции. Подобная гиперактивность в комплексе с вышеупомянутым повреждением мозга может подтолкнуть больного к навязчивым и неразборчивым половым связям, что способствует еще большему распространению заболевания. Поэтому сифилис прозвали «болезнью Купидона».

Карло Тиенго: Вив шевелит пальцами ног, так она обычно берет деньги. Слюнявый — какой-то извращенец, который в день зарплаты заходит к нам после работы, — встает со своей табуретки и переваливается на сцену. Вив садится, опираясь руками, и сует ногу ему в лицо, как любят эти извращенцы. И кричит!

Вивика Броули: Видите, на правой стопе, где должны быть три пальчика? Вот сколько он запихнул себе в рот. Лысый дальнобойщик. Вцепился руками мне в щиколотку и кусает. Я кричу, зову Берни. Карло стоит за стойкой и ничего не делает. Свободной пяткой я луплю этого по лбу, по глазам... Тут Берни хватает его сзади за плечо и поворачивает к себе.

Он сжимает челюсти, и вдруг — щелк! Этот «щелк» до сих пор стоит у меня в ушах. С тех самых пор моя нога стала такой.

Д-р Феба Трюффо: До 1564 года Иван IV, первый царь Всея Руси, дал подданным свободу мнения и слова. Он принимал прошения от всех сословий, и даже самый бедный подданный мог обратиться лично к нему. У него было трое сыновей, один из которых умер в возрасте полугода, другой был сонным и тупым, а третий присоединился к отцу, когда тот прослыл Грозным.

Все три сына страдали от врожденного сифилиса. У отца прогрессировал сифилис мозга, и после 1564 года он казнил тысячи людей сожжением или варением в кипятке. В Новгороде царь с сыном пять недель забивали заключенных батогами, жарили живьем или топили подо льдом на реке. 19 ноября 1581 года царь заколол копьем со стальным

наконецником своего сына, названного в его же честь.

Карло Тиенго: Бенджамин Сирли — его обычно звали Берни — был огромным детиной. Весил три сотни фунтов, не меньше. Один сезон играл в профессиональный баскетбол. Берни разворачивает этого психованного к себе. Отрывает его челюсти от ноги Вив и крутит к себе, а этот псих впивается Берни в шею. В такую вену, что там есть, — яремную.

Д-р Феба Трюффо: Жертвами сифилиса стали король Англии Генрих VIII, короли Франции Карл VIII и Франциск I, а также художники Бенвенуто Челлини, Тулуз-Лотрек и писатель Ги де Мопассан.

В Париже 1500 года треть жителей была заражена сифилисом. По сообщениям Эразма, в среде благородного сословия быть незараженным значило подвергаться обвинению в невежестве и неотесанности. К 1579 году, по данным врача Уильяма Клоуза, сифилисом были больны три четверти жителей Лондона.

Вивика Броули: Странно, чего только не помнишь... смотрю на свою ногу и вижу, что из нее торчит проволока. Серебристая проволока и розовая пластмасса. И на секунду я решила, что я робот, какой-то андроид. И только сейчас об этом узнала... Но это не так. Я все еще под кайфом, у меня течет кровь, я в шоке. Но я не андроид.

А проволока — это у того зубной протез, да, протез и два зуба торчат у меня из ноги. А настоящими зубами он вцепился в горло Берни.

Д-р Феба Трюффо: Как и в случае бубонной чумы, скорость распространения сифилиса резко возросла в связи с изменением природы возбудителя. Скорее всего заболевание пришло в Европу не из Нового Света, а развилось из африканской кожной инфекции под названием «фрамбезия», которая в основном распространялась среди детей, играющих голыми. Бактериологически оба заболевания идентичны, хотя фрамбезия распространяется при любом физическом контакте с кожными высыпаниями. Поскольку в более холодном европейском климате требуется одежда, фрамбезия стала распространяться путем обычного приветствия: поцелуя в губы. Лишь когда заболевание сифилисом приобрело характер эпидемии, европейцы заменили поцелуй рукопожатием, и болезнь стала венерической.

Карло Тиенго: То ли они кровь увидели, то ли что, но каждый Слюнявый и извращенец в клубе набрасываются на Берни. Вив с другими девочками запираются за сценой. Мы с барменом закрываемся в офисе и звоним в полицию. Дверь из цельного дуба, толстая, как телефонный справочник, но все равно слышно, как Берни зовет на помощь.

Д-р Феба Трюффо: Вполне можно предположить, что, как бубонная

чума и сифилис, современная эпидемия бешенства вызвана случайными контактами. Бешенство стало болезнью перенаселенных городов. Как и сифилис, это заболевание приводит больного в возбужденное состояние, в котором он стремится к общению с другими и заражает их. Более того, вред, который рабдовирус наносит центральной нервной системе, не позволяет жертве переживать «пики» или каким-либо другим способом наслаждаться нейроскриптами в одиночестве. Соответственно растет вероятность, что инфицированный будет искать развлечения вне дома, в таких рискованных занятиях, как автосалки, или вести беспорядочную половую жизнь.

Вивика Броули: Бедный Берни! Когда копы всех перестреляли, им пришлось вскрывать желудки, чтобы собрать бедолагу по кусочкам. Уши, нос, губы... В больнице мне показали пальцы в ванночке с соленой водой и предложили пришить их заново. На ногтях еще остался красивый французский педикюр с белыми кончиками.

Но я посмотрела на них — пожеванные, полупереваренные — и сказала врачам:

— А ну их!

25 — Козел отпущения

Айрин Кейси (мать Рэнта): Если верить этой девушке-инвалидке, получается, что они провели вместе первую ночь тогда же, когда, полиция говорит, Бадди якобы убил женщину. Которой принадлежал зоомагазин, как ее, Либби.

Шот Даньян (автосалочник): Что самое приятное в автосалках, так это как они похожи на реальную жизнь. То есть пьяному водиле до лампочки, что ты уже много лет пишешь картины и на следующей неделе у тебя первая выставка. Что, не мрак? Оленю весом в полторы сотни фунтов, который стоит в тени и вот-вот выскочит на дорогу, невдомек, что на следующей неделе у вас должен родиться ребенок.

Масло попало на тормозную педаль или у кого-то зазвонил сотовый...

Отвинтилась какая-нибудь гайка или за рулем заснул водитель грузовика...

И всем по фигу, что ты три года не пил, или наконец прекрасно выглядишь в бикини, или встретил свой идеал и дико, страстно, безумно влюбился. Сегодня, пока ты забираешь одежду из химчистки, отправляешь отчеты по факсу, гладишь белье или моешь посуду, к тебе уже подкрадывается случайность.

Роуми Миллс (уголовный следователь): Эдит Либби, жертва, была ростом пять футов восемь дюймов и весом сто двадцать восемь фунтов. Тело обнаружили во время утреннего прочесывания города после комендантского часа в квартале, граничащем как с Ночными, так и с Дневными районами. Причину смерти выявили не сразу. Заметных травм не было обнаружено. Место гибели не находилось под наблюдением уличных камер.

Шот Даньян: Я могу смириться со всем этим — с шальной пулей, пьяным водителем или опухолью — благодаря автосалкам. В эти ночи яправляю хаосом. Двигаю непослушной судьбой. Танцую с неизбежным — и остаюсь в живых.

Это моя маленькая генеральная репетиция.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): Если вы утверждаете, что наступил прогресс, не советую слишком пристально всматриваться в прошлое. Да, нельзя отрицать, что улицы не так переполнены, как до введения комендантских часов закона «Эй», но в обществе навсегда поселилось недовольство. Есть люди, которые считают

себя обделенными.

Линн Коффи (журналистка): Изучите любую миленькую демократию, хоть тех же древних греков, и увидите, что этот строй мог существовать только благодаря рабочему классу — рабам. Пеонам, которые выносят мусор, пока сливки общества устраивают избирательные кампании и голосуют. Роль рабов начали играть Ночные. Ночь — очень действенный способ убрать рабочий класс с глаз долой.

Вы меня простите, но я освещаю местную политику уже два десятка лет и, думаю, заслужила право наконец сказать правду. А правда в том, что ни одного Ночного еще не избрали президентом.

Роуми Миллс: Уэйд Моррисон — еще один случай. Возраст — двадцать четыре года. Урожденный Ночной. Однажды среди ночи он упал и умер, совсем как Либби. Признаюсь, что мы не считали эти смерти гомицидом, пока не обнаружилась некая закономерность.

Линн Коффи: Так или иначе, у нас сегрегация, но не в пространстве — задние сиденья в автобусе или галерка в кинотеатре, — а во времени. Можете называть это общественным договором, вроде ограничения скорости или строительных норм, но все равно люди живут в ночную, кладбищенскую смену. Дождитесь комендантского часа, и вы узнаете, насколько равны ваши права.

В ответ всегда любят приводить аргумент, что Ночные могут уехать из города и переселиться в сельскую местность, где закон «Эй» не действует. Но на это нужны средства. Кроме того, основные рабочие места — в городах. Как и возможность получить образование.

Роуми Миллс: После убийства Моррисона свидетели сообщили, что жертва была подвержена резким переменам настроения и вспышкам агрессивности. Типичный пример: один Дневной отказал покойному в услугах после наступления утреннего комендантского часа. Ключевой способ поддержания порядка — штрафование заведений, где оказывают услуги или продают товары людям, которые нарушают правила своего местопребывания в конкретное время. В случае Уэйда Моррисона продавец местного бакалейного магазина попросил показать карточку статуса. Выяснив, что Моррисон — Ночной, продавец-Дневной отказался продать ему сигареты. Свидетели сообщают, что Моррисон разразился словесными угрозами, а затем покинул магазин.

Айрин Кейси: Бадди все это время обхаживает свою криворотку.

А государство взяло с него отпечатки пальцев еще тогда, когда он послал заявление, чтобы стать Ночным. Они уже готовились свалить все на него. Конечно, мальчик явился непонятно откуда, а им нужен был как раз

такой, вот так все и вышло.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Среди протестующих группировок в Ночной культуре больше всего мне импонирует фракция, которая хочет объявить солнце вне закона. Они продают одежду и наклейки на бамперы со своими лозунгами. Например: «Запретите солнце». Или: «Нет лучше солнца, чем луна». К сожалению, понятно, какое беспокойство это вызывает у властей придерживающихся. Нашей стране абсолютно ни к чему гражданская война, в которой Ночь восстанет против Дня.

Еще один распространенный лозунг: «Подавитесь своим днем!»

Шутка одного человека может быстро стать призывом к оружию для другого. Есть мнение, что «Майн Кампф» — неглупая сатира, пародия, которую широкие массы истолковали слишком буквально.

Линн Коффи: Еще Томас Джефферсон предупреждал, что любой нации нужен фронтир, который используется в качестве выпускного клапана или места, куда отправляют всех чудаков и идиотов. Официальная пропаганда об этом умалчивает, но ночное время — огромная свалка для умственно отсталых. Озлобленных одиночек. Калек и инвалидов. У Ночных бесплатное здравоохранение, это часть правительственной программы бонусов. Поликлиники дерьмовые и переполненные, но бесплатные. Жилье оплачивает государство. Работа чаще всего неквалифицированная, но платят за нее на пару баксов больше, чем за такой же бесперспективняк в дневное время. Неудивительно, что все отверженные рано или поздно становятся Ночными.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: В то время мы и не представляли, что происходит. Конечно, мы читали о смертях в газетах, но как-то о них не задумывались. Куда больше нас беспокоила подготовка к следующей Ночи Медового Месяца или Ночи Елки. Над Рэнтом сгустились зловещие тучи, а мы спорили, вешать белые электрогирлянды или разноцветные. «Понтиак» или «Додж»? Брать все-таки елку или, может, сосну?

Роуми Миллс: Третья жертва погибла так же, как и две предыдущие. При вскрытии обнаружился энцефалит и миелит головного мозга, включая тельца Негри в пирамидальных клетках гиппокампа и клетки Пуркинье в мозжечке. Короче говоря — бешенство. Все три жертвы погибли от недиагностированного и нелеченного бешенства.

Айрин Кейси: Бастер писал нам, что влюблен и с кем-то встречается. Мы с его отцом молились, чтобы хоть с той девицей, а не с парнем.

Роуми Миллс: По данным Центра эпидемиологического контроля, самый последний диагностированный случай бешенства в этом районе был

зафиксирован у двадцатилетнего мужчины по имени Кристофер Даньян.

Пока велось предварительное расследование, от вызванного недиагностированным бешенством энцефалита погибла четвертая жертва. Мы опасались, что заболевание начнет распространяться по экспоненте. Возможно, по улицам ходят сто или десять тысяч человек, не знающих, что уже больны.

Шот Даньян: Рэнт Кейси мог погибнуть от землетрясения. Или пожара. Или от какого-нибудь долбаного смертельного гриппа.

Приятно знать, что после всех удачных аварий в автосалках, когда я наконец встречаюсь со Смертью, мы будем старыми, давно не видевшимися приятелями.

Я да Смерть — близнецы, разделенные при рождении.

26 — Отрицание очевидного

Шот Даньян (автосалочник): Что, прикольно? Последнюю ночь мы с Рэнтом Кейси занимаемся благотворительностью и разбиваем себе все переднее стекло. Чем больше повреждений спереди, тем внушительнее выглядишь. Я знаю команды, которые, взяв новую тачку, разбивают кувалдой бампер и передние крылья, а потом проходятся по передним фарам и решетке, только чтобы не казаться новичками.

Ну а самое худшее — это повреждения сзади, от того, что тебя «осалили». Во-первых, раз тебя столько раз догнали, ты неудачник. Во-вторых, если твоя тачка выглядит совсем отстойно, никто не станет за тобой гоняться. «Акулы» любят, чтобы их удары были заметны. Любая команда ищет жертву поновее. Иногда полночи гоняешься за какой-нибудь развалюхой, но если мимо под «флагом» проплывет лакомый кусочек со свеженькой покраской, только из салона, ты бросишься за ним.

Недди Нельсон (автосалочник): Знаете, что такое в автосалках Ночь «Продается»? Знаете, что в такую ночь «флаг» — это спереди и сзади крупно написать цену машины? И чтобы «флаг» был «флагом», нужно всегда писать тринадцать тысяч баксов и пятьдесят центов? Представляете, какая возникла бы неразбериха, если бы считалась любая цена?

Шот Даньян: Однажды Ночью Дохлого Оленя едем мы на крейсерской скорости с пенопластовым оленем на крыше, и вдруг откуда ни возмись выскакивает «Бьюик-Парк-Авеню». Врезается нам в правую переднюю фару, рвет шланг радиатора, и наша охлаждающая жидкость выливается в канаву. «Парк-Авеню» отъезжает почти целенький. Даже сквозь закрытые окна слышно, как та команда хохочет. Рэнт вылезает с заднего сиденья и подходит к ним. А потом мистер Денежный Мешок наклоняется к окну водителя и из заднего кармана достает пачку банкнот. Те отдают ему свою машину, а оленя везут домой на автобусе. Мы кладем своего оленя на их машину и все оставшееся «окно» играем в новом «Бьюике».

Боуди Карлайл (детский друг Рэнта): Рэнт писал мне, что когда все сидят в машинах, женщин не отличишь от мужчин, негров — от белых и так далее. Мол, самые сложные соперники — всякие извращенцы. Извращенцы или чудаки. Посади их в машину и дай поиграть, и все их тараканы полезут наружу. Никто не водит так жестко, как ребята с парализованными ногами. Или худенькие девчонки весом по сто фунтов.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): В ту ночь была Ночь Матраса. Лучше всего я помню, как Рэнт Кейси расстегивает свой синий форменный комбинезон на ярко освещенной стоянке, пока мы пьем кофе. Помню, его грудь была испещрена как будто сотнями сосков — бесчисленными круглыми вспухшими рубцами.

— Бродячие пауки, — объяснил он мне. — Нашел на работе.

Говорит, хотел пронести их домой за пазухой.

Шот Даньян: Иногда, если за всю ночь ты никого не «осалил» и никто не «осалил» тебя, врезаешься в какую-нибудь дряхлую «акулу», просто чтобы не ехать домой ни с чем. Каждую игру по улицам ездят разбитые тачки, гремят в клубах синего дыма, вместо бамперов — дрожащие и скрипящие куски железа. Металлолом на колесах. А подобьешь такую — вроде и в игре.

Если «осаливаешь» какую-нибудь развалюху из жалости или от нечего делать, это называется благотворительностью.

Эхо Лоуренс (автосалочница): Да хватит! Даньян вообще вечно ныл:

— Не надо, не связывайся с Рэнтом! Не влюбляйся!

Вечно оттащит меня в сторону и давай грузить:

— Ты к «пикам» подключаешься? — И повторяет: — Бешенство, бешенство!

Да Рэнт уже несколько месяцев ездил у меня на заднем сиденье.

Шот Даньян: Нашей последней игрой была Ночь Матраса. Некоторые красят матрас в черный, чтобы было труднее его увидеть. Могу дать совет — приоткройте боковые окна и протяните канат через салон. Привяжите матрас, а внутри сделайте скользящий узел. Если вас заметит полиция, можно дернуть за узел и развязать, избавиться от матраса. Он соскользнет вместе с веревками, а машина станет самой обычной, совершенно вне подозрений.

В нашу последнюю Ночь Матраса Рэнт, как увидит какое-нибудь ржавое ведро с грязным матрасом на крыше, просит:

— Подбей их! «Осаль» людей, пусть порадуются!

Эхо Лоуренс: Нет, послушайте меня. Рэнт был ужасно романтичным! Одно дело — купить девушке роз — чтобы она потом смотрела, как они вянут и гниют. Гораздо приятнее, когда тебе дарят шикарный «Скайларк» который ты можешь разбить сама. Однажды в Ночь Медового Месяца мой парень вручил мне ключи белого «Линкольна-Континентал». Очень солидная тачка! Едет так гладко, а стерео такое громкое, что однажды нас протаранила какая-то «Джетта», зацепила носом за задний бампер, а мы и не заметили. Проездили так пол-игры, волоча за собой машинку с кучей

злых пассажиров.

Шот Даньян: Что, не бред? Если «осалишь» кого-то из жалости, едва ты вытащишь свой бампер из чьей-нибудь отвисшей, избитой и ржавой задницы, уже жалеешь, что не поехал домой просто так. Становится так мерзко и грустно, что даже лень вылезать и орать. Долбанул его — и смылся. Долбанул — смылся. По правилам автосалок это фол, но скорее всего водитель этой кучи металлолома тебе готов спасибо сказать.

А еще бредовее, если представишь себя через пару лет автосалок. Как ты таскаешь по улицам свою дохлую ржавую задницу и надеешься, что кто-то от скуки или тоски тебя стукнет. Вот, кстати, почему мы часто смываемся — грустно смотреть на разбитую машину, но на ее водителя вообще невозможно. Прихрамает к тебе какой-нибудь тип в шейном корсете, с тростью, весь закоростеневший. Твой портрет через несколько лет.

Эхо Лоуренс: Дайте подумаю... Рэнт купил мне «Ле Сабр», который я мигом расколотила. Потом «Кавальер», которым я поцеловала зад чьей-то «Ауди». Потом «Регал», я в нем разбила бок «Тауруса». Нет, стоп, еще где-то был «Гранд-Ам». «Гранд-Ам», «Кугар» и «Гранд-Маркиз». Ой, и еще «Лебарон», который мы подожгли, когда пытались сделать фондю. Наверное, это не в счет.

Шот Даньян: Мы встали на красный, и тут откуда-то сзади подкатывает куча металлолома, кашляет и трясется, примеряется к нашему бамперу. Еще за квартал слышно, как стучат кулачки двигателя и скрипят пружины, видно, как моргают передние фары. Визжит вентиляторный ремень, на крыше дрожит грязный матрас. Это чудище подползает все ближе, а мы стоим на светофоре и ждем зеленого.

Загорается зеленый; чудище тащится за нами. Эхо хочет нажать на газ, но Рэнт говорит ей:

— Обожди.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Со стороны юного Рэнта это было актом величайшей доброты и щедрости.

Шот Даньян: Мы ждем весь зеленый, потом красный и еще половину зеленого. Наконец этот фырчащий и дрожащий ужас тыкает нас в бампер и умирает. Совсем. Вентиляторный ремень взвизгивает и затихает. Из решетки вырывается пар, полуоторванная металлическая обшивка и хромированная отделка перестают греметь. Машина как будто садится брюхом наземь. Из нее вылезает водила. Совсем мальчишка, лет шестнадцать. Честно! Мальчик по имени Нед... Недди... Ник или как там его.

А мы сидели в «Кадиллаке-Севилль». Просторная машинка. Рэнт

предложил этому парню место посреди заднего сиденья. Мы были первой «жертвой» мальчишки. Помню, как широко он ухмылялся.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Еще одним приятным аспектом автосалок было явление «пиньяты». Мы проецируем на автомобили вокруг свои худшие качества. Если водители нас обгоняют, мы думаем: какие наглые! Если нас раздражает тот, кто еле едет, представляем: старикан безмозглый!

А радость случается тогда, когда от одного толчка или царапины вражеская машина взрывается, и оттуда вываливаются коллекционеры марок, футбольные фанаты, матери, бабушки, трубочисты, шеф-повара, юристы, священники, консьержи, канавокопатели, унитарики, дальнобойщики, любители боулинга — люди. За жестким блестящим металлом и стеклом прячется другой человек, такой же мягкий и испуганный, как и ты.

Шот Даньян: Рэнт старался не бить слишком сильно. Там толкнет, здесь стукнет... Не удары, а флирт какой-то. Помню, он сказал, что у него кончились деньги и он не сможет купить нам новую машину. Что теперешняя тачка, «Кадиллак», должна продержаться до еще одной Ночи Елки.

Эхо Лоуренс: Раньше я сказала, что давала Рэнту «ездить на моем заднем сиденье». Я имела в виду — в буквальном смысле.

Недди Нельсон: Вы знаете, какой Рэнт был классный? Вы знаете, что он сделал, когда они высадили меня у дома прямо перед комендантским часом? Вам сказали, что Рэнт сунул мне золотую монетку со словами: «Тебе на следующую тачку»? Вы представляете, как я удивился, когда в лавке нумизмата мне предложили десять кусков за этот доллар с головой Свободы тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года? Вы где-нибудь еще видели такого щедрого человека? Вы думаете, я без него сел бы так скоро за руль?

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Как я полагаю, это были последние крохи наследства, доставшегося Рэнту Кейси от Зубной феи.

Эхо Лоуренс: Когда Шот сказал «бешенство», мне послышалось «беременность». Результат был отрицательный, слава Богу, но, кажется, я все-таки купила не тот тест.

27 — Ночь Елки

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): После долгих раздумий мы решили взять настоящее дерево. Благородную пихту. Украсили синими огнями, а на верхушку прикрепили сияющую синюю звезду. Пихта, привязанная вдоль крыши «Кадилака-Севилль», напоминала комету: над ветровым стеклом пляшет огромная звезда, а за ней хвостом тянутся яркие синие искры.

Недди Нельсон (автосалочник): Вы назовете меня идиотом, если я скажу, что автосалки такие классные потому что они как выключатель? Ну, электрорубильник? Если мать на тебя орет, называет ленивым придурком, тебя снова уволили, у бывших одноклассников все на мази, а у тебя даже нет девушки? Если в голове у тебя полный унитаз, и вдруг откуда ни возмись — трах-ти-бидох! — кто-то в тебя врезается, и тебе легчает? Разве это не подарок — когда тебя подбивают? Разве ты не вылезаешь из машины, весь дрожа от шока? Как новорожденный? Разве это не расслабляющий массаж за полсекунды?

Разве электросалки — не электрошоковое средство от депрессии?

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: В ночь гибели на Рэнте была синяя джинсовая рубашка, вышитая разными радугами и цветами — если не мастерски, то с большим энтузиазмом. Совсем не похожая на его синий комбинезон, провонявший инсектицидом. Мне кажется, вокруг ворота были малиновые цветки водосбора или чего-то подобного. На нагрудном кармане, на сердце, зависла изумрудно-зеленая колибри, опустив клювик в желтый нарцисс.

Лью Терри (домоуправ): Второй и последний раз, когда я заходил в квартиру Кейси, я спускался в подвал, чтобы вычистить мусорки. А там, в контейнере для стекла, увидел банки, которые раньше были в шкафу, только теперь пустые. Без пауков. На крышке каждой банки Кейси написал «Дорри» или «Джун». На каждой банке — женское имя. На фирме по уничтожению вредителей, где Кейси работал, сказали, что он уволился. Он не убивал всяких тварей, а просто переносил туда-сюда. Если в доме угроза вредителей, я имею право открыть дверь своим ключом и посмотреть. Там ничего не было, только его пустой чемодан и эти черные комочки над кроватью. Ни жуков, ни крыс, ничего такого. Одна странная штука — прямо на подушке лежало простое белое яйцо. И если кто-то скажет, что я его взял, то это взяли следователи. А теперь нас хотят оштрафовать за

ядовитых пауков. Этот сумасшедший, видно, выпустил всю свою чертову коллекцию.

Эхо Лоуренс (автосалочница): Вот представьте себе! Мы составили многочасовую сборку рождественской музыки. За два часа до десятичасового «окна» команды начинали ездить по улицам, хвастаться украшениями. Болтали серебряными сосульками, все мохнатые от золотой мишуры. Стекланные шары падали на дорогу и бились. На каждом углу стояли люди в красных колпаках с белым мехом, махали, чтобы их взяли в команду, кричали и оголялись. Сотни желающих попасть в игру одевались под Санта Клаусов.

Шот Даньян (автосалочник): Что, не бред? Проезжаешь мимо какого-нибудь Санта Клауса, а старый добрый Санта задирает тулуп. Да у него буфера! Вот в какой карнавал превращается Ночь Елки.

Эхо Лоуренс: На эти два часа командный дух куда-то девается: люди залезают друг другу в машины, уезжают на пит-стопы. Сходятся и расходятся. В кипящем море рождественских огоньков идет настоящая вечеринка.

Шот Даньян: Где-то за минуту до того, как «окно» открывается, все машины тушат огоньки и рассыпаются. Мы в момент становимся врагами.

Эхо Лоуренс: Я помню только, как Шот нудил: — Только без омелы! Никаких поцелуев! Не надо бешенства!

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Автосалки породили такое явление, как пит-стопы. Команды останавливались на автозаправке или стоянке универсама, чтобы заправиться, сходить в общественный туалет и купить еды и кофе. Сначала команды делали свои дела как можно быстрее и снова включались в игру, но иногда задерживались. Пит-стопы — безопасный отдых или убежище во время любых автосалок.

В ту Ночь Елки мы остановились на заправке. Рэнт сказал нам, что зальет бензин, а Эхо, Шот и я пошли за продуктами.

Эхо Лоуренс: Рэнт остался заправлять бак. Он попросил свиных шкварок. Шкварки и рутбир.

Шот Даньян: А мне сосиски в тесте с горчицей. Кукурузные чипсы. Или разогретые в микроволновке начо.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Моя слабость, сознаюсь, — лакрица «Ред Вайнс».

Шот Даньян: И вяленое мясо.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Очень удачно что мы редко ездили в одной машине больше трех недель. Испортить машину можно многими способами — как снаружи, так и изнутри. Сыр из начо

может снизить продажную цену быстрее, чем некоторые аварии.

Шот Даньян: Я выхожу из магазина, а Рэнта нет. Только большая лужа бензина на том месте, где стоял «Кадиллак».

Эхо Лоуренс: Машины нет, а по улице летит синяя комета. За «Севиллем» катится целый лес темных мертвых деревьев. Прямо волчья стая. Рэнт не выключил гирлянду, и теперь все машины, что в игре, хотят его «осалить».

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Свежие новости: по автостраде Лэндоувер полиция ведет преследование. Как сообщают, предполагаемая машина-нарушитель — белый «Кадиллак-Севилль», который не остановился на светофоре на пересечении Винтерс-стрит и Сто двадцать второй. Сейчас «Севилль» движется на запад по автостраде. По последним данным, на крыше автомобиля новогодняя елка с зажженными гирляндами. Это не шутка! К крыше привязана елка в синих рождественских лампочках. Преследование ведут три полицейские машины; вскоре к ним присоединится вертолет. Кроме того, за «Севиллем» следует необычно много зевак, пользуясь тем, что полицейские мигалки и сирены расчистили дорогу. Для передачи «Дорожные картинки» на «Авторadio» вела репортаж Тина Самсинг...

Эхо Лоуренс: Е-моё! Я остановила какую-то команду и запрыгнула к ним в машину. Просто говорю им: «Поехали!» Какая-то кучка детей-наркоманов. Показываю туда, где сквозь лес мертвых деревьев едва виднеются голубые огоньки Рэнта, и говорю:

— За ним!

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Последние новости о полицейском преследовании: на хайлендском транспортном пересечении частное лицо решило помочь закону. Водитель выехал из боковой улицы и протаранил машину с синей елкой. Теперь елка несется на восток по Уотерфрант-авеню. И как вам это совпадение: водитель, точнее, водительница, которая пыталась остановить беглеца, тоже везла на крыше елку! Похоже, скоро Рождество. Радиопередача «Дорожные картинки», с вами была Тина Самсинг...

Шот Даньян: Я стою, в руках всякая дребедень — лакрица «Ред Вайнс» и так далее, — а Эхо берет и смывается. Грин подходит к обочине и вызывает такси. Оба просто испарились. И Рэнт тоже, а я остался на тротуаре с горячими начо и дурацким рутбиром.

Саймон Прегер (художник): Моя машина, мы стояли у третьей колонки. Этот мужик, Кейси, у седьмой, взял и выдернул пистолет из машины. Специально. И полил елку у себя на крыше. Промочил все ветки.

По окнам потек бензин.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Полиция и спасатели просят частных лиц не вмешиваться в погоню за подозреваемым автомобилем. На данный момент не меньше шести частных автомобилей врезалось в «Кадиллак», У всех на крышах были новогодние елки. Полиция винит в авариях отказ подозреваемого останавливаться. Полицейские вертолеты сообщают, что главный подозреваемый движется на север по транзитной автострате. Дальнейшие новости — по мере поступления. Передача «Дорожные картинки» на «Авторадио», с вами была Тина Самсинг...

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Простите, что я поддался минутному волнению. Я не намеревался бросать мистера Даньяна. Я действовал по наитию, нашел средство передвижения и пустился в погоню. Этот момент очень напоминал охоту — огни и сирены в избытке, — словно мы стая гончих, загоняющих лису.

К воспоминаниям, которые сохранились у меня о мистере Даньяне в этот напряженный миг, относится вид его недоумевающе разинутого рта и языка в оранжевых кусках сырной лепешки. Я сел на заднее сиденье такси и сказал водителю:

— За синей елкой...

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Полицейское преследование белого «Кадиллака-Севиль» достигло западной части города. По последним подсчетам, следом движутся около двухсот машин. Свидетели сообщают, что машина с рождественской елкой подверглась не менее двенадцати намеренным ударам. «Севиль» лишился заднего бампера, выхлопной системы, и, судя по искрам, по меньшей мере одно заднее колесо касается асфальта ободом. Если бензобак взорвется, мы вам сообщим. Передача «Дорожные картинки» на «Авторадио», с вами была Тина Самсинг...

Шот Даньян: Что, не прикол? Мы честно думаем, что полоса краски посреди дороги нас защитит. Что эта белая или желтая линия что-то дает. А я вот что вам скажу: Рэнт Кейси ни за что не стал бы старой «акулой», которая таскается по дорогам и ждет, что кто-то над ней сжалится и подобьет. Нет, блин, есть худшие способы умереть, чем смерть.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Попытка остановить машину за нарушение правил дорожного движения из снежка превратилась в снежный ком, в одно из самых ярких противостояний в истории города. Несмотря на возражения полиции, посторонние продолжают таранить, бить в бока и в задний бампер, царапать и задевать пытающийся скрыться

автомобиль. Новые подробности по мере появления, с вами была Тина Самсинг в радиопередаче «Дорожные картинки»...

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: А ведь, если задуматься, оживленную автостраду никогда не перекрывают из-за чьей-то смерти. Можно проехать по тому месту, где погиб Джеймс Дин. Или Джейн Мэнсфилд, или Джексон Поллок. Где под автобус попала Маргарет Митчелл. Где сбили Грейс Келли или Эрни Ковакса. Смерть — это трагедия, но преграждение транспортного потока считается еще худшим злом.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Полицейское преследование нашего «Кадиллака» с елкой продолжается на подъезде к виадуку на Барлоу-авеню.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Все пережитые мной автомобильные аварии вызывали похожее ощущение — словно застываешь в янтаре или меду. Миг разворачивается годами, время почти замирает. Так бывает, когда видишь во сне несколько часов или дней всего за семь минут, которые прошли между нажатием на кнопку будильника и следующим звонком. В аварии время замедляется, как во сне. Оно застывает, замерзает, и ты наконец можешь вспомнить каждый момент каждого момента каждого момента. Как Рэнт мог одним-единственным поцелуем ощутить всю твою жизнь.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Полицейские машины и автомобиль с рождественской елкой направились вверх к виадуку на Барлоу-авеню.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Практически во всех духовных традициях есть понятие «порогового состояния». Для аскетов это может быть мигмом наибольшего страдания. Для католиков — момент, когда прихожан причащают облаткой. Само действие в разных религиях или традициях различно, но в «пороговом состоянии» время всегда перестает идти. Можно назвать его состоянием «вне времени».

Этот момент становится райской или адской вечностью. Достижение хотя бы секундного «порогового состояния» является целью большинства религиозных ритуалов. Именно тогда человек находится целиком и полностью в настоящем моменте, он пробужден и осознает весь мир. В момент просветления время останавливается, человек выходит за его пределы.

Авария приближает меня к просветлению больше, чем любой религиозный ритуал или церемония, в которых я когда-либо участвовал.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: По последним данным,

елка на «Кадиллаке» загорелась, превратилась в пылающий костер с хвостом из синего дыма с искрами.

Полиция перекрыла западный конец виадукa на Барлоу-авеню.

Шот Даньян: Типично до боли, но каждый раз, когда меня «осаливали», время замедлялось. Медленно, как стробоскопические съемки, когда пуля ползет по воздуху, вжимается в бок яблока, буравит его целую секунду, а потом выходит с другой стороны, разрывая яблочную шкурку.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: В студии подтвердился телефонный звонок от водителя горящего «Кадиллака»; звукооператоры нас соединяют. Нас соединили? Есть прием?

Эхо Лоуренс: Интересно, что помнится о человеке...

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Пылающий «Кадиллак» с горящими елочными огнями скользит к краю виадукa на Барлоу-авеню в самой высокой точке над рекой. Если нам повезет, сейчас вы услышите голос неизвестного водителя...

Эхо Лоуренс: Каждый раз, когда Рэнт кончал или когда нас таранила другая команда, он моргал и как будто понимал, что не умер, а потом улыбался и говорил одно и то же. Он всегда в этот момент улыбался такой пьяной улыбкой и говорил:

— Вот так должно быть в церкви...

Рэнт Кейси в радиопередаче «Дорожные картинки»: ...Я люблю тебя, Эхо Лоуренс, но я должен попытаться спасти маму.

Шот Даньян: Не для протокола, но за много недель до той ночи я стал подмешивать Эхо в рутбир таблетки для прерывания беременности. На всякий случай. Даже не представляю, сколько маленьких Рэнтов Кейси я заставил ее выгадить.

Рэнт Кейси в радиопередаче «Дорожные картинки»: ...А что, если реальность — всего лишь болезнь?

28 — Скрытые команды

Уоллес Бойер (продавец автомобилей): Запомните, что по методу получения информации покупатели делятся на три типа: визуалы, аудиалы и кинестетики.

Например, если поговорить с Эхо Лоуренс, она закатывает глаза к потолку. Через раз у нее выскакивает: «Как я это вижу...» или «За этой Тиной Самсинг нужно смотреть в оба...» Чтобы «вести» Эхо, просто поднимайте глаза вверх, когда думаете. Делайте это незаметно, а пальцы на левой руке соберите. Ускоряйте темп, пока ваше дыхание не станет сорок, может, пятьдесят вдохов в минуту. Моргайте не меньше тридцати раз в минуту.

И всегда помните: управляет ситуацией тот, кто задает вопросы. Чтобы получить огромное, невозможное «да», нужно собрать целую гору маленьких и простых «да». Хороший продавец сначала будет задавать вопросы-привязки и вопросы-добавления, например: «Вы хотите, чтобы ваша жена была довольна?» или «Безопасность вашего ребенка для вас имеет значение?» Задавайте вопросы, на которые людям автоматически придется ответить «да». Спрашивайте: «Имеет ли для вас значение расход бензина?» и «Вам нужна надежная машина?» Просто копите эти маленькие «да».

Чем больше «да» скажет клиент, тем податливее он станет.

Еще один вид вопросов — «контрольные», например: «Вам нравятся светлые или темные цвета?» или «Вы хотите легковой автомобиль или грузовой?» Контрольные вопросы охватывают все ответы, которые может дать клиент. Вы ограничиваете ответы выбором, который даете. Двухдверный или четырехдверный? С откидным верхом или жестким? Кожаные сиденья или матерчатые?

А когда человек говорит: «Подождите» или «Послушайте меня», это называется «скрытой командой». Продавец машин пользуется ими весь день напролет.

Например: «Ах, взгляните, какая двухтоновая окраска у этой красавицы!»

«Не стесняйтесь. Пощупайте эту кожаную обивку».

«Ух, зацените это стерео!»

Если прислушаться к Эхо Лоуренс, половина ее фраз — скрытые команды.

Контрольные вопросы, вопросы-привязки и скрытые команды — вот как хороший продавец убеждает вас открыться.

Шота Даньяна надо «вести», вытирая рот тыльной стороной ладони во время разговора. Скрестите руки на груди, наклоняйте голову то к одному плечу, то к другому. Говорите: «А я вот слышал...» или «Ходят слухи, что...» Убедите Шота, что вы аудиал. Послушайте, как он открывает вам «двери» — дает возможность заглянуть в его личную жизнь. Например, говорит про своего мопса. И не забудьте: он будет смотреть из стороны в сторону, вспоминая, как его мопс умер.

Но если Шот Даньян смотрит в сторону правого уха, он врет.

Пока что запомните: Эхо Лоуренс — визуал. Шот Даньян — аудиал. Недди Нельсон — кинестетик.

В последнем предложении слово «запомните» — скрытая команда.

Ещё раз: чтобы получить огромное, невозможное «да», нужно собрать целую гору маленьких и простых «да».

29 — Обратни-3

Недди Нельсон (автосалочник): Я говорил вам о самом длинном дне моей жизни? Когда я чуть не умер?

Джейн Меррис (музыкант): Я бы сказала, сначала было весело. Слюнявые, как их называли мои друзья, на последней стадии бешенства плевать хотели на комендантский час. Они даже не понимали, что больны. Почти все просто с каждым днем немного больше злились. Вечно нервничали или ворчали. Проходили курсы по управлению гневом и пили ингибиторы поглощения серотонина. Занимались дзен-медитацией или когнитивной разговорной терапией. Углубленным дыханием, творческой визуализацией и тому подобной фигней. Но однажды они вставали не просто не с той ноги — с частичным параличом ног. С судорогами и горловыми спазмами. Они становились Слюнявыми. А потом смотришь — чешут себе по улице прямо под камерами наблюдения нарушая утренний комендантский час.

Д-р Феба Трюффо (эпидемиолог): Имеются исторические прецеденты. В 1763 году, когда Британия воевала с Францией за североамериканские территории большая часть индейцев была на стороне Франции. В качестве жеста якобы доброй воли англичане подарили аборигенам одеяла из больниц, где лечили больных оспой. Не обладая природной резистентностью к вирусу *Variola major*, очень многие индейцы умерли.

Гэлтон Най (член городского совета): Эпидемия бешенства стала и остается настоящей трагедией для огромного количества людей. Мне очень больно об этом говорить, но вы должны понимать, сколь необходимо сдержать распространение заболевания за пределами ночной части населения. Так называемых Ночных. Мы не могли превратить трагедию ограниченных масштабов во всеобщую катастрофу.

Но, простите, намеренным геноцидом это никак нельзя назвать!

Недди Нельсон: Вы уверены, что я вам еще не рассказывал? Как однажды во время «окна», ближе к концу, когда до утреннего сигнала оставалось не больше часа, какая-то «акула» расколошматила мне правое заднее колесо? Вас когда-нибудь подбивали так сильно, что гнется ось? Знаете, сколько сотен футов на фунт вращающего момента нужно, чтобы всего лишь поцарапать ось из закаленной стали? Вы удивлены, что от такого удара моя голова отскочила от руля и я на пару часов вырубился?

Гэлтон Най: Ходили слухи, что радикальные Ночные строят заговор, чтобы распространить инфекцию за пределы временной линии. Из отчаяния те же самые политики-радикалы обвиняли Дневных в том, что они сами вызвали эпидемию, чтобы снизить рождаемость Ночных и оттянуть так называемый «неизбежный перевес голосов».

Джейн Меррис: На камерах наблюдения за дорогой видно, как Слюнявые ходят по улицам, подволакивая ногу, раскрыв рты и рыча. Бывшие жены, отцы и даже маленькие дети превратились в настоящих берсерков. Они прячутся в общественных туалетах и примерочных универмагов с одной целью: вонзить в кого-нибудь свои слюнявые зубы.

Недди Нельсон: А вы знаете, какие «акулы» так сильно «осаливают»? Какие игроки настолько тупые? Вы знаете, что такое Слюнявый? Вы можете вообразить человека с бешенством в конечной стадии, с гневом, который не знает границ? А теперь можете представить, что он еще за рулем и играет в автосалки? Вам понятно, во что превращались автосалки?

Д-р Феба Трюффо: В 1932 году государственное исследование выявило около 400 афроамериканцев мужского пола, зараженных сифилисом. Вместо того чтобы лечить это заболевание, чиновники позволили ему прогрессировать сорок лет, чтобы проследить пути дальнейшего развития инфекции и сделать вскрытие скончавшимся больным. Это исследование министерства здравоохранения, также известное под названием «Эксперимент Таскиги», закончилось в 1972 году, лишь тогда, когда информация просочилась в газету «Уошингтон ивнингстар».

Гэлтон Най: Нам требовалась осторожность. Все зоны вспышек эпидемии нужно было ограничить ночным временем, а все заражения Дневных проследить до непосредственного взаимодействия с Ночными. Поскольку многие из этих взаимодействий были, так сказать, «секретного» рода, то есть в основном касались наркотиков и сексуальных контактов, инфицированные Дневные не торопились признавать свои симптомы и сообщать о них.

Джейн Меррис: До появления Слюнявых передать город из рук в руки можно было максимум за минуту. Рев сирен давал предупреждение за десять минут и за минуту. Потом звучал сигнал комендантского часа, и если кто-то еще оставался на улице, камеры фотографировали их или номер на машине, а государственная программа опознания высылала им солидный счет. Штраф в пятьсот или тысячу баксов, в зависимости от прошлых нарушений.

Появились Слюнявые, и полиции тут же пришлось растянуть минуту

до десяти, чтобы пешком обходить улицы и проверять, не прячутся ли Слюнявые за киосками или автомобилями. После того, как один Слюнявый спрятался в кустах и при свете дня набросился на группу четвероклассников, минута превратилась в целый час. Я бы сказала, это слишком много.

Недди Нельсон: Вы когда-нибудь просыпались с окровавленным лбом на руле, погнутом от удара? Вы когда-нибудь просыпались от звука утренних сирен с глазами, слипшимися от крови? В разбитой машине? Чтобы ремень безопасности чуть не разрезал вас пополам? Вам когда-нибудь удавалось открыть глаза как раз вовремя, чтобы увидеть компанию с пистолетами, которые прочесывают улицу, где ты застрял? Куча перепуганных ревнителей общественного порядка, которые жаждут выгнать на свет и затравить очумелого, оглушенного Ночного вроде тебя?

Гэлтон Най: Они стали биологическим аналогом террористов-смертников, эти маньяки, так называемые гидрофобы, которые бродили по городу после комендантского часа.

Джейн Меррис: Ночью, без солнца, Слюнявые еще как-то выживали. Но когда включались утренние сирены, они уже не понимали, как зайти в дом. Если отряды видели, что кто-нибудь прячется или убегает, они предполагали худшее и просто его расстреливали.

Я бы сказала, на то время Слюнявого могла вылечить только пуля.

Д-р Феба Трюффо: В 1940 году 400 заключенных из Чикаго были тайно заражены малярией, чтобы представители министерства здравоохранения могли опробовать новые методы лечения заболевания.

Недди Нельсон: Вы знаете, какой солнечный свет мерзкий? Вы когда-нибудь переползали с переднего сиденья на заднее, пока банда вооруженных убийц марширует в вашу сторону? Вы когда-нибудь зарывались во всякое дерьмо — под чехол сиденья, грязную одежду, обертки от продуктов — и считали удары собственного сердца, чтобы не впасть в панику и не побежать по улице под выстрелами?

Как долго вы считали удары своего сердца? Вы когда-нибудь досчитывали до десяти тысяч? А до двадцати? А как насчет сорок одной тысячи двухсот тридцати четырех?

Гэлтон Най: Мне больно об этом говорить, но мы должны были подумать о своих детях. О собственных семьях. Граждане несут личную ответственность за то, чтоб вести жизнь с минимальным риском заразиться опасной болезнью. Приличные, продуктивные члены общества отвечают за защиту следующего поколения.

Наши дети воистину наше будущее.

Д-р Феба Трюффо: Начиная с 1963 года, служащие Уиллобрукской государственной школы-интерната для детей с отставанием развития, находящейся в Стейтен Айленде, намеренно инфицировали здоровых детей ге патитом, чтобы проверить влияние на болезнь гамма глобулина. Три года руководители школы отдавали распоряжение делать детям инъекции вирусных агентов пока в 1966 году программа не была прекращена из-за протестов общественности.

Недди Нельсон: Вы знаете, как жарко становится в машине с закрытыми окнами в солнечный день? Если лежишь под мусором? Слушаешь, как целый город людей ходит мимо? Зная, как бы ты выглядел, урожденный Ночной, который не пробыл на солнце и шести часов всю жизнь, как бы ты смотрелся с лицом, измазанным кровью и потом, со вспухшими разбитыми глазами, если бы выполз из разбитой машины? Как быстро, по-вашему, вы бы получили пулю в лоб?

Гэлтон Най: Мне больно об этом говорить. Я не хочу сказать, что кто-то заслуживает такой судьбы: сойти с ума и погибнуть от выстрелов полиции с наступлением комендантского часа, но, пожалуйста, задумайтесь о том, как живут Ночные. Те из нас, кто живет по закону Божию и подчиняясь здравому смыслу, не должны платить за их грехи.

Только посмотрите на жизнь Ночных. Им кажется, что это одна большая вечеринка. Они думают только о сексе, о том, как разбить очередную машину и провести ночь с незнакомцем. Наш пастор целую проповедь посвятил описанию их образа жизни. Трудно преисполниться сочувствием к людям, которые столь небрежно относятся к собственному здоровью. Эти так называемые жертвы — люди, которые не уважают себя. И не уважают Бога.

И если они хотят проредить свои ряды, я скажу: не будем мешать.

Д-р Феба Трюффо: В середине шестидесятих годов двадцатого века американский антрополог Джеймс Нил привил племени яномами в Венесуэле вирулентный штамм кори. И Нил, и вся его команда отказывались лечить больных. Вместо этого они документировали распространение заболевания, чтобы проверить спорную евгеническую теорию. Погибли тысячи людей.

Недди Нельсон: Вы можете представить, каким ярким покажется солнце, если вы выросли ночью? Вы когда-нибудь отсчитывали сто с лишним тысяч ударов сердца думая, вдруг вы уже умираете от бешенства? Может вы не подключались к «пикам» неделями, потому что боитесь, что не сможете?

Вы когда-нибудь видели в камерах наблюдения, как ваших знакомых

расстреливает полиция?

Вы чувствовали себя в ловушке в мире, где вы стали воплощением кошмаров для всех остальных?

Джейн Меррис: Я бы сказала, первой «ласточкой» стало то, что общественные туалеты закрывались на ночь. Вскоре ночью перестали работать общественные фонтанчики для питья. Дневные отгораживали те туалеты, рестораны и фонтаны, какие хотели, а Ночным пришлось брать себе остатки. По мере распространения эпидемии сегрегация усугублялась.

Двенадцать часов на оборотной стороне планеты, я бы сказала, стали еще одним видом гетто.

Недди Нельсон: А вы хоть представляете, как чуден закат после того, как вы весь день потели, истекали кровью и мочились под себя на заднем сиденье разбитой машины? Вы догадываетесь, как сладок звук вечерних сирен?

Гэлтон Най: Нам в группе по изучению Библии рассказывали, как эти так называемые Слюнявые пытаются плюнуть людям в рот. Так ведут себя эти Ночные — орут так громко, что слюна залетает тебе в глаза или в тарелку. Намеренное причинение вреда, вот что это такое.

Мне больно об этом говорить, но рано или поздно нужно было объявлять карантин.

30 — В трауре

Линн Коффи (журналистка): В первый день после гибели Рэнта — несомненного самоубийства, свидетелями которого стали тысячи людей, миллионы, если считать трансляцию взрыва машины по телевидению, — полицейский из комендантского отряда по имени Дэниел Хэммиш, сорока семи лет, проработавший в патруле девятнадцать лет, во время вечернего обхода без всякой причины напал на прохожую. Хэммиш укусил женщину в открытое место на шее. Прибывшая «скорая» обнаружила, что Хэммиш бредит и страдает галлюцинациями. Вскоре он потерял сознание и умер.

Тодд Ратц (продавец-нумизмат): Полиция приходит ко мне в лавку и показывает фото того парня, что продавал мне монеты. Тогда я и узнал, что его зовут Бастер Кейси. Говорят, он погиб в какой-то автокатастрофе, еще в новостях показывали. Спрашивают, что я знаю об этом парне, этом Кейси? Вроде как проявлял ли он склонность к насилию? Лез ли целоваться? Или кусаться?

Ну и вопросыки, однако.

Линн Коффи: По моему мнению, в смерти Кейси было что-то нарочитое. Во-первых, он сел в эту ночь за руль самой большой и яркой машины, буквально завалил ее гирляндами, залил бензином и ездил зигзагами по игровому полю, чтобы привлечь как можно больше автосалочников. Да еще телевизионные вертолеты, его звонок на радио и как он говорил, пока не загорелся. Даже то, как он проехал на красный свет прямо перед носом у полицейских, было словно рассчитано на торжественные проводы в следующую жизнь с мигалками и сиренами.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): Как справиться с потерей товарища?

Оглядываясь назад, я иногда думаю, не создали ли Рэнта Кейси мы сами. Не возникла ли у всей нашей компании потребность в безумном, мифическом персонаже, чтобы отобразить собственные исчезающие жизни. Был славный антигерой, бросивший вызов обществу а мы все — мистер Даньян, мисс Лоуренс и я — выжили чтобы о нем рассказать. Когда Рэнт взорвался на телевизионном экране, когда занялся пламенем его автомобиль, этот парень стал фантастической историей из нашего беззаботного прошлого. Купаясь в отблесках его бензинового костра, мы тоже кажемся мифами.

Шот Даньян (автосалочник): Что, не бред? И не важно, что

последние несколько лет тысячи людей играли в автосалки и в худшем случае растягивали шею. Мы толком не понимали, что могло случиться. Не осознавали. Когда мы увидели, что, блин, бывает, что мы можем погибнуть, сгореть заживо, автосалки начали потихоньку сходить на нет.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Не хочу морализаторствовать, но иногда смерть одного человека может оправдать смерть целой культуры.

Линн Коффи: На третий день после гибели Рэнта Кейси машину подняли со дна канала. Почти три часа из реки тащили обожженную оболочку «Кадиллака-Севилль» с обугленным остовом новогодней елки на крыше.

Недди Нельсон (автосалочник): Разве правительство не против, чтобы Рэнт Кейси стал нашим мучеником? Разве эксплуатируемые не обращаются всегда за утешением в церковь? А там они разве не встречаются с другими эксплуатируемыми? Разве все революции начались не с того, что люди жаловались друг другу, пели песни и организовывали активное сопротивление?

Разве автосалки не стали нашей церковью и местом сборов? Как на пит-стопах? Разве мы не та революция, которая каждую ночь почти, почти, почти начиналась... всегда чуть не начиналась, но вместо этого мы начинали друг друга «салить»? Если бы появился лидер — Рэнт Кейси или кто-то еще — наша армия, готовая сражаться и умирать, — разве мы не стали бы неуязвимы?

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Фактически мы оплакиваем утрату тысячи транспортных средств, наполненных перекусами, флиртом и психологическими беседами. Все это было некой формой поднятия осознанности, а также способом общения, совместного мечтания и планирования, а может, и настоящим культурным переворотом. С момента гибели Рэнта, однако, каждая ночь стала посмертным вскрытием автосалок. Аутопсией — не Рэнта Кейси, а субкультуры, на которую некоторые Ночные уже начали уповать как на средство сделать свою жизнь лучше.

Линн Коффи: Поскольку все окна были закрыты, бархатная обивка «Кадиллака» осталась почти целой. Свидетели говорят, что автоматический рычаг переключения передач был во включенном положении, как и фары хотя аккумулятор сразу залило водой. Далее: в голубом интерьере салона обнаружилась речная вода, одна джинсовая рубашка с вышитыми цветами, одна пара джинсов с вышитыми листьями плюща, пара баскетбольных кед с высоким верхом, но ни одного-единственного Бастера Кейси.

Кроме того, полиции не удалось открыть машину пока не вызвали специалистов с отмычкой. Все дверцы были заперты, ключи торчали в зажигании.

Преподобный Кертис Дин Филдс (пастор миддлтонской христианской общины): В Библии написано, что это случается в мгновение ока. Вознесение. Рэнт вознесся на небеса. Вот что я сказал Чету и Айрин, когда зашел к ним. Я еще не видел супружеской пары, столь убитой горем.

Роуми Миллс (уголовный следователь): Именно в этот момент департамент выдал ордер на арест Бастера Кейси.

31 — Некоторые итоги

Айрин Кейси (мать Рэнта): Как я понимаю, старший мальчик Карлайлов пошел в шерифы, чтобы приносить людям плохие новости. Утром, после аварии, приходит к нам во время завтрака, поднимается на веранду и стучит, пока Чет не подходит к двери. Бэкон Карлайл говорит:

— Мне очень жаль, но ваш сын Бастер Лэндрю Кейси прошлой ночью погиб в автокатастрофе приблизительно в двадцать три часа сорок три минуты.

Он зачитал это с маленькой белой карточки. Глядел на карточку, а не на нас. Отчеканивал каждое слово, как в школе. Потом, весь такой уважительный, снял фуражку, перевернул карточку и прочел, что написано на обороте:

— Примите мои глубочайшие соболезнования в этот тяжелый момент.

Пока он читал с той стороны, мы видели, что там написано. Чет спрашивает:

— Тело нашли?

Бэкон пожимает плечами — даром что взрослый, а debil. Засовывает карточку себе в фуражку и нахлобучивает на уши.

Лью Терри (домоуправ): Является какой-то фермер в комбинезоне, звонит в дверь и вытаскивает меня из постели средь бела дня. У этих Дневных никакого уважения! С крыльца не сходит, машет конвертом, где этот дом обратным адресом, говорит, что он отец Кейси. Приехал сюда со своих чертовых куличек, чтобы забрать вещи парня.

Ну, я ему, само собой, выразил соболезнования. Полицейские уже прочесали квартиру, но никто не сказал, что нельзя пускать родственников. А вот дом у нас построен не очень правильно. Чтобы найти квартиру этого парня, нужно пройти весь коридор первого этажа, подняться по пожарному ходу на второй, потом пройти по открытой веранде к задней двери. Я этого папаше не говорил, но пока я сходил к себе за ключом, он уже исчез.

Раз, два, три — добрался до двери сына и зашел внутрь. Сапоги уверенно ступают по моим полам, навоз роняют. Как будто он тут жил. Но, клянусь, он в жизни тут никогда не бывал! Чтобы открыть дверь, показывает, нужно приподнять ручку, и шарниры подаются, болты совсем расхлябанные, так что можно сдвинуть засов без ключа.

Я стою с ключом в руках. Он жестом зовет меня за собой.

Но нас уже опередили.

Шериф Бэкон Карлайл (детский враг Рэнта): Более жестоких людей не видел. Вот такие эти Кейси. Воспитали одного сына, который убежал и где-то убился, наверное, лишь бы огорчить своего старика. А Чет Кейси стоит на веранде и слушает плохую новость, словно я радио и говорю прогноз погоды. Никаких чувств на лице. Вообще никаких! Ну разве только родители такого чумного отпрыска, как Рэнт Кейси, уже давным-давно считают его мертвым.

Лью Терри: Отец парня в квартире со мной, а в ванной кто-то шерудит. Взломщик. Эти хитрые ворюги видят в газете некролог или статью о том, как кто-то коньки отбросил, и вламываются, чтобы утащить стерео, телевизор, лекарства. А раз наш вор в ванной, значит, нарик роется в аптечке.

Папашу это не слишком беспокоит. И грустным он тоже не кажется. Гладит ладонью стену, щупает краску.

Дверь туалета раскрывается, оттуда выходит девушка. Одна ее рука какая-то больная, а в другой она держит мусорный пакет из черного полиэтилена. Смотрит на меня и папашу и спрашивает:

— А вы, блин, кто?

А этот мужик улыбается. Лыбится как обезьяна. Отходит от стены и говорит:

— Эхо... Как, черт возьми, приятно снова тебя видеть!

Айрин Кейси: В то утро, когда Чет поехал в аэропорт, чтобы забрать Бадди из города, он рассказал мне очень странную штуку. Напомнил о коричневых обоях с ковбоями, что мы повесили в комнате Бадди. Сказал их снять. Отпарить и сорвать.

И велел посмотреть, что прячется в стене за каждой козявкой, которую прилепил туда мальчик. Тогда, мол, я в жизни никогда не буду нуждаться. Только сказал надеть резиновые перчатки, прежде чем браться за козявки.

Лью Терри: А эта девушка с больной рукой и мусорным пакетом смотрит на папашу и говорит:

— Мы знакомы?

Наш фермер Джон кивает на черный полиэтиленовый пакет и спрашивает:

— И ради чего тут было вламываться?

— Рэнт дал мне ключ, — говорит девушка.

А он ей:

— Извини. Я, кажись, забыл.

Девушка обращается ко мне:

— Знаете, кто такой порно-приятель?

Мол, на случай смерти многие договариваются с близким другом, чтобы тот обыскал весь дом и забрал наркотики и секс-игрушки. Всякий хлам, о котором не должны знать родители. Она болтает пакетом в руке и говорит папане:

— Все, что вам не надо знать о сыне, здесь, в пакете.

Шот Даньян (автосалочник): Мы все беспокоились за Эхо. Я сам пошел ее навестить. Принес ей однажды вечером пакет куриного супа из кулинарии. Хотел чтобы она ела. Мы сидели и разговаривали, и я не уходил пока она все не съела.

Чтобы не оставалось хвостов, я напичкал суп этими противозачаточными таблетками. Чтобы прочистить ее наверняка — конкретно напичкал.

Лью Терри: Отец парня начал опять ощупывать стены, касаться мягких черных комков, которые ну очень похожи на гашиш. Водит рукой по стене и даже не смотрит на девушку с пакетом, а сам говорит:

— Два старых порножурнала, остатки обезболивающего после единственного визита к дантисту, грязный вибратор и пара наручников, подбитых искусственным мехом.

Девушка заглядывает в пакет.

— Последние две штучки твои, — говорит папаша, — но можешь забирать все.

У девушки вырывается:

— Как, блин?!

Роуми Миллс (уголовный следователь): Стандартная процедура — установить наблюдение за местом жительства всех, кто находился в эмоциональной связи с подозреваемым. Наши люди следили за квартирой Лоуренс и за квартирой подозреваемого. Мы знали, когда Честер Кейси появился и ушел, и можем подтвердить, что и он, и Эхо Лоуренс какое-то время находились там вместе с домоуправом, Льюисом Терри.

Лью Терри: Папаня трогает краску на стене и говорит: «Смотри сюда».

Показывает на комочек гашиша. Достает из нагрудного кармана своего комбинезона складной нож. Раскладывает его и втыкает в штукатурку. Я ему говорю: стойте! Залог за повреждения не покроет дырки в стенах!

Он двигает ножом туда-сюда в стене и говорит:

— Зато деньги, что ты спер, покроют.

Я ничего не крал. Я же говорил вам! И ему говорю, ничего я из этой квартиры не брал.

— Давай спросим продавца с Гринсон-стрит, — говорит папаша и

вытаскивает лезвие из стены. Роется двумя пальцами в дырке. Достает что-то и стирает пыль. Золотая монета. — Это тебе ничего не напоминает?

Роуми Миллс: Менее ясно, почему Эхо Лоуренс после этой встречи пригласила отца подозреваемого к себе. И почему она пустила Честера Кейси жить в своей квартире.

На настоящий момент у нас нет никаких зацепок по поводу местонахождения Бастера Кейси.

Айрин Кейси: Когда я провожала Чета на тот самолет, он, наверное, боялся, что разобьется. Бедняга сказал мне:

— Рин, тебе в жизни пришлось несладко.

Сказал, что сожалеет обо всем, но, что любит меня. И всегда будет меня любить.

В последний раз, когда он посмотрел на меня из двери, куда пошел на посадку, Чет сказал:

— Ты была прекрасной матерью.

Шот Даньян: Обалдеть, в город является папаня Рэнта. Стопроцентно, абсолютно чокнутый. Селится с Эхо. Устраивается на старую работу Рэнта. В первый раз, как мы встретились, этот перестарок хватает меня рукой за шею. Щупает, прижимается ртом к моему и спрашивает:

— Соскучился?

Что, блин, не бред?

Когда я сказал «к моему», я имел в виду свой рот.

Лью Терри: Мы с девушкой-калекой смотрим, как отец этого погибшего парня ходит по комнате. Везде, где есть мягкий черный комочек, он втыкает нож и достает золотую монету. Глядя на девицу, папаша говорит:

— У тебя в квартире в вашу последнюю ночь, когда ты заснула, Бадди наклеил на стены козявки.

Калека переспрашивает:

— Рэнт вытирал о мои стены сопли?

Везде, где есть комочек соплей, говорит папаша, Рэнт оставил ей клад. Та не понимает:

— Как это?

Он говорит:

— На бешенство анализы можешь не сдавать, сразу начинай лечиться. А она ему: — Вы ведь не полицейский, правда?

32 — Оглядываясь назад

Руби Эллиот (детская соседка Рэнта): Я вам скажу, то, что муж бросил ее в аэропорту — еще не худшее, что случилось с Айрин Кейси.

Гленда Хендерсен (детская соседка Рэнта): Бейсин, Руби и я — мы ходили с Айрин в школу. Она вечно пропускала занятия. Ей было как будто все равно, что она явилась на свет без отца. У нее были великие планы. Вечно говорила, что пойдет в колледж или даже в армию, только бы отсюда уехать. Печально, что она так и не добралась дальше девятого класса. В то лето, когда нам было по тринадцать, ей, Бейсин, Руби и мне, мы совсем разгулялись и поздно приходили домой. А потом Айрин бросила подходить к телефону. Вообще все бросила.

Руби Эллиот: Между нами говоря, никто даже не удивился, узнав, что Айрин беременна. Говорят, уже была на третьем месяце, когда вышла за Чета. Еще рассказывают, что откуда ни возьмись на ее веранду поднялся Честер Кейси и спросил ее мать, Эстер, можно ли поговорить с мисс Айрин Шелби. Как будто он и Айрин совсем не знакомы. Честера у нас никто знать не знал. Явился ниоткуда, без работы, без семьи — просто начал ходить по Миддлтону и говорить: «Доброе утро, доктор Шмидт... Здравсьте, преподобный Филдс!» Знал всех по имени.

До того дня Эстер и не подозревала, что ее девочка беременная.

Доктор Дэвид Шмидт (миддлтонский врач): В любом случае ребенок был сыном Чета. Принимая во внимание возраст Айрин, мы хотели точно знать, не делает ли она ошибку, не выходит ли замуж, чтобы человек просто помог бы ей воспитать ребенка. Честеру было лет девятнадцать-двадцать. Мы сделали стандартный анализ на отцовство, и все генетические признаки показали, что ребенок его.

Оглядываясь назад, могу сказать, что по всем этим признакам ребенок был *им самим*. Гены оказались настолько близки, что различить их было невозможно.

Преподобный Кертис Дин Филдс (пастор миддлтонской христианской общины): Яснее всего я запомнил, как во время обязательного добрачного собеседования эта пара избегала любого обсуждения близости. Я предположил, что их щепетильность вызвана состоянием Айрин. Лекция на тему контрацепции означала бы попытку запереть сарай значительно позже того, как оттуда сбежала лошадь.

Объясняется ли это ее беременностью, не знаю, но я еще никогда не

видел пару, настолько физически холодную по отношению друг к другу. Чтобы вы представляли себе, насколько: во время церемонии, когда я сказал Честеру, что он может поцеловать невесту, он поцеловал Айрин в щеку.

Доктор Дэвид Шмидт: Больше всего нас беспокоило, что Честер Кейси мог сам изнасиловать четырнадцатилетнюю Айрин Шелби, а обстоятельства заставляют ее выйти за насильника замуж. Распространенная трагедия в маленьких городках и на фермах: молодые люди попадают в ловушку и расплачиваются за свои оплошности всю жизнь.

Руби Эллиот: Все Шелби, по крайней мере женская часть, родились под несчастливой звездой. Прапрабабку Айрин изнасиловали. Когда прабабка Бел Шелби в тринадцать или четырнадцать лет шла домой из школы, на нее тоже напали. Какой-то пришлый. Шериф никого не поймал, но в результате у Бел Шелби родился ребенок и этот незаконнорожденный ребенок — бабушка Айрин.

Всех женщин в семье Айрин будто преследует несчастье.

Бейсин Карлайл (детская соседка Рэнта): Только не смешите меня! Не называйте распущенность изнасилованием. Женщины из семьи Шелби вечно слоняются где попало. На них не проклятие, а позорное клеймо.

Руби Эллиот: Но как только Хетти Шелби исполнилось тринадцать, все повторилось снова. Еще один незнакомец, еще один ребенок — мать самой Айрин, Эстер.

Эдна Перри (детская соседка Рэнта): Их ферму миддлтонцы называют фермой Шелби, хотя есть Чет Кейси. Все это время сначала Бел растила Хетти, потом Хетти — Эстер. У нас говорят, что, как только маленькой Эстер исполнилось тринадцать, она понесла Айрин.

Руби Эллиот: С такой семейной историей понятно, почему Гленда Хендерсен и я боялись самого худшего, когда Айрин пошла в девятый. Мы ходили с ней повсюду, не сводили с подружки глаз. А когда мы за Айрин не смотрели, смотрели ее мама и бабушка. С другой стороны, они как курицы-наседки за ней бегали и, конечно, её бесили. Возможно, Айрин потому и сбежала, что ее так сильно сторожили. Просто хотела побыть одна, прогуляться вдоль реки, по лесу, одна.

Шериф Бэкон Карлайл (детский враг Рэнта): А в лесу стаи одичалых собак, гулять там одной — самоубийство. Такая юная девочка — да это просто сумасшествие, покушение на собственную жизнь!

Руби Эллиот: А может, Айрин не хотела всю жизнь прятаться за закрытыми дверями, спинами подруг и юбкой матери!

Бейсин Карлайл: Айрин Шелби начала исчезать. По том забеременела. А потом взяла и вышла за Честера. Никаких загадок. Все это бред: говорить, что какой-то насильник насилует четыре поколения одной и той же семьи. Не смешите меня!

Преподобный Кертис Дин Филдс: И все-таки ума не приложу, как ребенок вырос настолько похожим на отца. Да любой, кто бы увидел Бастера и Честера Кейси, поклялся бы, что они — близнецы.

То есть были бы, если бы их не разделяло поколение.

Гленда Хендерсен: Конечно, Чет был чуть постарше Айрин. Может, потому они никогда не показывали, что близки, по крайней мере на людях. Даже за руку не брались. Но они вроде бы жалели друг друга, вплоть до того момента, как Чет залез в этот самолет и больше ни разу не оглянулся.

Айрин Кейси (мать Рэнта): Вы спрашиваете, изнасиловали ли меня? Напал ли на меня незнакомец, который мог быть моим отцом, дедом и прадедом? Зачем говорить такие ужасы?

Не знаю. Забыла. Не помню.

33 — Обратни-4

Шот Даньян (автосалочник): Вот дерьмо ведь! Это если оглянуться назад. Правда дерьмо. Иногда, когда я чищу зубы, то машинально сплевываю зубную пасту в унитаз, а не в раковину. Привычка. Я не думаю о том, что плюю слюной и что моя собака лакала воду из унитаза.

Джейн Меррис (музыкант): Вы помните, что с людьми творилось? Ходили слухи, что Ночные брали яблоки в магазинах, лизали их и клали обратно, чтобы заразить Дневных. А еще говорили, что днем Ночные плюются из окон высоток.

Недди Нельсон(автосалочник): Берлинская стена... Великая Китайская стена... Зона между Израилем и Палестиной... Северной Кореей и Южной... Разве восьмичасовой комендантский час не стал тем же?

Гэлтон Най (член городского совета): Главное, что мне не нравится в Ночных — что они вечно выступают и называют меня узколобым фанатиком. Никто не назовет меня предвзятым. Пусть знают, что моя собственная дочь — так называемая Ночная. Моя кровиночка. Уже почти три года.

Недди Нельсон: А как скоро Дневные решили, что бешенством больны все Ночные? В общепите? В медицине? В уходе за детьми? Вы назовете хоть одного Дневного, кто еще брал на работу Ночных?

Шот Даньян: Моя собака — трехлетний мопс по кличке Сэнди. Она носилась по всему парку за теннисным мячиком, пока так не уставала, что приходилось нести ее домой на руках. И она дрыхла всю дорогу.

Я знал, что не могу подключаться к «пикам», я понимал, что это значит, но какой же я был дурак!

Джейн Меррис: Помните? Ходили слухи о людях, которые не знали, что заразились, целовали мужей и жен, родители целовали детей на ночь и заражали их бешенством. А еще люди заражались в церквях во время причастия, когда пили вино из одной чаши, — ходила и такая история. Мол, все католики и баптисты — бешеные.

Шот Даньян: Моя Сэнди каждый день спала у меня на кровати, головку положив на подушку рядом с моей подушкой. Как маленький бульдозер, зарывалась под одеяло, поворачивала у моих ног, а потом вылезала, так что видна только голова. Вот и говорите, что у них нет характера! Сэнди даже храпела, как человек. Она знала команды: «Дай», «Перекались» и «Жди».

Гэлтон Най: Сколько мы с матерью ее ни предостерегали, она нас не слушала. Мы объясняли нашей девочке, что плохо, что хорошо. Умоляли не гробить свою жизнь ради какого-то глупого подросткового бунта. Мы совершенно четко говорили ей, что День или Ночь — это сознательный выбор образа жизни, но она и слушать нас не хотела.

Недди Нельсон: А вы в курсе, что до отвратительных экспериментов в Освенциме на узниках концлагеря доктор Йозеф Менгеле был известным антропологом? Вы знали, что он путешествовал по Африке, собирая образцы человеческой крови и вирусов? Что его заветной мечтой было выделить факторы, которые доказывали бы разницу между кровью разных рас? А потом создать чуму, которая действовала бы только на одну расу?

А вам известно, что многие результаты исследований Менгеле прибыли в США как часть проекта «Скрепка», по которому ЦРУ давало помилование и новые паспорта ученым-нацистам, если те поделятся секретами Менгеле?

Джейн Меррис: Самым страшным оскорблением было сказать: «Не будь таким Слюнявым!» Или «Только не бесись тут мне». Ночная культура утратила статус преступной элиты и стала синонимом презрения. Любое уничижительное мнение выражалось словами: «Ну прямо Ночь какая-то!..»

Гэлтон Най: Наша девочка окончила с отличием Христианскую академию. Второй по успеваемости из сорока человек! Она была младшим молодежным пастором в нашей церкви три года подряд, а в университете отлично играла в футбол. Мы с ее матерью наняли так называемого частного детектива. Через неделю после того, как она сбежала. И за все наши деньги детектив дал нам только ее снимок в какой-то полуразбитой машине с парнем, под окном написано белым «Молодожены», она в вуали и смеется. На парне белая рубашка и галстук-бабочка. Мы так мечтали, что наша девочка будет венчаться в церкви! Эта фотография просто разбила сердце ее матери.

В Библии сказано: «Не сокрушайтесь о гнилых тросах от коих полезнее освободиться».

Пять тысяч долларов за один мутный снимок, а взамен одно горе. Что ж, мы хотя бы знаем, что этот Ночной подонок все-таки на ней женился.

Шот Даньян: А мне по фигу, что там поется в песне. Иногда поцелуй — это не просто поцелуй. Точно говорю. У меня такая теория, что каждый раз, когда Рэнта кусала летучая мышь или какой-нибудь скунс, вирус бешенства держался в нем дольше и дольше. Специально ли, нет ли, но Рэнт вывел в себе какую-то дрянь, которую медики не смогли вылечить.

Д-р Феба Трюффо (эпидемиолог): До идентификации серотипа Рэнта

единственными неизлечимыми вирусами бешенства были африканские штаммы мокола и дувенхейг.

Гэлтон Най: В Библии сказано: «...и отравлено будет дитя, не угодное родителю». Не забывайте об этом.

Недди Нельсон: А вы читали доклад Киссинджера, который он предположительно подал Национальному совету безопасности в 1974 году? Тот, где Генри Киссинджер предостерегает, что самая большая угроза для будущего американцев — перенаселенность стран третьего мира? Как там это? Нам нужны минеральные и природные ресурсы Африки? Очень быстро эти банановые республики развалятся, когда их население слишком возрастет? Единственный способ, каким Америка может защитить свое благосостояние и политическую стабильность, — это депопулировать третий мир?

И нам еще удивляться, что вирус СПИДа был выявлен где-то в 1975 году?

А вы понимаете, что значит «депопулировать»?

Джейн Меррис: Закон «Эй» гарантировал равный доступ ко всем общественным местам для людей как дневного, так и ночного статуса. Но, скажу я вам, у людей возникла такая паранойя по поводу пота на спортивных тренажерах, слюны на яблоках и прочего, что более дорогие заведения, бары, рестораны, салоны по ночам просто закрывались.

Две культуры жили в одном городе, но расходились все дальше и дальше.

Недди Нельсон: А как вы объясните, что первая вспышка заражений СПИДом в Африке началась в миссионерских больницах, где христиане-волонтеры использовали одну и ту же иглу для вакцинации местных детей от оспы и дифтерии? Звучит знакомо? Может, миллионов детей! Разве теперь непонятно, почему между 1976-м и 1980 годами в некоторых местностях Западной Африки кривая заражения поднялась с 0,7 процента до 40?

Теперь вам очень хочется бежать в государственную поликлинику и стать в очередь на бесплатную прививку от чего бы то ни было?

Д-р Феба Трюффо: Любая вакцинация несет небольшой риск развития энцефалита; неизбежно, что у нескольких человек, получивших профилактические уколы, возникли слабые симптомы бешенства, которые потребовали дополнительного лечения. Само количество привитых сделало отслеживание пациентов невозможным, и, действительно, как минимум два человека погибли в результате иммунизации.

Шот Даньян: Иногда утром я просыпался, а подушка рядом с моей

была мокрая от слюны, столько натекало из пасти моего мопса. Мопсы вообще слюнявые, и я не обращал на это внимания. Слепой дурак!

Д-р Феба Трюффо: В целевой общине возникли слухи, которые преувеличили и неверно истолковали смерти, связанные с вакцинацией. Они ослабили желание людей участвовать в последующих программах лечения а значит, фактически гарантировали постоянный и значительный резервуар вируса среди Ночного населения.

Шот Даньян: Рэнт Кейси говорил: «Что бы ни случилось, сейчас всегда сейчас...» Загадочно, да.

Я думаю, Рэнт имел в виду, что мы живем в настоящем моменте реальности, и что бы ни было раньше, как бы сильно мы ни любили человека или пса, если он на нас нападет, мыотреагируем на опасность.

Недди Нельсон: А вам не кажется странным, что правительственный доклад рекомендует обезлюдить Африку, и к концу двадцатого века начинают вымирать целые поколения? Разве не подозрительно, что бывшие европейские колонии с богатыми природными ресурсами вроде золота и алмазов, страны вроде Ботсваны, Зимбабве и ЮАР, пострадали от эпидемии СПИДа больше всего?

Шот Даньян: Такая у меня была замечательная псина, а я дал ей попить своей слюны. Иногда моя дурость просто зашкаливает. Это точно.

Однажды вечером я проснулся от воя десятиминутной сирены. Сэнди стоит у меня на груди, на шею с ее морды капает слюна. Черные губы задираются, обнажая клыки до самого желтого корня. Жарко дышит на мое лицо и приседает, хочет вцепиться мне в горло, как когда-то прыгала за теннисным мячиком. Как только она делает прыжок, я набрасываю на нее простыню с одеялом и закутываю, чтобы она не могла выбраться. Сэнди весила не больше, чем шар для боулинга, и я ее в этом тюке из одеял поднимаю. Она прямо как оборотень, рычит, царапается, а у меня одеяла такие старые, что нитки видны. Одна лапка уже прорвала ткань, видны черные коготки. Одеяла все намокли от слюны. Я как будто держу росомаху в мокром бумажном пакете. Еще один коготь — и она выберется и начнет меня кусать. Чтобы ее оглушить, может, вырубить, я бью свертком о стену. Сэнди все равно рычит и вырывается. Я врезаю свертком по стене второй раз. Она все вырывается, а я колочу ее о стену, пока сосед не начинает мне стучать. Включается одномоментная сирена, а потом звонок. Начинается комендантский час. Стена, по которой я бью свертком из одеял, измазана чем-то красным. Сверток промок и красный там, где я его бил. Красное капает на пол. Сосед все еще стучит, орет, чтобы я заткнулся, а Сэнди не шевелится и молчит. Это вам не кино про Старого Йеллера.

Сказать, что я впал в панику, — ничего не сказать. Теперь вы понимаете, какой я debil, какой я долбаный идиот.

Недди Нельсон: Вы можете отмахнуться от факта, что до вспышки бешенства сравнительно молодое сообщество Ночных почти превзошло по численности население Дневных? Разве серьезная эпидемия не сделала бы с Ночными то же, что СПИД сделал с Африкой? Разве она не уничтожила бы политическую силу новой группы и не сохранила бы теперешние властные структуры?

Гэлтон Най: Мы не знаем, заразилась она или нет, но рисковать не хотим. Нам надо подумать и о своем здоровье. Не хочу сказать, что мы с матерью ее больше не любим, но в ту ночь, когда наша дочь ушла из дома со своим так называемым парнем, она для нас умерла.

Да хранит ее Бог, но если наша девочка однажды постучится к нам в дверь, мы не откроем.

34 — А что, если?

Недди Нельсон (автосалочник): А вы никогда не задумывались, почему доминантная культура говорит то, что говорит? То есть впаривает вам какую-то совершенную несуразицу? Например, то, что по-научному называют парадоксом дедушки? Как выходит, что даже думать о путешествиях во времени нельзя, потому что в прошлом ты можешь убить собственного деда — чисто случайно, и — пш-ш! — испаришься? То есть, если верить государственным экспертам, надо беречь себя и не соваться в прошлое?

Эхо Лоуренс (автосалочница): Я была совсем маленькой, но помню, что из-за закона «Эй» закрылись исследования эффекта зеваки — ну, когда инженеры вроде моей матери устраивали маленькие аварии и смотрели, как реагируют другие водители. Помню, как мать говорила, что коллеги «уходят». Я думала, она имеет в виду — с работы: уволили или сократили. Каждую неделю «уходило» несколько инженеров. Я спросила ее, не собирается ли она тоже, а она ответила: «Нет». Никогда, сказала не уйдет без своей маленькой Эхо, то есть меня, и моего отца. Сказала, что ни за что нас не оставит.

Недди Нельсон: А если все-таки? Если кто-то отправится в прошлое и переделает его, как остальные это узнают? Разве нам известна не одна реальность, теперешняя? А что, если реальность постоянно переделывают — по чуть-чуть? Или те, кто наверху, уже переделали прошлое, чтобы туда добраться, а теперь запрещают нам играть с историей, а то, мол, мы убьем своего предка и никогда не родимся?

То есть не специально ли они нас пугают? А разве их же ученые не говорили, что земля плоская? Разве они не хотят, чтобы мы сидели дома, как рабы или крестьяне, и не рыпались?

Эхо Лоуренс: Я помню, как в детстве мы очень часто ходили на похороны, обычно маминых сотрудников. В церкви отец пихал маму локтем и говорил:

— Вот куда они на самом деле уходят...

А мать шептала за черной вуалью:

— Не все...

За дверями спальни они спорили о переезде, отъезде, смене места жительства. Мать называла это обратным освоением: заселением мест, где воздух чистый, а вокруг пустая земля. Красивая мечта, но даже ребенку

было ясно, что нелепая. На загрязненной и перенаселенной планете таких уголков не осталось.

Недди Нельсон: А что, если вместо парадокса дедушки есть парадокс бабушки? Я не хочу сказать, что кто-то уже так делал... и все-таки если кто-то побывал в прошлом и в него вмешался? Не изменил, а просто перемешал колоду так, чтобы его расклад стал... лучше? Ну вот, если бы вы вдруг оказались в прошлом — случайно — и познакомились бы со своей прапрабабушкой, еще когда она была молодая? И красотка? И, скажем, у вас бы возник резонанс? А если у нее родится ребенок, который будет одновременно вашей дочерью и прабабушкой? Понимаете, к чему такие мысли могут привести больного человека? Он захочет вывести нового себя, со всякими суперспособностями. Разве нельзя жить себе дальше и встречаться со следующими красотками-предками — бабушкой, мамой, — накапливая гены так, чтобы будущий ты — даже теперешний — становился сильнее, умнее, безумнее... Короче, в чем-то лучше?

Шот Даньян (автосалочник): Нет, блин! Помню, как всех убеждали поставить порты, чтобы подключаться к «пикам». Сначала магазины перестали продавать и давать напрокат видео и книги. Пропали аудиокассеты и компактны. За одну ночь индустрия развлечений переключилась на производство портов и записанных транскриптов. Самое мощное воздействие было направлено на молодых, с четырнадцати лет до сорока пяти. В этой демографической группе не иметь порта было как не уметь читать. Или не быть привитым от какой-нибудь распространенной болезни. Или не носить очки при плохом зрении. Типа ты полный кретин.

И ничего удивительного, что именно эта возрастная группа чаще всего играет в автосалки — или в одиночку или в команде. Но я молчу. Ш-ш-ш! Нам нельзя об этом рассказывать.

Недди Нельсон: Если рвануть в прошлое, разве не получится, что вы живете параллельно истории и всегда знаете о чем скажут в новостях, ведь вы уже проживали это? Разве нельзя стареть степенно и выводить новое, лучшее поколение себя? Покупать лотерейные билеты и ставить на тех лошадей, которые обязательно принесут выигрыш?

Если прожить достаточно долго, разве вы не увидите как родились сами? Не сможете себя самого вырастить? Стать собственным отцом?

Эхо Лоуренс: Вот смотрите. Почти все пассажирские автомобили испытывают на скорости не больше тридцати пяти миль в час. Автомобильная промышленность считает, что водитель будет стремиться избежать столкновения и перед «импульсом» ударит по тормозам. Только не моя мать.

Полицейский на месте происшествия сказал, что наша машина, выехав на среднюю полосу, не замедлила скорость. Никаких тормозных следов. Пока я дрыхла на заднем сиденье, мать направила нас в лоб другой машине. Может, мой отец и был прав, кто знает. Но странно: я пытаюсь найти инженеров, которые работали с моими родителями. Им сейчас было бы только под сорок—пятьдесят, но все они мертвы. Скончались или пропали без вести. Погибли в автокатастрофах или просто исчезли.

Недди Нельсон: Вот я о чём: что, если время — не хрупкое крыло бабочки, как твердят ученые?

Что, если время больше похоже на забор из металлической сетки, который фиг сломаешь?

Вообще, даже если вы что-то испортите, хоть тысячу раз — как об этом узнать? В любой настоящий момент, в любое «сейчас» у нас есть только то, что есть. Понимаете?

Линн Коффи (журналистка): Просмотрите пресс-релизы и официальные заявления правительства, и вы увидите, что они не соответствуют реальным событиям. Исследование эффекта зеваки было приостановлено не из-за принятия закона «Эй». Инженеры просто перестали являться на работу. Если совместить отчеты о затратах с платежными ведомостями и полицейскими протоколами, вы обнаружите много разбитых государственных машин и большое количество инженеров, которые были за рулем, но будто бы сбежали с места аварии. Они не погибли, но больше их никогда не видели.

Недди Нельсон: А когда вы станете скрипучим и дряхлым старикашкой, зачавшим последнюю версию себя, — разве вы не встретитесь с последней моделью, с молодым собой и не поговорите с ним по душам? Скажем, этот улучшенный гибрид — восемнадцати или девятнадцати лет от роду?

Тина Самсинг (автосалочница): Забудьте! Никто не скажет вам, в чем настоящая цель автосалок. Ну, давайте убеждайте себя, что все мы тут дурью маемся. Кучка слабоумных, которые ловят кайф от того, что друг друга таранят.

А мы идем к цели на ощупь. По слухам, по всяким рассказам. Ведь никто толком не знает, как все получается. Никто не расскажет, что происходит на самом деле.

Но кое-кто из нас станет богом.

Недди Нельсон: Вот я о чём: вдруг Рэнт не виноват, что стал плодом чьей-то бредовой затеи?

Разве Рэнт не говорил: «Твое завтрашнее будущее окажется не похоже

на вчерашнее»?

Вы все поняли?

35 — Уход в прошлое

Честер Кейси (фермер): Сейчас будет целый вагон дерьма, вот наслушаетесь...

В ночь до того, как мой мальчик, Бастер, убился, какой-то старый козел рассказал ему длинную небывальщину. Старый богатей по фамилии Симмс. Говорят, что, когда он был в возрасте Бастера и только приехал в город, он попал в аварию. Грин Тейлор Симмс его звали, и вот едет он себе в молодости, а навстречу идет машина через среднюю полосу, даже не притормозив, и врезается в его машину.

Шот Даньян (автосалочник): Рэнт рассказывал так: Симмс просыпается на больничной койке и спрашивает:

— Сколько я тут пролежал?

А сестра ему отвечает:

— Четыре дня...

Эхо Лоуренс (автосалочница): В больнице парень спрашивает:

— Что случилось с моей машиной?

А врачи удивляются:

— Какой такой машиной?

Полиция нашла его на улице без сознания. Он был весь в синяках, со сломанной ключицей и грудиной. Парень им тогда:

— Где моя одежда?

А врачи ему:

— Какая одежда?

Его нашли голым.

Честер Кейси: Всем ясно, что это бред сумасшедшего, но не Бастеру. Бадди, видать, поверил старому.

Эхо Лоуренс: И тогда полиция спросила у парня, как его фамилия и как связаться с его семьей. Он им сказал. На следующий день они приходят к нему и говорят, что таких людей нет и в помине.

Шот Даньян: Копы спросили, какая у него фамилия, личный номер, номер страховки. А на следующий день говорят, что его тоже нет.

Эхо Лоуренс: Врачи посмотрели на шрамы на руках парня, дырки и складки на коже и спрашивают: "Какие наркотики вы принимали?", "А вы знали, что больны бешенством?"

Мур Джеррел (частный детектив): Травмы, которые Симмс описал Рэнту Кейси — ушибы вдоль подвздошного гребня, трещина грудины и

перелом ключицы, — соответствуют травмам, которые могут нанести плечевой и поясной ремни безопасности при лобовом столкновении на большой скорости.

Шот Даньян: И вот Грин Тейлор Симмс в возрасте двадцать трех лет убегает из больницы. Как только упоминается перевод в палату для психбольных, он сбегает, пока его не заперли. Крадет одежду, ботинки и делает ноги. А снаружи всего за четыре дня город стал совсем другим. Не разделен на День и Ночь. Ни у кого нет порта в затылке. Люди читают... Книги. Журналы. Газеты. В окнах видно, что они смотрят телевизор. Из радио и магнитофонов звучит музыка.

Симмс автостопом едет туда, где ему будет спокойнее. Возвращается домой, в старый дом в Миддлтоне. Да-да, откуда сам Рэнт.

Честер Кейси: Просто больно говорить, сколько безумного бреда этот старый Симмс вывалил на моего мальчика.

Шот Даньян: За те несколько лет, что Симмс прожил в городе, кто-то срубил четыре акации по углам двора. И посадил четыре тоненьких саженца, ниже ладони. На доме, как рассказал Симмс Рэнту, кто-то заменил старую, покореженную вагонку новыми прямыми досочками, выкрашенными в такой ярко-белый цвет, что кажутся голубыми. Краска такая свеженькая, что еще пахнет. Его ключ не вошел в замок, а когда он постучал, дверь открыла девушка.

Честер Кейси: Ее звали Хетти, и она была хорошенькой, какими бывают близкие тебе люди на старых снимках. Когда они еще молоды и ждут от жизни только хорошего. Пока время, работа и ты не украли у них молодость. Семьдесят лет назад Хетти было тринадцать лет, она только что вернулась в пустой дом после школы, а через несколько часов должны были прийти с работы родители.

Видимо, чем-то ей этот Симмс приглянулся, потому что она пригласила его в дом и почти сразу залезла с ним в постель. Очень быстро.

Эхо Лоуренс: Конечно, это его версия событий. Он никого не насиловал. Он и не догадывался, кто она, пока Хетти, лежа с ним в ожидании вечера и прихода родителей, сказала:

— Они разрешат тебе остаться, только если я забеременею...

И они снова трахнулись.

Во время этого второго раза Хетти сказала, что хотела бы девочку. Чтобы назвать ее Эстер. А парень во время оргазма заметил на тумбочке часы и календарь. Спрашивает ее:

— Показывает правильно?

Хетти перекатила голову по подушке и говорит:

— Плюс-минус минуту.

А он:

— Нет, я про календарь...

Честер Кейси: Этот старый козел, что рассказывал моему мальчику всякую чепуху, сказал, что почувствовал зачатие ребенка — прилив энергии, ума, смелости и какого-то безумия. Точно, на все сто. Лучше, мол, чем укус любой твари, ядовитый или просто так.

Еще, мол, Хетти пожаловалась своим, что он ее изнасиловал, потому что он не дождался ее родителей, не захотел быть при ней псом приبلудным.

Эхо Лоуренс: Как рассказывал Симмс Рэнту, когда он поцеловал эту Хетти, он почувствовал мясной рулет с луком и сосисками, который она ела на обед в школьном кафетерии. И ее ужин прошлым вечером — жареную телячью печень. И ужин три дня назад — куриную отбивную с маленькими луковичками под сливочным соусом и апельсиновым желатиновым салатом. В тот момент, когда был зачат их будущий ребенок, его зрение, слух, обоняние, осязание и вкус просто... взорвались.

Шот Даньян: Рэнт вел машину, точнее, ездил туда-сюда, и рассказывал мне, что Грин Тейлор Симмс каким-то образом провалился в прошлое на шестьдесят лет. Покатавшись на заднем сиденье своей собственной прабабки Хетти Шелби, Симмс говорит, он чувствовал себя прекрасно. Сна ему требовалось всего два часа. Прямо супермен какой-то.

Тина Самсинг (автосалочница): Вот одна из тайных целей автосалок. Большинство называет это уходом в прошлое. Другие — обратным освоением. А выводить лучшего себя, как Симмс, — это «шуровать в собственной топке».

Эхо Лоуренс: Лучше меня послушайте. Этот так называемый беглец во времени отчаянно жалеет, что плохо учил новейшую историю. И не запомнил хоть парочку призовых лотерейных билетов. Он моет посуду, чтобы подсобрать денег. Работает как может, да всех подряд спрашивает: А «Майкрософт» уже стала открытой компанией?

Ему отвечают: А что такое «майкро...»?

«Майкрософт»!

Но те только качали головами и пожимали плечами.

Шот Даньян: Он спросил кого-то:

— А технологию подключения к «пикам» уже изобрели?

Когда в ответ пожали плечами, он уже не удивился. Только страшно пожалел, что невнимательно сидел на математике и естественных науках.

Каждые несколько лет он возвращается и шпионит за своей дочерью

Эстер, своей будущей бабушкой. А поскольку придумать он ничего не может, говорит, что ее совратил. Встретился с ней тайно, дал денег и рассказал о своей мечте о будущей династии, о своем случайном выпадении в прошлое. Об автокатастрофе.

Эхо Лоуренс: Поверила она ему или нет, изнасиловал он ее или нет, у девочки родился ребенок, которого она назвала Айрин, а мужчина, который теперь называл себя Грин Тейлор Симмс, исчез еще на тринадцать лет.

Мур Джеррел: По словам этого старика, каждое поколение, все эти тринадцатилетние девочки были готовы и даже рады участвовать в его проекте. Его эксперименте.

Эхо Лоуренс: Симмс утверждает, что каждая встреча сперматозоида и яйцеклетки делала его сильнее. Он накапливал еще больше золота, откладывал целое состояние для своего будущего «Я».

Шот Даньян: Абсолютная, полнейшая дикость.

Мур Джеррел: Старческое слабоумие, мягко говоря.

Шот Даньян: Каждое зачатие давало ему кайф. Подстегивало, меняло все его хромосомы или что там еще. Что-то встраивало. Обновляло и улучшало. Он пристрастился к этому, как к наркотику, и повторял все снова, и снова, и снова.

Честер Кейси: Рассказав моему мальчику свою безумную историю, этот старый маразматик попросил Бастера закатать рукава. Стал указывать на шрамы и грязь, въевшуюся в укусы на Бастеровых руках, и говорить: барсук... койот... гремучка... И ни разу не ошибся.

Эхо Лоуренс: Предположим, Грин Тейлор Симмс попросил Рэнта отправиться назад во времени, разбившись в автокатастрофе. Сейчас люди живут дольше. Рэнт мог вернуться на сотню лет назад. Посеять новые поколения себя. Запомнить лотерейные билеты и планы изобретений; постепенно накопить еще больше богатства.

Мур Джеррел: И все это время трахать тринадцатилеток.

Шот Даньян: Симмс пообещал Рэнту, что тот сможет жить вечно. Стать бессмертным.

Эхо Лоуренс: Плюс, чтобы замести следы или просто от инбридинга Симмс совсем рехнулся. Он тайком возвращался и убивал бывших миддлтонских девочек с помощью ядовитых пауков, чумных блох и пчел...

Шот Даньян: А Рэнт говорит этому сумасшедшему старику Симмсу:

— Запомнить? Ты даже не представляешь, что бешенство делает с мозгами...

Эхо Лоуренс: А Грин Тейлор Симмс говорит:

— Я отлично представляю, на что ты способен.

Говорит Рэнту:

— Я — это ты...

Недди Нельсон (автосалочник): Не хотелось бы касаться этой темы, но... Дева Мария, разве она не была дочерью Бога? А в библейские времена ей разве не было, ну, лет тринадцать?

Шот Даньян: Шестьдесят лет назад этого второго Рэнта Кейси отбросило в прошлое, и ему пришлось дожидаться своего настоящего и по пути вносить кое-какие изменения. Как говорят, шуровать в своей топке.

Недди Нельсон: И еще, как насчет всякой мрачнухи из Ветхого Завета, где две дочери Лота упоили отца, а потом «сохранили его семя»?

Честер Кейси: Ну, как я понимаю, вся эта безумная история о том, как вышло, что Бадди съехал с того моста. Мечты этого старого козла — и мой мальчик должен был их исполнить. Но, готов поспорить, мой Бадди сделал малость по-другому.

36 — Наемные убийцы-2

Тина Самсинг (автосалочница): На нашем с Вэксом последнем свидании — да, блин, на последнем! — мы участвовали в Ночи Медового Месяца на левом — ворованном — «Мазерати-Гран-Спорт». Вэкс видит кучу мигалок у депо на Вентворт-авеню и подъезжает, чтобы глянуть поближе.

Осталась только дымящаяся гора железа. Сгорела даже середина товарного состава; пожарники тащат «честь жизни» к самому большому куску «Линкольна». По нашу сторону рельсов в дыму колышутся свадебные ленты и всякая мишура. Валяется белая кружевная вуаль, пропитанная кровью. Алая роза-бутоньерка.

Аллан Блейн (пожарный): Едва я рот открыл, сам сразу понял, что глупость ляпнул. Ну, этой девушке. Когда на работе такие ужасы, я перехожу на автопилот.

В аварии было две машины: первая стояла у железнодорожного переезда, ждала, пока пройдет товарный состав. Как говорят свидетели, вторая машина ударила стоявшую машину, от чего та предположительно врезалась в проходящий поезд. Вторая машина продолжила путь по прямой и также столкнулась с поездом. Оба автомобиля попали под колеса вагонов, которые смяли их и протащили еще около четырехсот футов.

Тина Самсинг: Я знаю всех ребят-спасателей по работе в «Дорожных картинках», и когда Вэкс тормозит, я кричу знакомому, что, мол, случилось. А он говорит: мол, ни за что не поверишь. Там девушка, живая, вся одежда сгорела, а на ней ни царапины. Качает головой и говорит:

— Даже ноготь не сломала!

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): Главный аргумент, доказывающий невозможность путешествия во времени, — то, что теоретики называют Парадоксом дедушки. То есть, если отправиться в прошлое, можно убить собственного предка, тем самым исключив возможность собственного рождения, значит, и возможность отправиться в прошлое и совершить это убийство.

Поразительно, сколь скудно воображение у большинства людей в мире, где миллиарды убеждены, что их бог зачал смертного ребенка в девственности.

Недди Нельсон (автосалочник): Хотите, чтобы я рисковал своей шкурой и рассказывал вам об Историках? А знаете, что бывает за

распространение таких слухов?

Что? Лучший способ и мне, и вам попасть под монастырь?

Шот Даньян (автосалочник): Каждый автосалочник виновато лелеет две мечты: стать или «обратным освоителем» или Историком.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Есть теория путешествий во времени, которая разрешает парадокс дедушки. По ней предполагается, что в момент изменения истории единый поток реальности расщепляется на параллельные ветви. Например, если вы убьете своего предка, реальность разделится на два параллельных пути: один — реальность, в которой вы потом родитесь, а ваш предок не умер, и вторая — где ваш предок умер и вас никогда не зачнут. Ученые называют каждое изменение прошлого и последующую новую реальность бифуркацией.

Недди Нельсон: Вам не кажется, что самые богатые и влиятельные уроды в мире — на самом деле Историки? Вы же не думаете, что они хотят чтобы мы все это знали? Эти, мать их, богачи? Вы не допускаете, что они могут инсценировать свою смерть каждые лет шестьдесят, а потом передавать деньги и собственность своей новой личности?

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: В восточных, азиатских духовных традициях есть концепция, что человек лишь через собственное эго привязан к временному миру, где мы переживаем на своем опыте физическую реальность и время. Просветленный осознает это самонавязанное ограничение и привязку к окружающему миру. Он может освободить свое сознание и отправиться в любое место или исторический период. Мои извинения мистеру Г. Уэллсу, но машины времени для этого не нужно. Любой способен перемещаться в истории или пространстве, если с помощью медитации и духовного роста перестанет цепляться за текущую реальность.

Недди Нельсон: Думаете, умный станет рассказывать об Историках? Учитывая, сколько я вам уже выложил, что это говорит о моей соображалке?

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Существует и третья возможность, хотя она не получила широкой огласки. Помимо бифуркации и путешествий во времени посредством освобождения сознания, эта третья возможность также разрешает парадокс дедушки и помещает путешественника в пороговое состояние, находящееся за пределами линейного течения времени, переживаемого людьми. Проще говоря, у порогового состояния нет начала и нет конца. В нем ничто не подвержено естественным процессам разложения и замены.

В пороговом состоянии ничто не рождается и ничто не умирает.

Очевидно, что подобное бессмертие всегда было доступно лишь богам.

До сего момента.

Аллан Блейн: Оба автомобиля загорелись; пламя перекинулось на груз вагонов, с которыми они столкнулись, а также на пропитанные креозотом шпалы. Свидетели утверждают, что авария произошла в двадцать три часа тридцать пять минут. На место прибыли сразу четыре пожарных расчета. Чтобы совладать со стихией, потребовался еще один добавочный расчет, но к четверем пятнадцати обломки остыли достаточно, чтобы полиция смогла извлечь оттуда тела.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Во всех мифах боги творили свой смертный облик, оплодотворяя смертных женщин. Божество просто выходит из бесконечности порогового состояния, принимает форму ангела, лебедя или зверя и производит соращение или оповещение, после чего рождается смертный отпрыск. Божественное обретает плоть. Бесконечность становится конечной.

Если скрестить эти мифы с парадоксом дедушки, получим обратное: смертная плоть может стать божественной.

Аллан Блейн: Наша группа обнаружила обугленные останки двоих взрослых мужчин и двух женщин, которые, по показаниям свидетелей, были в первой машине в момент удара. Во время обыска обломков второго автомобиля я услышал нечто вроде всхлипывания из смятой передней части салона. После того, как гидравлическим долотом прогнутые и плотно сжатые куски салона были удалены, под ними обнаружилась единственная выжившая — взрослая женщина, очевидно, водитель второго автомобиля. Звуки, которые показались мне плачем больше походили на смех, вероятно, истерический.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Если божество может обрести плоть, зачав жизнь в смертной, быть может, смертный сможет достичь божественности если отправится в прошлое и уничтожит одного или обоих родителей. Вот ответ путешественника во времени на парадокс дедушки: путешественник уничтожает свои физические корни, тем самым трансформируясь в существо без физического начала и, следовательно, без конца.

Проще говоря, в бога.

Аллан Блейн: Будучи членом команды спасателей, я поговорил с выжившей, женщиной приблизительно двадцати пяти лет, убеждая ее сохранять спокойствие до тех пор, пока ее не обследует бригада «скорой помощи», уже прибывшая на место происшествия. Тело потерпевшей было

в некоем панцире или коконе из жесткой сетки. Исследование внутренней поверхности сетки показало, что это сгоревшие и расплавленные остатки одежды и головного убора из синтетического волокна — очевидно, длинного белого платья и вуали, какие надевают невесты на традиционных свадебных церемониях.

Чтобы успокоить выжившую, я спросил ее возраст, имя и дату рождения.

Она была, видимо, в шоке, потому что ответила:

— В следующем месяце мне будет сто шестьдесят три года.

Повела плечами в своем коконе и говорит:

— Ну, неплохо повеселились, а теперь снимите с меня эту горелую гадость...

Тина Самсинг: Вэксмен смотрит, как эта чудо-девушка переходит рельсы, босая, в одеяле, и говорит:

— Вот что мне нужно...

Я подумала, она ему понравилась. Чудо-девушка посмотрела ему прямо в глаза. Но Вэкс имел в виду другое. Совсем другое.

Недди Нельсон: Вы хотите, чтобы я познакомил вас с Историком? Вы хотите быть глупым, но живым, или всезнайкой, но мертвым?

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: В качестве довольно уродливой пародии на Благовещение путешественник во времени посетил бы своего прямого предка, в идеале — мать или отца, до собственного зачатия. Чтобы этого предка убить.

Шот Даньян: Только не путайте «шурование» с «корчеванием». Шурование означает, что вы отправляетесь в прошлое, чтобы вывести лучшую версию себя. Корчевание значит, что вы убиваете предка, чтобы никогда не родиться. Если честно, и то, и другое — порядочная мерзость.

Недди Нельсон: Разве Историки не называют это уничтожением источника или вырыванием корней? Неужели вы не слышали слова «корчевание»? Разве это многое не объясняет? Серийные убийцы вроде Зодиак или Джека-Потрошителя — они ведь могли быть людьми из будущего, которые пытались найти и «выкорчевать» своих матерей?

Тина Самсинг: Вэкс надолго пропадает и появляется только много-много времени спустя после того, как Рэнт Кейси съезжает с моста. В это время полицейские начали меня спрашивать, связывался ли со мной Вэкс. Какие-то ребята погибли в бетонном туннеле в «Ягуаре-Экс-Тайп». Оказалось, что машина в угоне. В заднем кармане джинсов, которые остались в машине, обнаружился бумажник Вэкса. Как будто Вэкс раздолбал «Ягуар», убив двоих парней, смылся, а штаны оставил...

Недди Нельсон: Вы удивляетесь, почему у нас вечно войны и голод? А вы не можете представить, что Историки, которые всем заправляют, радуются нашей смертности?

Тина Самсинг: Пару недель спустя полицейские снова звонят мне по поводу Вэкса. Опять кто-то погиб в ворованной тачке, на этот раз в «BMW». Какой-то свидетель клянется, что едва машина слетела с восьмиэтажной парковки носом прямо в бетонный тротуар, парень на переднем сиденье погиб, а Карл Вэксмен вылез из осколков стекла и пошел себе дальше.

И опять я сказала копам, что он со мной не связывался.

Недди Нельсон: А как можно ожидать, что Историки станут сочувствовать нашим страданиям? Вы плачете, когда вянет цветок? Когда прокисает пакет молока? Вам не кажется, что они видели уже столько смертей, что их сопереживание, эмпатия или как там это называется давно поизносилось?

Тина Самсинг: Копы звонили снова и говорили отпечатки пальцев на руле того «BMW» совпали с отпечатками в квартире Вэкса. Спрашивали, не укрываю ли я его.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: В самых различных духовных традициях существует одна и та же доктрина: истинной силы можно достичь, лишь «убив своего отца». Возможно, это не метафора. Главной сложностью становится перемещение в прошлое до своего рождения.

Затем, естественно, приходит черед действия более легкого физически, но сложного эмоционально — убийства собственного родителя.

Тина Самсинг: Чтобы как-то найти Вэкса, я поискала в телефонной книге его мать, Глорию Вэксмен. Не нашла. Ее девичья фамилия — Элрик, и я звоню всем немногим Элрикам, каких нахожу. В одном говорят, неправильный номер. Когда я прошу Глорию Элрик или Вэксмен по другому номеру, какая-то старушка вешает трубку. Вешает десять раз подряд, так что я еду к ней по адресу из телефонной книги. Из-за двери тот же старческий голос говорит, чтобы я уходила, но я не ухожу.

Я стучу и бью кулаками в дверь, мол, я знаю, что Глория и Вэкс где-то здесь, я только хочу поговорить.

Наконец я угрожаю им полицией, и кто-то открывает. За цепочкой я вижу старика. Он говорит, уходите, а то вызову полицию сам. Сказал, что его дочь, Глория Элрик, погибла почти двадцать лет назад. Она была в машине со своим парнем, а какой-то маньяк застрелил их прямо там. Незнакомец, молодой человек без явных мотивов, которого никто не знал,

убил Глорию и ее парня. И старик хлопает дверью перед моим лицом.

Через дверь я спрашиваю: как звали парня?

А старик мне: Уходите!

Я кричу: Имя скажите!

И старик отвечает:

— Энтони. — Кричит через дверь: — Тони Вэксмен! А теперь уходите!

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Однако, когда путешествие завершено и задача выполнена, бессмертие, возможность жить вечно в мире, где все и вся завянут и умрут, в то время как вы копите знания и богатство, становитесь величайшим из людей — навечно, — кажется, что усилия вполне оправданны.

Недди Нельсон: Вы думаете, что настоящий Историк не убил бы вас просто так, для смеха?

Тина Самсинг: В последний раз, когда я видела Вэкса, я искала команду в платье подружки невесты. К обочине подкатывает «Роллс-Ройс-Сильвер-Клауд». На полированном боку бело-розовая надпись: «Молодожены». Окно у переднего сиденья пассажира опускается. Оттуда, перегнувшись, высовывается Вэкс. Улыбается и говорит:

— Эй, детка, залезай!

Я спрашиваю:

— Ты где пропадал?

А Вэкс отвечает:

— У меня получилось!..

— Что получилось? — спрашиваю я.

Недди Нельсон: Потом, когда Историки «выкорчевывают» своих предков, разве они не проходят долгий процесс, который называют остаточным исчезанием во время которого постепенно исчезают все следы их старого «Я»?

Тина Самсинг: Карл Вэксмен рассказывает, что у него больше нет ни будущего, ни прошлого. Ему не нужно есть, спать, стричь волосы. Ходить в туалет. Он не стареет, не болеет, и его нельзя ранить. Или убить. Он вне времени.

Вэкс говорит:

— Я без начала и конца. — И добавляет: — И я могу сделать тебя богиней.

Ага, конечно, говорю я. Как того мальчика, что сгорел в «BMW»? И ребят в «Лендровере»?

Вэкс хохочет: мол, он просто забавлялся. Говорит, когда становишься

бессмертным, забываешь, что другие люди не такие, начинаешь творить всякую ересь, и кому-то обязательно голову снесет. А кричали они, говорит, смешно, умора.

Со мной, говорит, будет по-другому.

Ага, говорю. А своих маму с папой он тоже бессмертными сделал?

Дверь «Роллс-Ройса» открывается, и Вэкс говорит:

— Да залезай, детка! — Шлепает рукой по сиденью рядом с собой и говорит: — Молодость быстро кончается... Если не доверишься мне.

Но я к нему не села. Я захлопнула дверь и сказала, козел, потому что мне не звонил. Теперь, говорю, его очередь ждать.

— Я-то подожду, — отозвался Вэкс.

К нам подошли какие-то ребята-автосалочники, невесты и женихи в дешевых нарядах. Собрались вокруг «Роллса» в белых ленточках и с консервными банками на хвосте. Спрашивают, не нужна ли Вэксу команда, уже готовы лезть в салон.

Я говорю им:

— Не смейте!

Загораживаю дверь, кричу на них, чтобы уносили ноги.

— Если сядете к нему, этот чертов псих вас прикончит!

А они смотрят на меня, словно чертов псих — это я. В ту ночь, когда я в последний раз видела Вэкса, в конце он мне сказал:

— Постарайся меня не забыть, детка!

Посылает мне воздушный поцелуй, отъезжает и выруливает в поток машин.

С тех пор я не играю в командах. И надеюсь, что больше никогда не увижу Карла Вэксмена.

Недди Нельсон: А вы не думали, что старые боги и спасители вроде Аполлона, Исиды, Шивы или Иисуса — всего лишь неудачники в разбитых «Торино» и «Мустангах», которые поехали играть в автосалки и сумели «выкорчевать» своих предков? Может, все они были когда-то неудачниками, но когда их реальность стерлась, вокруг них возникла новая легенда?

Тина Самсинг: Как только я добралась домой, то позвонила этому чертовому следователю, что меня все доставал. А он говорит, никогда не слышал о Карле Вэксмene.

Аллан Блейн: Я сказал этой девушке глупость, но это было машинально, я же спасатель. Когда мы ее достали и завернули в одеяло, я сказал ей: «Везучая вы девушка!»

Тина Самсинг: На каждом нашем долбаном фото Вэкса больше нет, он исчез. Осталась только я: улыбаюсь рука обнимает пустоту. Губы

бантиком целуют воздух. Даже если напрячься, я не скажу вам, карие у него были глаза или зеленые. Спросите меня еще раз через пару месяцев, и спорю на сто долларов: я скажу, что никогда и не слышала о Карле Вэкмене.

Шот Даньян: Как рассказал мне Рэнт, Симмс хотел от него не секса с предками. Теперь, когда Симмс сделал из себя супергибрид, он захотел бессмертия. Симмс сказал Рэнту отправиться в прошлое и убить свою мать. Ну и его мать тоже.

37 — Корчевание

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): В Миддлтоне спящих собак все объезжают... и метафорически, и буквально.

Эхо Лоуренс (автосалочница): И мы поехали в Миддлтон. Чтобы посмотреть на миддлтонскую христианскую общину. На секс-торнадо. А если повезет, на Зубной музей и диких собак.

Недди Нельсон (автосалочник): Разве мы поехали в Миддлтон не для того, чтобы проверить, жива ли Айрин Кейси? Разве настоящей причиной не было желание узнать, выполнил ли Рэнт задание, которое дал ему Симмс?

Шот Даньян (автосалочник): Мы остановили «Кадиллак» Недди в конце усыпанной гравием дороги, которая вела к белому фермерскому дому на горизонте — дому Рэнта. Вокруг этого дома был двор, тот самый, где Рэнт подкладывал отцу под газнокосилку тухлые пасхальные яйца.

Эхо Лоуренс: Мы остановились посреди ночи и смотрели на дом. В желтом квадрате кухонного окна виднелся черный силуэт Айрин. Одной рукой она держала что-то на коленях, а другой трогала это что-то и потом отводила руку в сторону. Касалась и отводила в сторону. Свет светил сзади. Она сидела склонив голову — вышивала. Мы смотрели, пока Шот с Недди не заснули.

Шот Даньян: Пока Эхо не заснула.

Айрин Кейси (мать Рэнта): Однажды на Рождество мать и бабушка Хетти подарили мне кофту, которую они сами связали. Думаю, связала бабушка, а мама сделала всю красивую вышивку. Розовые розы, вышитые гладью и подложенные войлоком, и зеленые стебли со шнурами под стежками. Все очень сложное. Между роз были фиолетовые цветы барвинка, вышитые длинными и короткими стежками. А на фоне было так много темно-синих французских узелков и «гусеничек», что белая пряжа казалась голубой. Ни одной складочки, ни одной торчащей ниточки.

Это была кофта не для улицы, может, для церкви. Сейчас бы я положила ее под стекло, вставила в рамку и повесила на стену. Вот какой это был шедевр.

Мне не терпелось всем похвастаться, но мать сказала не выходить из дома. Когда стали собираться гости на рождественский ужин, всякие тети, дяди, кузины и кузены, в доме стало так тесно, что я легко улизнула.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: У меня пропало всякое

желание писать об этом ничтожестве Рэнте Кейси. Сожалею, что обсуждал с ним свои теории о пороговом состоянии. Кейси был подвержен галлюцинациям, вызванным хроническим заболеванием, и погиб ужасной смертью в безумной надежде на спасение. Даже называя его жертвой и глупцом, мы уделяем ему слишком много внимания, превращаем его образ в мученика.

Айрин Кейси: В лесу у миддлтонской реки я гуляла и воображала, что вода — это звук проезжающих машин. Я притворялась, будто живу в шумном городе, где могут произойти всякие чудеса. В любой момент. Совсем не как в Миддлтоне, где на закате мать и тетки запирают двери. Хотя до ближайших соседей, Эллиотов, и было полмили, мать задерживала в доме все занавески, прежде чем включить хоть одну лампочку.

Мать и тетки постоянно твердили мне, что нельзя говорить с чужаками.

Но у нас никогда не было чужих. В Миддлтоне-то!

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: На сегодняшний момент уже четырнадцать человек с нарушениями психики направили свои автомобили в какие-либо преграды или с обрывов и погибли, очевидно, имитируя Рэнта Кейси. Что касается лично меня, я крайне возмущен тем, что мистер Кейси объявил меня серийным насильником и убийцей.

Айрин Кейси: Обычно на реке было шумно и ветрено, но не сегодня. В то Рождество река замерзла и притихла. Земля была такая твердая, что не оставалось отпечатков. Ветер не шуршал опавшими листьями, не гремел голыми ветками. Идешь словно по черно-белой фотографии зимы — без звука, без запахов. Я была будто единственным живым существом, и двигалась только я. Из рта вырывался пар, похожий на призраков. Воздух был такой сухой, что пальцы било током.

Насколько я помню, день был такой черно-белый, что мои глаза так и искали пятнышко цвета. Потому я и заметила крошечный отблеск золота. Далеко, посреди замерзшей реки, на тонком льду над глубокой водой, я увидела крошечную яркую золотую искорку.

Тина Самсинг(автосалочница): Грин Симмс, конечно, скажет вам, что Рэнт был чокнутый. Сам-то он фактически из элиты и не хочет, чтобы новый порядок ставил его положение под угрозу.

Айрин Кейси: Я поддела носком теннисной туфли то, что там блестело. Круглое и яркое. Монетка. Подтянула длинный рукав кофты, чтобы манжета не запачкалась, и наклонилась, чтобы потрогать монету. Может, шоколадная? Шоколадная «пиратская монета» в золотой фольге из нашего магазина. Другой рукой я придержала волосы на затылке, чтобы не

мешали смотреть.

Речной лед был с песком, но все равно скользкий. А подо льдом вода такая глубокая, что почти черная.

Я ухватила монетку двумя пальцами и вытащила из грязного льда.

Где-то за деревьями и рогозом послышался лай. Собаки рычали и щелкали зубами.

Я прикусила монету: твердая, не ломается, пристаёт к губам на холоде. Настоящая монета. Сокровище. Я лижу золото, дата выпуска...

— Привет.

Кто-то сказал: Привет.

Невидимые собаки где-то были.

Сзади, по самому глубокому месту, теперь гладкому как стекло, подошел мужчина. Вокруг нас лед. Он сказал:

— Как ты мило выглядишь!..

Рождественское небо висело над ним, голубое как мулине.

Эхо Лоуренс: Они не знают, что я это видела, но я проснулась на заднем сиденье машины и видела, как Шот поцеловал Недди Нельсона в губы. Шот сказал:

— Вот теперь ты заразился.

А Недди ему:

— Надеюсь! Второй раз терпеть не буду.

Айрин Кейси: Мужчина протянул руку и пощупал рукав моей кофты. Потом сказал:

— Какая прелесть!

Я попятилась, крепко сжимая в кулаке золотую монету, пряча на случай, если она его. Кивая на рогоз, я сказала:

— Там дикие псы, мистер.

Его глаза и рот не выглядели никак. Он не улыбался, не хмурился, а был просто как когда люди бывают одни. Он плотнее вцепился пальцами в мою вязаную кофту и сказал:

— Расслабься.

— Не надо, мистер! Не тяните, пожалуйста!

Он потянул рукав к себе так сильно, что плечевой шов треснул, выскочила нить.

— Я тебя не обижу.

Я прятала монету, и поэтому у меня оставалась всего одна рука. Туфли скользили по льду. Чтобы спасти кофту, я ступила ближе и сказала:

— Вы же ее испортите...

Недди Нельсон: А разве вы не поняли, что бешенство — ключ ко

всему?

Айрин Кейси: Эта кофта, эта белая пряжа стала как сеть. Паутина акрилового паука. Он впутал в нее обе руки, вставил пальцы в узлы и швы, и когда он встал на колени, его вес потянул меня вниз. В застегнутой на все пуговицы кофте я пыталась уклониться от его дыхания призрака, а потом он лег на грязный лед и утянул меня за собой. Мы были связаны, спутаны.

В кустах вокруг лаяли собаки. Мужчина собрал губы в трубочку:

— Ш-ш-ш! Тише!

Сердце в его пальто: один глухой стук на четыре скачка моего.

Он закатил глаза в сторону лая и собак, и я сказала себе, что он меня спасает. Что все в порядке. Он просто схватил меня и повалил, чтобы защитить. Он услышал как сюда бежит собачья стая, и решил спрятаться.

Когда лай стих, отдалился, не доставая пальцев из моей кофты, он посмотрел на меня — так близко, что видел только мои глаза. Касаясь своими ресницами моих, он спросил:

— Ты никогда не думала, кто твой настоящий папа?

Недди Нельсон: Разве не бешенство заглушает порты, чтобы вы перестали подключаться к «пикам»? Разве тогда вы не можете отправиться в прошлое?

Айрин Кейси: Помню, что я пыталась задержать дыхание, потому что каждый раз, когда я выдыхала, он придавливал меня еще сильнее, и мой следующий вдох был меньше. Он давил мои внутренности, давил и давил, пока в глазах у меня не завертелись искры. В небе из голубого шелка.

Он сказал:

— Я смотрел, что у тебя в мусорке.

Я помню длинные рукава кофты, закрученные и обвернутые вокруг меня, плотно, как те рубашки, которые надевают в кино сумасшедшим, чтобы не двигали руками. Все мои пальцы привязаны по-разному.

Он сказал, что по мусору знает, сколько прошло часов и минут с моих последних месячных. И сказал, что ребенок, который у меня будет прямо сейчас, почти наверняка родится мальчиком. Он станет королем, этот мальчик. Императором. Гением, который сделает меня богатой и возвысит над всеми остальными женщинами.

И с каждым моим выдохом он становился все тяжелее, а мое дыхание все мельче, пока я наполовину не потеряла сознание.

Недди Нельсон: Уж не поэтому ли правительство так настаивало, чтобы всем сделали порты? Чтобы не слишком много народу занималось автосалками и вмешивалось в историю?

Айрин Кейси: Воздух пах, как чистая вода в чистом стакане в жаркий

день. Лед не пах никак. Земля отвердела. Река замерзла. Ветра не было. Мы были как будто вне времени. Ничего не происходило, кроме нас.

Он сказал, что мальчиковые сперматозоиды плавают быстрее, но живут не так долго, как девочкины. Его дыхание пахло, как отрыжка после свиной сардельки на завтрак.

Я сказала, что хочу писать.

А он сказал:

— Когда закончим.

Недди Нельсон: Разве вы не знаете о тайном эффекте, который вещает государство? Люди даже этого не осознают, но разве этот эффект не держит вас здесь, чтобы вы не вмешивались в историю?

Айрин Кейси: Я помню, я извинялась, что на него написала. И на него, и на себя. Но было так больно, а от холодного воздуха еще больнее. В то время, когда я выходила на улицу, я надевала девять или десять пар трусов. Чтобы казалось, будто у меня уже есть бедра.

Я не хотела, но когда он расстегнул мою ширинку и просунул во все эти трусы свой холодный большой палец, внутрь меня, я описалась. Горячее поползло сквозь белье и джинсы. Горячее впиталось в пряжу. А я вся холодная как лед.

В грязи, в моей рождественской кофте, мужчина выжимает из меня воздух и называет меня «...матерью будущего...», я даже не могла представить, что бывает еще хуже.

Я помню, как он крутил руку перед моим носом пальцы мокрые и дымятся на холоде, а я говорила: Извините.

Я сказала:

— Уже все!

Он засунул мокрые пальцы в меня, а я все еще называла его «мистер». Говорила:

— Собаки давно убежали!

Недди Нельсон: Разве Историки не называют это Забвением, местом вне пространства, где время встало? Местом вне времени.

Айрин Кейси: Этот мужчина поднес колено к моей груди, как будто хотел встать на мне на колени, и зацепил носком черной туфли ширинку моих джинсов. Когда он стянул джинсы и трусы мне на щиколотки и притоптал их, я подумала, сколько народу село за рождественский ужин у меня дома. Слишком много, чтобы мать меня хватилась.

Эхо Лоуренс: То пасхальное яйцо, что Рэнт мне оставил, — он написал на нем что-то белым воском, чтобы, окунув его в краску, я смогла прочитать скрытое послание.

Айрин Кейси: Это хуже, чем когда Бейсин Карлайл со всей силы прибивает тебя мячом во время игры в вышибалы. Хуже, чем спазмы от месячных. Он тыкал, толкал, шерудил внутри, очень больно. Колючий песок, грязная вода, талый лед. Тонкий лед растаял подо мной в грязную лужу.

Я представила себе застрявший кусочек ткани, который снова и снова медленно прошивает огромная швейная машинка.

Мои руки связаны плотно, как у младенца или мумии — или новорожденного, или беспомощного мертвеца, — а мужчина двигался на мне, быстрее, пока не остановился, и все его мышцы и суставы стали твердые как камень, как замороженные.

Потом он весь расслабился, размягчился, но меня не отпустил. Цепко держал меня.

Его сердце стало биться медленнее. Он сказал:

— Пока еще не получилось. На всякий случай нам придется повторить.

Эхо Лоуренс: Вместо краски я опустила яйцо в чашку кофе. Когда я выпила кофе, яйцо осталось на дне бумажного стаканчика. Рэнт написал мне: «Через три дня я воскресну из мертвых». Какая-то пасхальная цитата.

Айрин Кейси: Пока он ждал, он понюхал свою руку и сказал:

— Ты пахнешь совсем как твоя мама, и бабушка, и прабабушка в этом возрасте...

Ничто не двигалось. Никто не лаял.

— Роди этого ребенка, — прошептал он, прижавшись ртом к моим глазам, губами к моим плотно сжатым векам, — и ты станешь самой знаменитой матерью в истории...

Внизу он задвигался снова, вдавливая меня в лед, через лед в реку, и сказал:

— А не родишь — я вернусь и заставлю тебя родить другого...

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Если хотите знать, на моем яйце было такое тайное послание: «Иди на хрен!»

Айрин Кейси:

— Да, — сказал он, и щетина на его подбородке врезалась мне в шею.
— Да. Да, о да! Пожалуйста!

Его бедра ударились в мои так сильно, что по льду побежали трещины — одна, другая, третья, как молнии. Снизу хлынула вода. Белые трещины зигзагом пошли к берегу.

Шот Даньян: Не знаю почему, но на моем яйце было написано: «Грин Тейлор Симмс».

Айрин Кейси: Приподнявшись на локтях, он увидел:

— У тебя кровь.

Он смотрел на мою руку. Я так сильно сжимала монету, что золото порезало кожу на ладони. Края вырезали идеально ровный кружок, чуть глубже вверху и внизу. Мужчина разжал мои пальцы, и в них, в ярко-красной крови, золотая монета сияла как Рождество. Еще много недель нового года у меня будет малиновый синяк с датой 1884.

И он сказал мне:

— Оставь себе. Чтобы заплатить за чистку кофты.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: До этого времени у автосалок не было героя, и менять положение было бы неосмотрительно. Явления под названием «уход в прошлое» не существует. Бессмертных Историков — тоже. Что более вероятно — вся эта белиберда про путешествия во времени или что кто-то сошел с ума?

Утверждать обратное было бы крайней беспечностью и безответственностью.

Айрин Кейси: Мужчина подтянул штаны. От его штуки, в моче и крови, шел пар. Капала сперма. Он застегнул ширинку и огляделся. Потом посмотрел на меня и сказал:

— Побудь здесь, пока я не уйду.

И ушел вверх по реке, по воде, до самого далекого горизонта.

Тина Самсинг: Нет, настоящее вранье, настоящие вруны — это Эхо Лоуренс и Шот Даньян. Потому что они знают правду, но не хотят говорить. Можно отправиться в прошлое и изменить его. Они каждую ночь пытаются.

Айрин Кейси: Мои ноги открыты голубому рождественскому небу. Кофта примерзла, вросла в лед. Я осоловела от удушья, смотрю, как кругом пузырится в трещинах вода. Слышу, как скулит и стонет река, растаскивает сломанные куски.

Моя теплая кровь и моча замерзают. И его сперма.

Речной лед сдвигается, ломается. Оживает.

Тина Самсинг: Вот как большинство власть имущих предугадывают события и извлекают из этого выгоду. Может быть, именно так они всегда захватывали власть. А может, только в новой истории. Не знаю. Как тут узнаешь? Я знаю только, что кто-то этим занимается. И не хочет, чтобы этим занимались вы.

Айрин Кейси: Я даю льду опустить меня в холод, и тут из кустов слышится голос. Из рогоза на берегу замерзшей реки кто-то сказал:

— Миссис Кейси? Айрин?

Голос сказал:

— Мама?

Оттуда вышел почти голый мальчик, он весь дрожал и обнимал себя руками.

Впереди у него был лист голубой бумаги. Как в больнице. Он стоял в бумажных шлепанцах и сказал:

— Меня никто не хотел подвезти.

Стуча зубами, он сказал:

— Я опоздал.

И спросил:

— Я ведь опоздал?

Эхо Лоуренс: На больничном браслете, который был тогда на Честере, стоит день, когда его вытащили из реки. Ровно за девятнадцать лет до того, как Рэнт отправил свою машину в ту же самую реку. У меня этот браслет сохранился, мне отдал его Чет.

Рэнт исчез в реке и Чет выплыл из реки двадцать первого декабря.

Айрин Кейси: Мальчик стоял, сдвинув коленки, на замерзшей грязи, сцепив пальцы у рта, откуда шел пар. Все его тощее тело сжалось, как кулак, и тряслось.

Он говорил:

— Все будет хорошо... С тобой все будет хорошо... Его руки все в шрамах. Стучащие зубы — черные.

На вид как старшеклассник.

Если не считать куска синей бумаги, стоит в этом рогозе в чем мать родила.

Недди Нельсон: Хотя это звучит гадко, разве Рэнт не женился на собственной маме? Разве он не сменил имя на Честера Кейси и не остался с ней, чтобы помочь вырастить ребенка? Вырастить самого себя?

Айрин Кейси: Я не могла сесть, так сильно вмерзла в лед. Не могла дотянуться до джинсов или трусов.

Льдины сдвигались и кренились, а голый мальчик побежал ко мне. И все твердил: Не шевелись! Повторял: Ты ранена!

Река хлынула и затопила лед. А мальчик сказал:

— Никогда не пытайся остановить попутку в таком виде.

Скользя и шаркая синими бумажными шлепанцами, он подобрался ко мне и сел, чтобы помочь надеть трусы и джинсы. Когда его трясущиеся пальцы коснулись меня, между нами проскочила искра. Электрическая искра, с треском. Громким. Яркая-яркая, даже на дневном свете. Между его пальцем и моим.

Недди Нельсон: Разве это не похоже на... Троицу? Рэнт, Честер и старый Грин Тейлор Симмс, как у католиков: трое — одно целое, но разные?

Айрин Кейси: Оба замерзшие, мы сползаем с треснувшего льда, и я слышу, как за нами плещется река. Моя рождественская кофта растянулась и запачкалась. В красных и желтых пятнах. Кровь и моча. Растянулась и испорчена.

Голый мальчик сказал:

— Мне жаль из-за... этого.

А я расстегнула пуговицы и вытащила руки из грязных рукавов. Протянула кофту ему:

— Бери. А то до смерти простудишься.

Недди Нельсон: Разве это не объясняет, почему Чет Кейси не очень расстраивался о смерти сына? Почему он просто переехал в город? Разве речь не о больших обратных петлях во времени?

Айрин Кейси: Пока мы шли на рождественский ужин, я спросила его:

— Кто ты на самом деле?

А мальчик ответил:

— Не надо тебе этого знать...

Эхо Лоуренс: Петли, как вышивальные стежки.

Шот Даньян: Что, бред? Рэнт Кейси не погиб, а стал Честером. Отцом. Когда машина Рэнта загорелась и, как рождественская елка, скатилась с Барлоуского виадука, он отправился в прошлое, но не для того, чтобы убить Айрин, как планировал Симмс. Рэнт хотел защитить Айрин. Полный бред.

Айрин Кейси: Вот как Чет появился в моей жизни. Я точно не знала, пока не увидела, что у меня задержка, но так появился и Бастер.

Эхо Лоуренс: Я проснулась от лая собак. Мы стоим все там же и смотрим на старый дом Рэнта. Еще ночь. Включился свет на передней веранде, скрипнула дверь. Высунулся чей-то силуэт, и женский голос крикнул:

— Фа-ас!

Завывание, вой и рычание отдалялись, звуки расплывались.

Шот Даньян: Женщина на веранде в свете желтой лампочки крикнула:

— Фас! Иди сюда, мальчик!

От ствола акации отделился другой силуэт. Мужской голос спросил:

— Миссис Кейси?

Эхо Лоуренс: Айрин отозвалась:

— Боуди? Боуди Карлайл?

Тот уже поставил ногу на нижнюю ступеньку веранды. Дверь скрипнула, и Айрин сказала:

— Заходи. А то до смерти...

Боуди Карлайл (детский друг Рэнта): Видите ли, жизнь поворачивается в хорошую или плохую сторону ненадолго. А потом поворачивается куда-нибудь в другую сторону.

Шот Даньян: Мужчина зашел. Свет на веранде погас.

Недди Нельсон: А разве не тогда нас арестовал этот так называемый шериф, Карлайл?

Хадсон Бейкер (старшеклассница): Трудно объяснить, но в каждом туалете нашей средней школы кто-то написал в каждой кабинке: «Эмбер Най истекает бешеной слюной!»

Только вообще-то писала сама Эмбер.

Правда трудно объяснить.

Тони Уидлин (автосалочница): Подростки танцевали танец, который называли «Слюнявый», то есть изображали, как отнимаются ноги у больного бешенством в последней стадии. Топтались по танцполу, вспенив минералку на языке, врезались друг в друга и рычали. Говорят, этот танец — хороший способ заработать пулю в лоб от полицейских.

Шот Даньян (автосалочник): Тех, кто хочет заразиться, мы называем «плевательницами». А тех, кто хочет свой вирус передать, — «разносчиками».

Грин Тейлор Симмс (автосалочник): Как Чарльз Диккенс описывал французский террор: во времена чумы всегда найдутся те, кто не успокоится, пока не заразится.

Хадсон Бейкер: Мы с Эмбер с головы до ног намазывались солнцезащитным кремом с фактором 200 или около того. Мы очень хотели, чтобы за нашими спинами шептали: это Ночные! Чтобы полиция пыталась нас арестовать. Сейчас я думаю, мы хотели, чтобы люди нас боялись. Как будто в любой момент мы съедем с катушек и вцепимся в горло всем учащимся христианской академии.

Тони Уидлин: Я, помню, слышала, как какие-то глупые Дневные подростки, которые хотели перейти в Ночь, хвастались своей «родословной», то есть первоисточником их бешенства. И все божились, что их заразил Рэнт Кейси или Эхо Лоуренс. Все хотят быть на особом положении, казаться особенными — но не слишком. Большинству достаточно быть не более особенными, чем их же приятели.

Хадсон Бейкер: Мать и отец Эмбер понятия не имели, что мы сбегали каждую ночь. Мы надевали черные парики и мазали лицо белым. Сейчас я думаю, перед настоящими Ночными мы выглядели совершенно по-дурацки. Мы надевали черные колготы и черные платья, которые покупали в комиссионках, а мистер и миссис Най даже не знали, что у нас это все было. Мы вставали на угол и ждали, пока остановится какая-нибудь машина с автосалочниками.

Сейчас об этом тяжело говорить.

Тони Уидлин: Я помню, что все говорили: Рэнт Кейси — отец автосалок и он не погиб. Те же самые ребята скажут вам, что Элвис, Джим Моррисон и Джеймс Дин просто устали от известности и инсценировали собственную смерть, чтобы писать стихи на юге Франции. Когда все лгут, что видели Рэнта и целовались с ним, от их лжи все в выигрыше. Правительство говорит, что Рэнт жив, потому что им нужен козел отпущения. Ребята говорят, что он жив, потому что им нужен герой.

Хадсон Бейкер: Эмбер была так влюблена в Рэнта, что крада с почты плакаты «Разыскивается» с доски, где обычно висят десять разыскиваемых ФБР беглецов. Каждый раз, когда вешали новый плакат, Эмбер его крада. Там была фотография Рэнта с той поры, когда он только перешел на Ночную сторону. Эмбер хотела оклеить этими плакатами свою комнату, но мистер Най дико бы разозлился.

Тони Уидлин: Для молодежи Рэнт и Эхо стали Адамом и Евой новой эры: как Ф. Скотт и Зельда, Джон и Йоко, Сид и Нэнси, Курт и Кортни. Помню, что все, кто прослеживал свою «родословную» до рта Рэнта или Эхо называли себя «детьми Рэнта» или «отпрысками Эхо».

В каждой школе есть свои Ромео и Джульетта, своя трагическая пара. И у каждого поколения тоже.

Хадсон Бейкер: В нашей школе по ночам те же самые парты и классы использовали другие дети. Ночные. У них были свои, Ночные, учителя, вахтеры и так далее. Даже своя медсестра. Ночные сидели за нашими партами, пока мы дома спали, а мы сидели там, пока спали они. Иногда на нижней стороне стола жевательной резинкой была приклеена записка: какой-нибудь Ночной хотел познакомиться, и можно было оставить записку в том же месте. Так мы с Эмбер встретили одного парня, Грегга Денни.

Грегг Денни (старшеклассник): Эти дневные сучки меня нашли, решили расстаться с девственностью. Я мог иметь столько чистых дырок, сколько хотел. Дневнячки только услышат, что я заражен, и сами за мной бегут. А мы их называли «плевательницами». Потому что им слюны хотелось.

Шот Даньян: Каждый долбаный Дневняк, который утверждает, что целовался с Рэнтом Кейси, называл себя «чистокровкой». Жалкое зрелище. Будто они скаковые лошади или вампиры — душераздирающе.

Хадсон Бейкер: Грегг Денни — настоящий хищник, без шуток!

Грин Тейлор Симмс: Как и в случае Зубной феи, у каждого народа есть своя версия Страшилки, таинственной фигуры, которая существует не для вознаграждения детей, а для наказания. Например, голландский Зварте

Пит, который помогает святому Николасу тем, что бьет хлыстом тех, кто плохо себя ведет. В Испании есть Эль Коко: бесформенное волосатое чудовище, которое пожирает детей, если они не идут спать. В Италии «луомо nero», человек в черном плаще, похищает тех, кто плохо ест. Похожи на Санта Клауса португальский «хомем до сако», болгарский Тор-балан и персидский «лулу-хорхоре», которые ходят с огромными мешками не для того, чтобы дарить детям подарки, а чтобы уносить с собой самых непослушных.

Хадсон Бейкер: Мы с Эмбер поклялись, что никогда не сядем в машину друг без друга. Если в какой-то команде было место только для одной, мы их отправляли и ждали следующей. Или вдвоем, или никак — мы всегда хранили обещание.

Д-р Феба Трюффо (эпидемиолог): Современное общество борется с проблемой суперносителей с тех самых пор, как Мэри Мэллон отказалась изменить свое поведение. Поскольку Тифозная Мэри отказалась бросить работу повариши, она провела последние двадцать три года жизни в принудительном карантине на острове Норт-Бразер. Если говорить о более близких к современности случаях, в 1999 журнал «Нью-Ингленд джорнэл оф медсин» сообщал о 9-ти летнем мальчике из Северной Дакоты, с необычными бактериями туберкулёза в лёгких. Он заразил свою семью и 56 школьников, оставаясь сам абсолютно здоровым. В 1996 издание «Энлз оф интенл медсин» сообщило о вспышке стафилококковых инфекций с повышенной сопротивляемостью к антибиотикам, которая произошла в послеоперационной палате. Как выяснилось, инфекция *Staphylococcus aureus* скрывалась глубоко в синусах на вид здорового студента-медика.

Недди Нельсон (автосалочник): Вы когда-нибудь слышали, что такое Закон о стандарте действий в экстренных ситуациях? Его предложил тогдашний президент сразу после фиаско одиннадцатого сентября, помните? Вы знали, что по этому закону государство имеет право объявить любого угрозой для общественного здоровья и посадить за решетку до конца жизни? Вы часто слышите о надлежащей правовой процедуре? Думаете, ваше дело будут рассматривать с судьей и участием присяжных? Вы что, шутите?

Д-р Феба Трюффо (эпидемиолог): В сельской местности Китая болеть проказой было худшим позором, что заставляло многих зараженных скрывать свое заболевание. В ответ на это правительство предложило денежную награду всякому, кто сообщит о прокаженном, тем самым заставляя зараженных лечиться. Заболевание в стране было искоренено.

В Индии, где более демократическая форма правления не позволяет

ввести подобную программу, люди по-прежнему болеют проказой.

Закон о стандарте действий в экстренных ситуациях всего лишь позволяет федеральному правительству приостановить действие всех местных и штатных властных структур, конфисковать собственность и подвергать карантину население, чтобы эффективно справиться с любым возбудителем инфекции.

Хадсон Бейкер: Эмбер думала, что заразиться — лучшее обещание быть вместе. Как будто они с этим парнем обречены оставаться друг с другом. Сейчас мне кажется, она думала, что близкое общение со смертью даст ей по-настоящему наслаждаться жизнью, чувствовать себя как бы более живой. Обычные люди ее бы жалели, кто-то избегал бы или осуждал, но Эмбер была бы рада такому вниманию к своей персоне.

Эмбер сказала, что это не даст ей подключаться к «пикам». Она хотела жить реальной, живой жизнью. Ну, это правда трудно объяснить.

Грин Тейлор Симмс: Английское слово «bogeypan», «Богимен», страшилка, происходит от слова «Бони», насмешливого прозвища, которым британцы наделили Наполеона Бонапарта. Со временем «Бони» превратилось в «Бонимена», а затем в «Богимена», которым начали пугать непослушных детей.

Хадсон Бейкер: Эмбер хотела быть в команде с Греггом Денни. В ту ночь я и не села к нему. Отпустила ее одну.

Д-р Феба Трюффо (эпидемиолог): Как скорее всего имело место в случае Бастера Кейси, асимптоматический и заразный переносчик часто имеет иммунные расстройства, связанные с другим заболеванием. Например, один разносчик коронавируса, более известного как атипичная пневмония, ранее страдал от заболевания почек, что позволило ему инкубировать и передать огромное количество вируса.

Грегг Денни: Одна сучка забеременела и говорит, что хочет родить от меня бешеного ребенка. Хочет посмотреть, сможет ли она его выносить, не лечя инфекцию. Не понимаю, к чему это все.

Хадсон Бейкер: Эмбер мне вечно говорила: «Рэнт Кейси — отец моего бешенства...» Будто она с ним встречалась и все такое. Типа их любовь скреплена поцелуем.

Грегг Денни: Может, какая Дневнячка от меня и залетела, но бешенства у меня никогда не было. Я только сочинял, что заражен, чтобы искать себе чистых девочек.

Хадсон Бейкер: Эмбер тогда уже жила с Греггом Денни. Она думала, что ее ребенок будет наполовину человеком, наполовину животным. Например, однажды она мне сказала: «Я делаю огромный шаг назад в

эволюции человека...»

Д-р Феба Трюффо (эпидемиолог): Как и серотип рабдовируса Рэнта, почти все современные эпидемии «перескочили» с животных на людей: атипичная пневмония — форма коровьего коронавируса или парагриппа крупного рогатого скота; болезнь Кройцфельда-Якоба стала человеческой формой коровьего губчатого энцефалита или «коровьего бешенства»; а синдром приобретенного иммунодефицита скорее всего произошел от обезьяньего вируса иммунодефицита.

Грин Тейлор Симмс: Как только Рэнт Кейси погиб или по крайней мере исчез, он стал очень эффективным «страшилкой» для правительства. Всякий раз, когда федеральному правительству требовалось отвлечь внимание общественности от собственных просчетов, главный врач государственной службы здравоохранения просто объявлял о новой вспышке эпидемии бешенства, облаву на Рэнта или и то, и другое.

Недди Нельсон: Разве вы не видите, что эпидемии бешенства как таковой нет? Разве вы не понимаете, что политики сделали Рэнта Кейси своим козлом отпущения? Неужели вы действительно согласны, что Ли Харви Освальд действовал самостоятельно? Или что Джеймс Эрл Рей был «убийцей-одиночкой», когда убивал доктора Мартина Лютера Кинга-младшего? А как насчет Сирхана Сирхана? Или Джона Уилкса Бута?

Вы действительно верите, что один человек мог вызвать вспышку эпидемии бешенства по всей стране?

Грегг Денни: Сучка, у которой гормоны зашкалили, а от бешенства шарики за ролики заехали, — с такой я вряд ли бы связался. Забудьте! Я слышал, некоторые годами ходят с заразой, может, она из таких.

Д-р Феба Трюффо (эпидемиолог): Суперносителей иногда называют суперинфекторами или суперраспространителями. Из-за того, что этих заразных людей окружает невидимый смертельный туман из слюны и капелек слизи, эпидемиологи иногда называют их «облачными» носителями.

Недди Нельсон: А разве вас не пугает, что Закон о стандарте действий в экстренных ситуациях преобладает над всеми законными правами человека?

Шот Даньян: Если можно посадить под замок всех своих врагов, не обвиняя их в преступлениях и не вызывая адвоката, — это называется карантин. Врачи стали новыми судьями и присяжными. Болезнь — новым оружием массового уничтожения.

Недди Нельсон: Почему, думаете, каждому политику-радикалу

«ставят диагноз» бешенства и сажают под замок, а потом объявляют о его смерти? Разве непонятно, что это убийство в законе?

Хадсон Бейкер: Когда я уже не могла ничего сделать, я позвонила мистеру и миссис Най и рассказала им все про Эмбер, про записки, приклеенные жвачкой, про автосалки, и они наняли детектива.

Только когда они приехали к Греггу Денни, Эмбер уже там не было.

Недди Нельсон: Как вы можете говорить, что Рэнт Кейси отреагировал слишком бурно? А как должен реагировать разумный человек, когда узнает, что он всего лишь продукт порочной и злой системы? Как жить после того, как понимаешь, что каждый твой выдох, каждый доллар, который ты отдаешь налоговикам, каждый зачатый тобой любимый ребенок будет развивать аморальную систему?

Как жить, зная, что каждая твоя клетка, каждая капля крови — частички огромного зла?

39 — Последние зацепки

Уоллес Бойер (продавец автомобилей): Вот сейчас, если бы вы почесали за ухом, я бы тоже почесал за ухом. Если бы вы наклонили голову набок, я бы сделал то же самое. Я «веду» вас, убеждаю контактом глаз и доказываю, что я к вам равнодушен.

Я бы сказал: «Вот смотрите» — еще одна скрытая команда.

Если бы вы сказали: «Путешествие во времени невозможно», я преодолел бы ваше возражение словами: «Да, многие утверждают, что это невозможно, но разве люди не говорили, что братьям Райт не удастся оторваться от земли?»

Эхо Лоуренс (автосалочница): В последний раз, когда я видела Грина Тейлора Симмса, мы участвовали в Ночи Матрасов. Грин привязывал матрас к крыше своего красного «Даймлера». «Окно» еще не открылось, и мы зашли на пит-стоп, чтобы заправиться. Мы стояли, опираясь о машину, рядом с насосами. Грин был в своем костюме в тонкую полосочку. Он вставил пистолет в бак и нажал. Воняло бензином и жареной курицей.

Я не предупреждала Шота, потому что хотела поехать с Грином одна. Я рассказала Грину Тейлору Симмсу, что в город приехал отец Рэнта Честер.

Наблюдая, как на насосе крутятся цифры, копятся деньги и галлоны, Грин спросил:

— Скажи, старший мистер Кейси очень много бредит?

Мимо проезжают «Торино», «Беги» и «Торнадо», все с матрасами на крышах. Лица в машинах поворачиваются к нам, смотрят на наш матрас. На каждом углу стоят люди, голосуют. Некоторые машут парой банкнот: мол, есть на бензин.

Я повторила Грину Тейлору Симмсу, что рассказал мне Честер Кейси.

Грин ничего не ответил. Просто слушал. И смотрел, как на нас смотрят другие команды.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Свежие новости: похоже, у нас еще один совершенно непрошенный случай дежа-вю. Три полицейские машины на полной скорости преследуют горящий автомобиль, направляющийся на запад по Мэдисонской кольцевой. Это Тина Самсинг с новостями для зевак...

Уоллес Бойер: Удобнее, как сказал мне Чет Кейси начинать с простого. Представлять время не как реку а как книгу. Или записанную

пластинку. Что-то конечное. Как фильм: с началом, серединой и концом, уже готовое и завершённое.

А потом представить путешествие во времени так: ты роняешь на пол недочитанную книгу и теряешь место, где остановился. Поднимаешь книгу и открываешь на том, что происходило до или после, но уже не точно там, где читал.

Эхо Лоуренс: Слушая меня, Грин Тейлор Симмс оставил шланг, обошел вокруг машины и засунул голову в водительское окно. Сказал: «Я слушаю» — и нажал на зажигалку на панели.

Вот такая старая у него была машина. Мы все не курили.

Шот Даньян (автосалочник): Однажды Рэнт сказал, что мы воспринимаем время так, как хотят от нас власть имущие. Как будто это ограничение скорости на каком-нибудь шоссе. Санта Клаус или Пасхальный Кролик. Как будто время — Зубная фея, в которую нас приучили верить. Как дорога или река, которая движется только в одном направлении.

Но ограничение скорости меняется. Санта Клауса нет.

Рэнт сказал мне, что время не такое, как мы думаем. Оно сворачивается. Оно петляет. Оно останавливается и снова начинает идти — и это лишь немного, что он узнал.

Большинство людей, говорит Рэнт, движутся по времени, как бескрылая птица по суше. Но такое отношение ко времени нам привили, чтобы люди не жили вечно. Это запланированное старение, на которое все мы согласились. Все кроме тех, кто не умирает. Историков. — Никто не говорит, что ты должен всему этому верить, — сказал мне Рэнт. — Ты всегда можешь просто умереть.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Новые подробности о скоростном полицейском преследовании. Горит, по всей видимости, только матрас, привязанный к крыше автомобиля. Водитель по-прежнему направляется на запад по Мэдисонской кольцевой и приближается к Центральному Бизнес-парку. Ждите новой информации по мере поступления, с вами была Тина Самсинг и новости для зевак...

Эхо Лоуренс: В «Даймлере» Грина зажигалка щелкнула, словно сказала: «Думай».

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (Историка): Позвольте мне выразить, что я думаю, вкратце. Мозг человека работает на четырех основных уровнях частоты. В обычном состоянии бодрствования и активности мозговые волны находятся на уровне «бета», от тринадцати до тридцати циклов в секунду. В состоянии покоя ваш мозг переходит на

уровень волн «альфа», от девяти до четырнадцати циклов в секунду. Когда вы чувствуете сонливость, ваш мозг замедляется до уровня «тета», от пяти до восьми циклов в секунду. Наконец, когда вы погружаетесь в глубокий сон без сновидений, волны вашего мозга замедляются до уровня «дельта», от одного до четырех циклов в секунду.

Уоллес Бойер: Вам нет причин этому верить. Вам даже нет причин это слушать, но подумайте, сколько умных богатых и сильных людей в истории слегло в могилу, утверждая, будто солнце вращается вокруг нас. И еще подумайте, что когда-нибудь, когда вы уже будете мертвы и сгниете, дети с молочными зубами будут сидеть на уроке географии времени и смеяться над вашей глупостью.

Эхо Лоуренс: Насос щелкнул, и цифры перестали крутиться. Шланг подпрыгнул и затих. Грин Тейлор Симмс сунул руку в карман пиджака и достал бумажник.

— По словам Чета Кейси, — сказала я Грину, — мы познакомились с Рэнтом, потому что ты узнал его на том углу...

Грин вытащил двадцатидолларовую банкноту, потом еще одну, потом десятку, полусотенную... Достал все бумажные деньги из бумажника.

Я сказала:

— Подними рукава. Покажи руки.

А Грин мне:

— Как ты думаешь, кто придумал твою любимую игру, от которой ты так балдеешь? Кто, по-твоему, выбирает «поле», «флаг» и «окно», а потом сообщает всем остальным?.. А что, по-твоему, случится с автосалками без меня?

Вокруг стоит вонь бензина.

Грин Тейлор Симмс отдает мне деньги и говорит:

— Ты не могла бы купить мне лакрицы «Ред Вайнс»?

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Большой интерес представляет идея, что среднестатистический человек легко достигает этого мистического, медитативного состояния, волн «тета», к которому так стремятся монахи и паломники, за рулем обычного автомобиля. Во время любой поездки, когда вы ведете машину достаточно долго и далеко, чтобы забыть об этом, вы погружаетесь в глубокую «тета»-медитацию. Вы открыты видениям. Своему подсознанию. Творчеству, прозрению и духовному просветлению.

Эхо Лоуренс: Я ушла от него, когда из его автомобиля еще торчал шланг. Зашла в магазин, купила лакрицы, заплатила за бензин и вышла. И — вот блин! — красного «Даймлера» след простыл.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Особый интерес представляет «тета»-уровень мозговой активности. Именно на этой частоте, по словам мистиков, чаще всего случаются видения и приходит вдохновение. В моменты расслабления, когда вы принимаете ванну, ведете машину или засыпаете, вы погружаетесь в «тета»-волны и соприкасаетесь с глубокими, далекими воспоминаниями. Проводите между ними параллели, переживаете откровения.

Чтобы стимулировать «тета»-активность мозга, тибетские буддийские песнопения поются в монотонном ритме, который совпадает с медленной частотой мозговых волн. В тех культурах, где принято использовать барабаны, шаманы вызывают «тета»-активность постоянными монотонными ударами по четыре в секунду.

Пэтти Рейнольде (бармен): Я был у седьмой колонки. Тот, о ком вы говорите, — у пятой. Я услышал шум струи и обернулся. Этот пожилой человек поливал бензином матрас, привязанный к крыше его красного автомобиля. На нем был темно-синий деловой костюм. Седые волосы. Хорошие туфли. Бензин весь впитался в матрас, только пару капель скатились по бокам машины и на окна. Запах был ужасный.

Помню, что он сел на место водителя и собрался отъезжать. Ему пришлось включить «дворники», столько бензина текло по ветровому стеклу.

Уоллес Бойер: Как я вам уже говорил, я познакомился с Рэнтом Кейси после его смерти. Все оставшееся время полета, когда я сидел рядом с Честером Кейси, он пытался обучить меня невозможному. Пил мой скотч и говорил мне, что время — не прямая линия.

Время — не река. Не настенные часы, не песочные. Оно идет не в одну сторону.

Можно нанять целую толпу замечательных специалистов, которые проанализируют, как все может быть, но некоторые все равно глянут на их доказательства и скажут, что мир плоский. Что человек не мог произойти не от человека. Что Элвис Пресли жив.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Я Тина Самсинг, это срочный новостной бюллетень передачи «Дорожные картинки». Все ведущие на запад полосы Мэдисонской кольцевой перекрыты в связи с аварией автомобиля на центральном съезде. К месту происшествия прибыли команды спасателей, которые пытаются погасить огонь. Уже образовались пробки на Маркетском транспортном пересечении и 287-й автостраде. Движение по Мэдисонской кольцевой в восточном направлении также замедлено...

Шот Даньян: Черт. Я не знаю, как получаются выходы в прошлое. Я не могу вам объяснить, как именно работает электрическая лампочка, и уж тем более не могу ее сделать с нуля. Но пользоваться ими я умею.

Выжигаете себе мозг бешенством. Садитесь за руль и впадаете в «тета»-транс. Куда-нибудь врзаетесь и просыпаетесь голым где-нибудь в прошлом.

Уоллес Бойер: Если это поможет, подумайте, что раньше люди считали мир плоским. Двухмерным. Они верили только в ту часть мира, которую видели, пока один человек не изобрел корабли, а другие смельчаки не отправились в плавание и не нашли остальную часть Земли. Представьте, что Рэнт Кейси — Христофор Колумб путешествий во времени.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Движение на западной стороне остановилось. Как на парковке. Спасатели сообщают, что огонь на центральном транспортном пересечении потушен и последствия аварии убраны с дороги. Ребята из «скорой» еще ждут своего груза.

По первым слухам, сгоревший «Даймлер-Бенц» пуст. Передача «Дорожные картинки» на «Авторадио» делится с вами самыми кровавыми подробностями...

40 — И снова Рэнт

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: Не нужно задира́ть голову к небу, чтобы сказать, что сегодня полнолу́ние. Нам уже сообщили о легком столкновении у четырнадцатого дорожного столба на 217-м шоссе, где две свадьбы бросают друг в друга куски торта. С новостями для зевак каждые десять минут Тина Самсинг в передаче «Дорожные картинки»...

Недди Нельсон (автосалочник): Разве не всем известно, что некоторые еще играют в автосалки? Чтобы достичь дорожного транса, добиться новых идей? Или насладиться чувством погони? Или чтобы знакомиться с людьми, тусоваться?

Эхо Лоуренс (автосалочница): Расслабьтесь! Если Шоту Даньяну удастся переместить себя в прошлое, мы все проснемся в новой реальности, где он стал отцом технологии «пиков». Наконец он применит свое образование и станет Томасом Эдисоном нейротранскриптов. Если, конечно, вспомнит достаточно технических подробностей. Заниматься всякими художествами — это одно, а вот породить целую, блин, форму искусства — совсем другое.

Нет, как только он вернется и изменит историю, мы, быть может, проснемся в мире без нейротранскриптов. Мы будем смотреть фильмы и читать книги. Зато не умрет его мопсик Сэнди.

Шот Даньян (автосалочник): Может, Рэнт и не был такой... пробивной или крутой, каким мы его вспоминаем. Может, так создается любой религиозный образ — друзья о нем хвастаются, все больше и больше, чтобы и побольше секса обломилось. Можно представить, как святой Петр в баре рассказывает какой-нибудь смазливой девчонке: «Ага, я с Иисусом Христом тусовался. Мы были не разлей вода...»

Может, никто и не путешествует в прошлое. Может, такие враки, все, что пахнет лучше, чем мысль о смерти — черной, чернильной и навсегда, — такие вот почти сексуальные враки создают мировые религии. Может, Рэнт просто мертв.

Эхо Лоуренс: Подумайте, кто это говорит! Может Шот Даньян сам хочет улизнуть в прошлое без всякой конкуренции.

Шот Даньян: Фигня! А знаете, если Эхо отправится в прошлое, она будет жить и сегодня, но с обычными руками и ногами. Нормальными. И с живыми родителями. Она не будет строгать и пачкать секс-игрушки. Ей будет столько же лет, сколько Рэнту или Честеру, или как он сейчас себя

называет. Они будут просто два обычных человека среднего возраста.

Эхо Лоуренс: Если сумеет вернуться в прошлое Недди, не будет закона об эффективном использовании инфраструктуры. Люди будут жить как в каменном веке, любой идет на улицу или сидит дома, когда захочет. Без комендантских часов. Все дороги — одна огромная пробка, как раньше.

Шот Даньян: Можно возразить, что мы постоянно меняем время, возвращаемся мы в него или нет. Я закрываю глаза, и Рэнт Кейси, которого я себе представляю, не настоящий. Рэнт, о котором я вам рассказываю, отфильтрован, окрашен и искажен мной. Как любой подкрученный «пик».

Вот так я меняю прошлое — и чаще всего этого не замечаю. Можно сказать, я постоянно порчу прошлое, настоящее и будущее.

Эхо Лоуренс: Если Рэнту когда-нибудь удастся сделать все правильно, если он когда-нибудь вернется вовремя, чтобы спасти свою мать от... того, чтобы она стала его матерью, — есть вероятность, что вам будет незнакомо имя Рэнта Кейси. Они с Грином оба станут Историками, людьми без начала и конца.

Шот Даньян: Что, прикольно? Вместо биографии эта книга станет художественной выдумкой. По сути, исторический артефакт, где записано прошлое, которого не было.

Как Санта Клаус и Пасхальный Кролик. Еще одна Устаревшая истина.

Боуди Карлайл (детский друг Рэнта): У меня прямо башка кипит, когда я пытаюсь переварить весь этот бред. Народ говорит, что Рэнт свалил в прошлое, совсем с катушек съехали. И может, он что-то там делает, и всего этого никогда не будет. Или просто не будет его самого.

Еще ходят слухи, что миром управляет какая-то тайная банда. Они не умирают, а для смеху заправляют всеми нами. Зависит от того, как они обойдутся с историей, но завтра, возможно, я стану не более реальным, чем Супермен или король Артур.

Не нужно психиатров, чтобы сказать: все это бред сивой кобылы.

Недди Нельсон: Спросите себя: что я сегодня ел на завтрак? Что я ел вчера на ужин?

Видите, как быстро исчезает реальность?

Тина Самсинг (автосалочница): Что бы я изменила? В следующую же ночь автосалок, как только к бордюру подъедет какой-нибудь «Мазерати» или «Роллс-Ройс», я в него сяду.

А вам всем, неудачникам хреновым, — счастливо сдохнуть!

Конец

41 — Участники интервью

Хадсон Бейкер (старшеклассница) в настоящее время стала студенткой и изучает уголовное судопроизводство.

Доктор Бреннен Бенворт (дантист) помещен под государственный инфекционный карантин на неопределенный срок.

Алан Блейн (пожарный) помещен под государственный инфекционный карантин на неопределенный срок.

Уоллес Бойер (продавец автомобилей) читает лекции о своем кратковременном общении с Рэнтом Кейси на борту самолета.

Вивика Броули (танцовщица) помещена под государственный инфекционный карантин на неопределенный срок.

Дениза Гарднер (риэлтор) получила звание Продавца «Миллионер-Бонус-Плюс» на региональном внутреннем рынке односемейной недвижимости.

Шон Гарднер (строительный подрядчик) совместно с женой организовал телефонную горячую линию «Гот-Стоп» для своевременной помощи родителям подростков, оказавшихся в плену готического образа жизни.

Шот Даньян (автосалочник), ранее известный под именем Кристофера Даньяна, пропал без вести с тех пор как управляемый им автомобиль съехал с трехсотфутового обрыва.

Грегг Денни (старшеклассник) погиб. Застрелен полицией по подозрению в бешенстве.

Мур Джеррел (частный детектив) помещен под государственный инфекционный карантин на неопределенный срок.

Бренда Джордан (детская подруга Рэнта) продолжает вести активную семейную, церковную и общественную жизнь.

Лейф Джордан (детский друг Рэнта) продолжает вести активную семейную, церковную и общественную жизнь.

Руби Эллиот (детская соседка Рэнта) продолжает вести активную семейную, церковную и общественную жизнь.

Шериф Бэкон Карлайл (детский враг Рэнта) обвинен в неправомерном аресте, связанном с предполагаемым преследованием посетителей Миддлтонского музея зубов.

Бейсин Карлайл (детская соседка Рэнта) продолжает вести активную семейную, церковную и общественную жизнь.

Боуди Карлайл (детский друг Рэнта) является смотрителем и директором недавно открывшегося Миддлтонского музея зубов.

Честер Кейси (фермер) пропал без вести во время крушения транспортного средства вскоре после исчезновения Грина Тейлора Симмса.

Айрин Кейси (мать Рэнта) в настоящее время богатая филантропка и главный спонсор Миддлтонского музея зубов.

Линн Коффи (журналистка) написала документальную книгу «Подбил — смывайся: история автосалок».

Альфред Линч (сотрудник фирмы по уничтожению вредителей) помещен под государственный инфекционный карантин на неопределенный срок.

Кэнада Мерсер (программист) недавно отпраздновал первый день рождения своего ирландского сеттера Лулу.

Сара Мерсер (начальник отдела маркетинга) в сентябре этого года ожидает рождения первого ребенка.

Джейн Меррис (музыкант) продолжает играть на сцене панк-рок в свободное от работы бухгалтером время.

Роуми Миллс (уголовный следователь) недавно был назначен главным администратором федеральной программы по сдерживанию инфекции бешенства. Следит за арестом и помещением под карантин инфицированных.

Недди Нельсон (автосалочник) был в последний раз замечен в автомобиле, из которого исчез Честер Кейси.

Гэлтон Най (член городского совета) успешно пролоббировал программу содержания всех зараженных бешенством или подозреваемых в изоляции до тех пор, пока угроза здоровью общественности не будет устранена.

Дэнни Перри (детский друг Рэнта) продолжает вести активную семейную, церковную и общественную жизнь.

Лу-Энн Перри (детская подруга Рэнта) продолжает вести активную семейную, церковную и общественную жизнь.

Полк Перри (детский сосед Рэнта) продолжает вести активную семейную, церковную и общественную жизнь.

Эдна Перри (детская соседка Рэнта) продолжает вести активную семейную, церковную и общественную жизнь.

Джефф Плит (начальник отдела кадров) в настоящее время успешно работает моделью и снимается в рекламе плавок.

Саймон Прегер (художник) продолжает писать портреты в свободное от работы юристом время.

Тодд Ратц (продавец-нумизмат) купил остров в Средиземном море, где и проживает в настоящее время.

Пэтти Рейнольдс (бармен) продолжает работать в баре в свободное от приема наркотиков время.

Хартли Рид (владелец магазина «Придорожный») не признал свою вину в опрометчивом поставлении в опасность, хотя, по показаниям свидетелей, лизал яблоки, которые впоследствии выставлял на продажу.

Лоуэлл Ричардс (учитель) недавно отпраздновал шесть месяцев воздержания от спиртного.

Ливия Рошель (учительница) недавно отпраздновала шесть недель воздержания от спиртного.

Грин Тейлор Симмс (Историк) все еще находится в розыске в связи с исчезновением Бастера Л. Кейси.

Тина Самсинг (автосалочница) в последний раз была замечена в «Додж-Вайпере», который впоследствии разбился о товарный поезд и взорвался. Спасатели не обнаружили на месте происшествия ни выживших, ни пострадавших.

Эдит Стил (начальник отдела кадров) помещена под государственный инфекционный карантин на неопределенный срок.

Лью Терри (домоуправ) в настоящее время отбывает двадцатипятилетнее тюремное заключение за совращение малолетних.

Карло Тиенго (управляющий ночным клубом) помещен под государственный инфекционный карантин на неопределенный срок.

Луэлла Томми (детская соседка Рэнта) продолжает вести активную семейную, церковную и общественную жизнь.

Д-р Феба Трюффо (эпидемиолог) была назначена федеральной главой по решению проблемы бешенства и в настоящее время координирует деятельность правоохранительных органов согласно Закону о стандарте действий в экстренных ситуациях.

Тони Уидлин (автосалочница) продолжает участвовать в автосалках, но отрицает слухи, согласно которым она стала организатором игры.

Преподобный Кертис Дин Филдс (пастор миддлтонской христианской общины) внес изменения в обряд причастия после того, как совместное питье виноградного сока из чаши в его приходе из шестисот человек вызвало вспышку бешенства.

Мэри Кейн Харви (учительница) мечтает о том, что на пенсии будет жить «где угодно, только не в Миддлтоне».

Гленда Хендерсен (детская соседка Рэнта) продолжает вести активную семейную, церковную и общественную жизнь.

Сайлас Хендерсен (детский друг Рэнта) продолжает вести активную семейную, церковную и общественную жизнь.

Доктор Дэвид Шмидт (миддлтонский врач) закрыл практику и принял пост регионального директора карантинной службы согласно Закону о стандарте действий в экстренных ситуациях.

Кэмми Эллиот (детская подруга Рэнта) продолжает вести активную семейную, церковную и общественную жизнь.

Лоуган Эллиот (детский друг Рэнта) продолжает вести активную семейную, церковную и общественную жизнь.

Комментарии переводчика

1 — Введение

Джефф Дамер (Jeff Dahmer) — американский серийный убийца, осужденный и убитый в тюрьме другим заключенным.

Джон Уэйн Гейси (John Wayne Gacy) — американский серийный убийца, осужденный и казненный с помощью смертельной инъекции.

Гаэтан Дюга (в других источниках — Дугас) (Gaetan Dugas) — стюард одной из канадских авиакомпаний, который предположительно завез в Америку СПИД и был назван «нулевым пациентом».

Бастер (Buster) — в переводе с английского «крутой парень, пацан».

Лэндрю (Landru) — фамилия французского серийного убийцы Анри Дезире Лэндрю (Henri Desire Landru), прославившего Синей Бородой.

Кейси (Casey) — имя героя американского песенного фольклора, Кейси Джонса, легендарного машиниста, который стал известен благодаря обстоятельствам своей гибели. Заметив стоящий на путях товарный состав, он приказал помощнику прыгать, а сам, пытаясь тормозить, погиб при столкновении. Имя Кейси Джонса стало символом отваги и героизма.

Энди Уорхол (Andy Warhol) (1931 — 1987) — американский художник, один из лидеров поп-арта.

Тифозная Мэри (Typhoid Mary) — Мэри Мэллон, женщина, которую считали ответственной за крупнейшую эпидемию тифа в начале XX века.

Тед Банди (Ted Bundy) — серийный убийца, был казнен на электрическом стуле.

Шэрон Тейт (Sharon Tate) — голливудская актриса, жертва убийцы Чарльза Мэнсона и его «семьи».

2 — Ангелы-хранители

Джон Уэйн (John Wayne) — киноактер, известный в первую очередь ролями ковбоев, военных и героев приключенческих фильмов и вестернов.

3 — Собаки

Каб-скауты (cub scouts) — бойскауты-волчата (младшая дружина бойскаутов; от 8 до 10 лет).

5 — Невидимое искусство

Мандала — буддийское священное изображение в форме круга.

6 — Зубная фея

Хантавирус — вирус, который вызывает гриппоподобное заболевание с выраженным легочным синдромом и летальностью более 50%.

7 — Дом с привидениями

Пиньята (pinata) — разукрашенный сверток или коробка с конфетами, фруктами и подарками. Детям на празднике надевают повязки на глаза и дают палки, которыми они разбивают пиньяту и получают подарки.

«Утя-Утя» (Ducky Ducky) — детская игра, в которой ведущему завязывают глаза и дают подушку. Остальные садятся в круг, и ведущий кладет одному из них подушку на колени, говорит «Утя-Утя» и по ответу «Кря-кря» должен угадать, у кого на коленях он сидит.

«Передай апельсин» (Pass the Orange) — детская игра, в которой команды передают друг другу апельсин, зажав подбородком.

«Свистящие крекеры» (Whistling Crackers) — детская игра, в которой дети соревнуются, кто быстрее съест три крекера.

9 — Рыбалка

«О, святая ночь» (O Holy Night) — рождественский гимн.

12 — Еда

Темпе — азиатский продукт из ферментированной сои.

«Счастливый горшок» (lucky pot) — обед или ужин, на который приглашенные приходят со своей едой.

«Рыжая Бетти» — печеный пудинг из яблок, специй и хлебных корок.

Крамбл — пирог с крошкой.

13 — Стояки

Бенедикт Арнольд — герой американской Войны за независимость, ставший позднее предателем и изменником. Имя Бенедикта Арнольда стало нарицательным именем предателя.

15 — Подкрученные «пики»

Алкогольная фетопатия — заболевания плода, связанные с употреблением матерью алкоголя.

16 — Команда

«Скотчгард» — специальная пропитка для защиты ткани от влаги и загрязнений.

17 — Наемные убийцы

Поэт Джон Китс сказал: «Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал...»

На самом деле слова принадлежат О. Уайльду (Баллада Редингской тюрьмы, пер. Н. Воронель).

Алькантара — дорогая синтетическая материя, на ощупь напоминающая замшу.

18 - Город

Гобрехтовские доллары (по фамилии гравера Кристиана Гобрехта)

высоко ценятся у коллекционеров.

19 — Начинающий водитель

«Аякс» («Ajax») — известная компания по прокату автомобилей.

23 — Любовь

Пшеничный пенни (wheat penny) — редкая одноцентровая монета 1909 года.

24 — Обратни-2

Лэп-данс (lap dance) — танец, который стиптизерша исполняет, почти присаживаясь на колени клиенту.

25 — Козел отпущения

Тельца Негри — включения в мозговой ткани, являющиеся при вскрытии одним из признаков бешенства.

27 — Ночь Елки

Рутбир (root beer) — безалкогольное пиво из корнеплодов.

Начо (nacho) — закусочное блюдо мексиканской кухни: кусочки лепешки, запеченные с сыром и перечным соусом.

Джеймс Дин (James Dean) — голливудский актер, погибший в автокатастрофе.

Джейн Мэнсфилд (Jane Mansfield) — голливудская актриса, погибшая в автомобильной катастрофе. После первых репортажей о ее смерти ходила легенда о том, что она была обезглавлена. Причиной слухов стал парик, слетевший с головы актрисы в момент аварии.

Джексон Поллок (Jackson Pollock) — американский художник, один из наиболее известных представителей абстрактного экспрессионизма 1950-х годов. Погиб в автокатастрофе в возрасте 44 лет.

Грейс Келли (Grace Kelly) — бывшая киноактриса, которая оставила карьеру и вышла замуж за принца Монакского Ренье. Попала в автомобильную катастрофу на юге Франции и скончалась в Монако в 1982 году.

Эрни Ковакс (Ernie Kovacs) — известный телевизионный ведущий, погибший в автокатастрофе.

29 — Обратни-3

Стейтен-Айленд — остров, на котором расположен округ Ричмонд г. Нью-Йорка; входит в состав территории города.

33 — Обратни-4

Йозеф Менгеле — нацистский военный преступник, врач-убийца, замучивший экспериментами тысячи пленных в концлагерях.

В Библии сказано: «Не сокрушайтесь о гнилых отбросах, от коих полезнее освободиться», «...и отравлено будет дитя, не угодное родителю»

— в действительности цитаты лишь приписываются этому источнику Гэлтоном Наем.

Старый Йеллер (Old Yeller) — кличка собаки из известного американского фильма 1957 г. В конце фильма собака, защитившая семью от бешеного волка, заболевает бешенством, и старший сын вынужден ее застрелить.

36 — Наемные убийцы-2

«Челюсти жизни» (Jaws of Life) — название пневматического устройства, которое раздвигает искореженные части автомобиля и обеспечивает спасателям доступ к пострадавшим в автокатастрофе.

Зодиак (Zodiac) — прозвище знаменитого серийного убийцы.

38 — Обратни-5

Ф.Скотт и Зельда — писатель Ф. Скотт Фитцджеральд и его жена Зельда.

Сид и Нэнси — панк-рокер Сид Вишес («Sex Pistols») и его подруга Нэнси.

Курт и Кортни — рок-музыкант Курт Кобейн и Кортни Лав.

Ли Харви Освальд — убийца Джона Кеннеди.

Сирхан Сирхан — палестинский иммигрант, убийца Роберта Кеннеди.

Джон Уилкс Бут — убийца Авраама Линкольна.